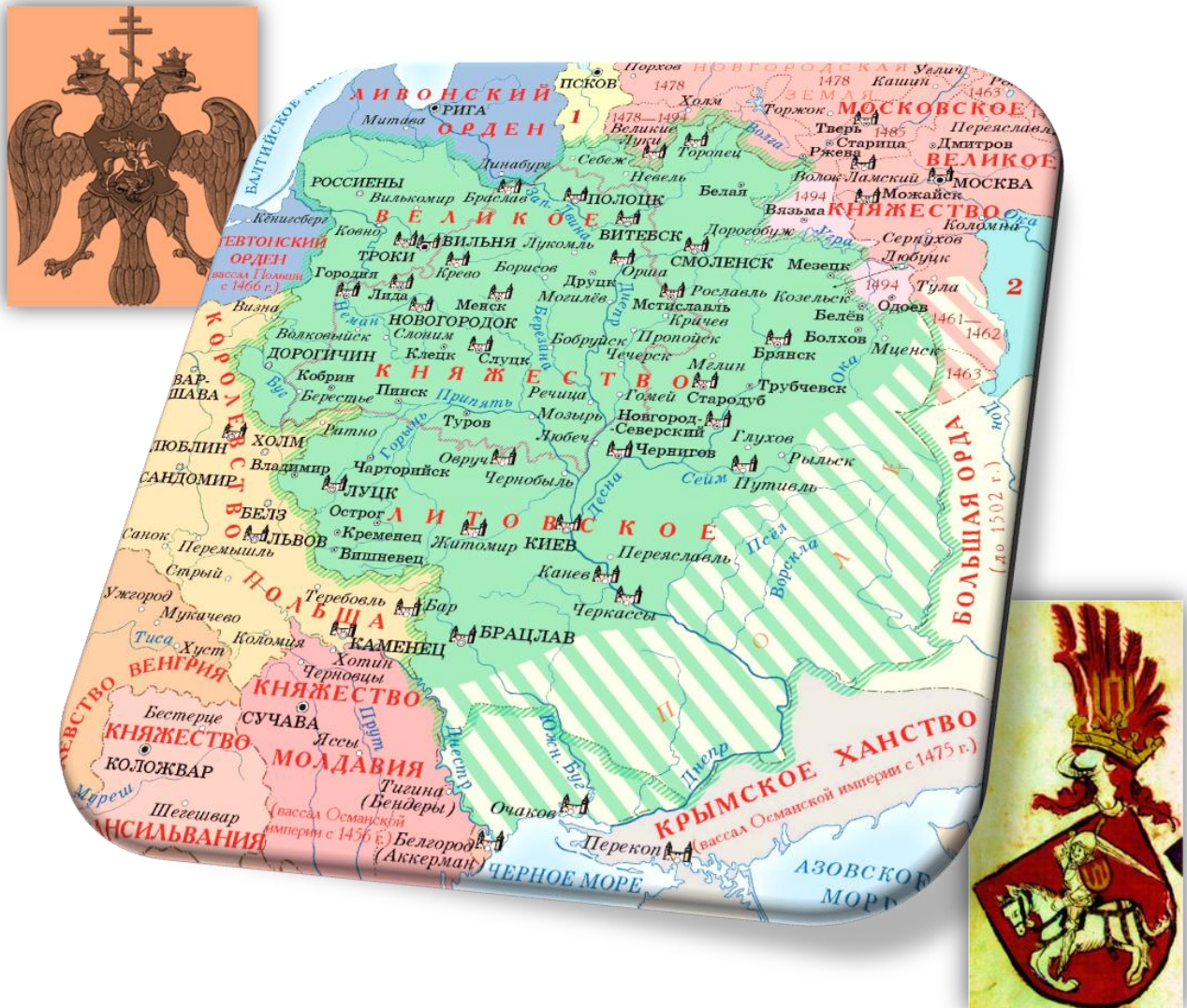

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории России

Пути становления и развития государственности в Восточной Европе в
период Средневековья и раннего Нового времени

Сборник статей международного научного круглого стола
«Пичетовские чтения»
9 ноября 2016 г., г. Минск, Беларусь

Минск, 2017

УДК 321(4)(091)

П 901

Решение о депонировании вынес:
Совет исторического факультета
27 июня 2017 г., протокол № 9

Редакционная коллегия:

Кандидат исторических наук, профессор О. А. Яновский;
Кандидат исторических наук, доцент С. Л. Луговцова;
Кандидат исторических наук, доцент С. Н. Темушев

Рецензенты:

Доктор исторических наук, доцент А. И. Груша;
Доктор исторических наук, профессор А. П. Житко

Пути становления и развития государственности в Восточной Европе в период Средневековья и раннего Нового времени : сб. статей международного научного круглого стола «Пичетовские чтения», 9 ноября 2016 г., г. Минск, Беларусь / БГУ, Исторический фак., Каф. истории России ; редкол.: О. А. Яновский, С. Л. Луговцова, С. Н. Темушев. – Минск : БГУ, 2017. – 156 с. : ил. – Библиогр. в конце ст.

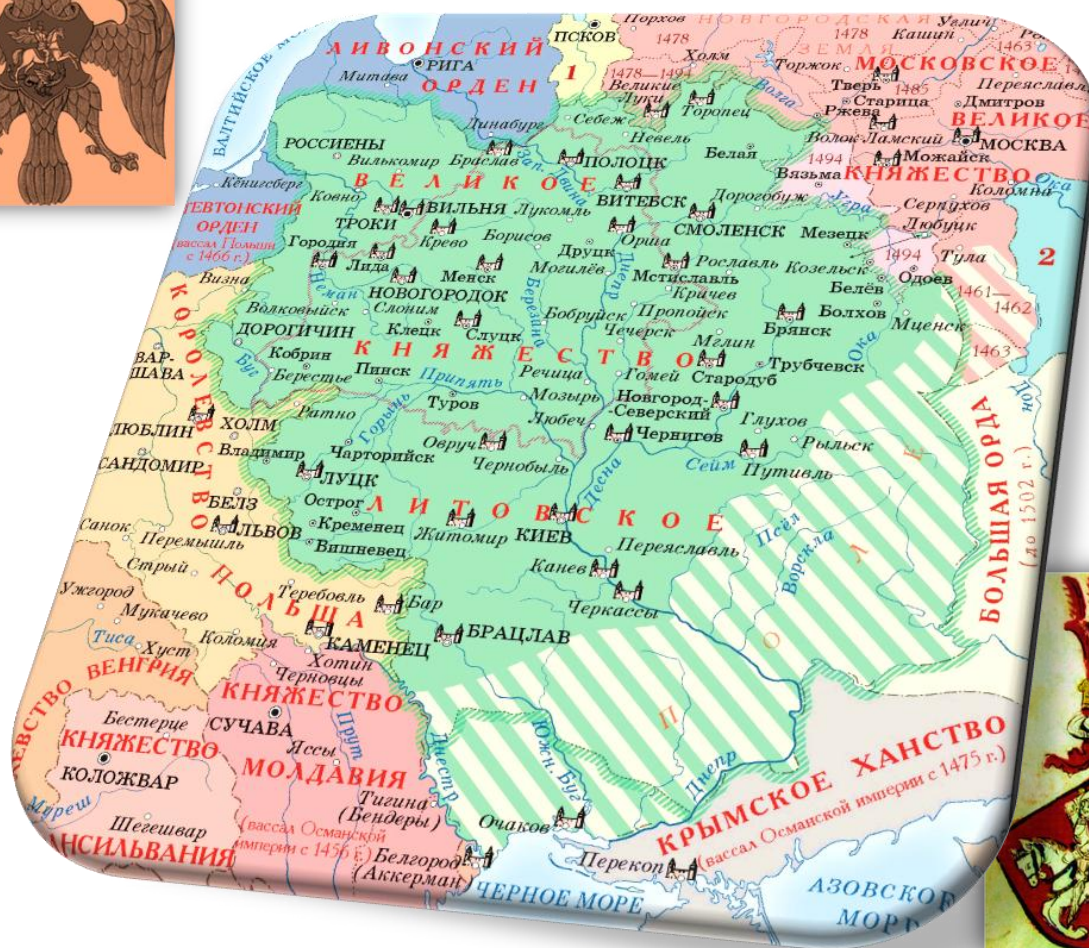
В сборнике опубликованы статьи участников международного научного круглого стола «Пичетовские чтения». В представленных работах рассмотрены актуальные научные проблемы генезиса и эволюции государственности в Восточной Европе в период Средневековья и раннего Нового времени.

Для студентов, магистрантов, аспирантов, специалистов и всех читателей, интересующихся историей.

Ministry of Education of the Republic of Belarus
Belarusian State University
Faculty of History
Department of Russian history

«The ways of the formation and development of statehood in Eastern Europe
during the Middle Ages
and Early Modern Times»

Digest of articles of the International scientific round table
«Pitchevsky readings»
November 9, 2016, Minsk, Belarus

Minsk
2017

UDC 321(4)(091)

W 36

Recommended by the Senate of the Faculty of History
June 27, 2017, No. 9

The Editorial Board:

Candidate of historical sciences, Professor A. Yanousky

Candidate of historical sciences, Associate Professor S. Lougovtsova

Candidate of historical sciences, Associate Professor St. Tsemushau

Reviewers:

Doctor of history A. Grusha

Doctor of history A. Zhytko

In the collection articles of participants of the international scientific round table «Pitchevsky readings» are published. In the works presented, topical scientific problems of the genesis and evolution of statehood in Eastern Europe during the Middle Ages and early Modern times are considered.

For students, undergraduates, graduate students, professionals and all readers interested in history.

Содержание

The content

О. Н. Левко	Государствообразующие процессы конца VIII – начала XI в. на территории Белорусского Подвинья.....	8
O. Levko	State-forming processes of the late VIII – early XI centuries on the territory of Belarusian Dvina area.....	8
О. А. Яновский	Разработка проблем отечественной средневековой истории в Белорусском государственном университете в 1921–1941 гг.....	42
A. Yanovski	Study of domestic medievell history in Belarusian state university 1921–1941.....	42
С. Н. Темушев	О роли налогово-даннической системы в генезисе государственности восточных славян.....	52
St. Tsemushau	About of the role of the tax-tributary system in the genesis of the statehood of the Eastern Slavs.....	52
И. Л. Калечиц	Граффити северо-западного столба полоцкой Спасо-Преображенской церкви.....	68
I. Kalechits	Graffiti the north-west pillar of the Polotsk Transfiguration Church.....	68
А.Н. Латушкин	Восстановление целостности комплекса оригиналов государственно-правовых актов 1387–1601 гг. архива Великого Княжества Литовского: постановка проблемы.....	77

A. Latushkin	The State Archive of the Grand Duchy of Lithuania, the complex of its original documents from 1387–1601: the restoration in electronic form as a whole one.....	77
С. Л. Луговцова	О дискуссионных вопросах образования Древнерусского государства.....	89
S. Lougovtsova	The discussion questions about the formation of the Old Russian State.....	89
Ю. В. Ситкевич	Документальные источники по истории дипломатической практики России последней четверти XV – первой половины XVI в.....	103
Y. Sitkevich	Documentary sources for the history of the Russian diplomatic practice (the end of XV century – 1st half of XVI century).....	103
П. Д. Скурко	“А книгъ не приготоуишь — мы человека твоего обесимъ”: книжная міграція на землях Усходняй Еўропы ў час войн і канфліктаў XVI–XVII стст.....	114
P. Skurko	“And if you do not prepare the books, your servant will be hanged”: book migration in Eastern Europe during the wars and conflicts of XVI–XVII-th centuries.....	114
А. А. Самойлов	Дети боярские и укрепление власти великого князя московского в XIV–XVI вв.....	128
A. Samoylov	The landowning cavalrymen and the rise of the Grand prince of Moscow in XIV–XVI centuries.....	128

В. С. Кулешов	Модели и пути развития ранней государственности в Восточной Европе VIII–X вв. в свете концепции диалога культур. Новейшие дискуссии и вопросы источниковедения	138
V. Kuleshov	Models and ways of early state formation in Eastern Europe, 8 th to 11 th centuries: recent discussions and some general issues in source studies	138

ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩИЕ ПРОЦЕССЫ КОНЦА VIII – НАЧАЛА XI В. НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ

STATE-FORMING PROCESSES OF THE LATE VIII – EARLY XI CENTURIES ON THE TERRITORY OF BELARUSIAN DVINA AREA

О. Н. Левко,

доктор ист. наук, профессор
зав. центром археологии и древней
истории Беларуси ИИ НАН Беларуси

O. Levko,

Doctor of history, professor
Head of the Center of Belarusian archeology
and ancient history of the Institute of History
of NAS Belarus,

Ключевые слова: государственность, восточные славяне, Верхнее Подвинье, Верхнее Поднепровье, кривичи-полочане, княжение, путь «из варяг в греки», княжество-земля, княжество-волость.

Keywords: statehood, the Eastern Slavs, the Upper Dvina, the Upper Dnieper, the Krivichi-Polotchans, the reign, the road «from the Varangians to the Greeks», the principality-land, the principality-volost.

Резюме: Статья посвящена проблеме выявления истоков государственности в Белорусском Подвинье, зарождающейся в эпоху викингов. Автор отмечает, что в настоящее время данная проблема имеет разные подходы в ее решении. Исследователи опираются, как на представление о едином Древнерусском государстве, так и на возможность формирования Полоцкой земли в качестве самостоятельного территориально-политического образования наряду с Новгородской и Киевской землями. Имеется также мнение о значительной роли «скандинавского фактора» в формировании государственности у восточных славян, в том числе в Полоцкой земле. Автор статьи считает, что археологические источники с территории Белорусского Подвинья убедительно свидетельствуют о самостоятельном пути формирования политического образования Полоцкая земля. Основой этого образования является территориально-племенной союз: княжение полочан (конец VIII – IX в.) с полиэтничным населением. Влияние скандинавов на

государствообразующий процесс в Белорусском Подвинье выразилось в активном вмешательстве в хозяйственную деятельность местного населения и ее ориентации на внешние связи. Этот фактор способствовал усилению экономического и политического значения данной территории в общем процессе сложения государственных структур у славян Восточной Европы.

Summary: The article deals with problem of revealing of origin of statehood on the territory of Belarusian Dvina area during Viking Age. This problem has different ways of looking at present, the Author notes. The researches has two hypothesis considering statehood of the Polotsk land – as the united ancient Russian state, as possibility of forming of the Polotsk land as an independent territorial and political entity equally with the Novgorod and Kiev lands. There is an opinion about significant role of the "Scandinavian factor" which took place during the formation of statehood of Eastern Slavs and the Polotsk land too. According to the Author the archeological sources from the territory of Belarusian Dvina area convincingly testify that territorial and political formation the Polotsk land was formed independently. The tribal union (late VIII – IX centuries) with polyethnic population is basis of this formation. The influence of Scandinavians on the state-forming process in Belarusian Dvina area was expressed as active interference in economy of local population and its orientation for international contacts. This factor promoted strengthening of economic and political significance of this territory in general process of the formation of state structures of the Slavs of Eastern Europe.

К постановке проблемы

Как показывают новые источники и исследования, в огромной историографии Древней Руси ряд ключевых вопросов, связанных с причинами, особенностями возникновения, характером взаимоотношений раннегосударственных образований у восточных славян, остается слабо или вовсе не изученным.

В научных, научно-популярных, учебно-просветительских публикациях белорусских исследователей раннегосударственный период на территории Беларуси представлен в двух вариантах. Один из них опирается на сложившийся в советской историографии стереотип единого Древнерусского государства, неотъемлемой составной частью которого на протяжении всего времени его существования являлись земли (княжества), располагавшиеся в IX–XIII вв. на территории современной Беларуси [7]. Эта позиция совпадает и с нынешними представлениями ряда белорусских,

российских и украинских ученых, занимающихся данной проблемой. Она же отражена и на картах первого тома издания «Вялікі гістарычны атлас Беларусі» (2009 г.).

В противовес первому варианту в публикациях белорусских исследователей 1990-х годов вполне определенно заявлено, что с X в. на территории Беларуси существовало раннегосударственное образование «Полоцкая земля», историческим ядром которого являлось племенное княжение кривичей–полочан [34; 24, с. 59, 92–104]. В качестве доказательства приводились фрагментарные летописные известия, на основе которых, однако, без дополнительных научных исследований, главным образом по данным археологии, невозможно проследить столь важные исторические процессы.

В последнее десятилетие приобрела новое звучание и идея участия варягов в государствообразующих процессах у восточных славян, в том числе на белорусских землях. Два этапа в выдвижении Полоцка в число ведущих политических центров при формировании раннегосударственных образований Восточной Европы выделяет М. Н. Самонова. Первый этап она связывает с созданием военно-политической структуры – «Каганата русов» (свеев) в 840-х годах и подключением Белорусского Подвинья к волжскому «пути из варяг в арабы», второй – со сменой каганата политическим образованием «Государство Рюрика» в 862 г., закреплением приемника Рюрика – Олега в 882 г. в Киеве и включением Полоцка в число городов, ориентированных на связи с Византией по пути «из варяг в греки». Исходя из политического и географического значения Полоцка во второй половине IX в., исследователь делает ряд выводов, связанных с причинами похода Аскольда и Дира в 865 г. из Киева на Полоцк и присутствием последнего в договоре с Византией под 907 г., либо его отсутствием в договоре 944 г. Интерес представляет высказанное М. Н. Самоновой предположение о вокняжении в середине X в. скандинавов — Рогволода в Полоцке, а Туры в Турове в связи с политической нестабильностью в Киевской Руси (убийство в 945 г. князя Игоря древлянами и деятельность княгини Ольги по восстановлению главенства Киева над данниками). Различие социального статуса имен Рогволода (принадлежность к высшей скандинавской знати) и Туры, чье имя не было элитным, также дает основание к рассмотрению вопроса о причинах одновременности обретения политической самостоятельности Полоцким и Туровским княжествами. Однако в вопросе возвращения киевским князем Владимиром Полоцкого княжества Рогнеде и ее сыну Изяславу в

качестве «отчины» роль правовых обычаев «скандинавского фактора» не представляется бесспорной. Возможны и другие причины, по которым произошло утверждение в Полоцке правящей династии Рогволодовичей-Изяславичей. Скорее всего это могло быть решением местной боярской верхушки («мужей»), которая и в дальнейшем проявляла себя весьма выразительно, соблюдая собственные, прежде всего экономические интересы. Ничем не обосновано приписываемое находящемуся на службе у Брячислава шведскому конунгу Эймунду влияние на увеличение территории Полоцкой земли и усиление ее государственности [32]. В данных вопросах, безусловно, заслуга самого полоцкого князя, который сумел построить с выгодой для Полоцкой земли взаимоотношения со своим дядей Ярославом Мудрым.

В основу изучения проблемы истоков белорусской государственности нами положены историко-археологические исследования Полоцко–Витебского ареала. Целью данных исследований является обоснование и доказательство того, что образование «Полоцкая земля» в IX–XI вв. самостоятельно сложилось в качестве раннегосударственной структуры Восточной Европы, равнозначной в политическом отношении Новгородской и Киевской землям, имеющей и развивающей собственную, формирующуюся в рамках зарождающихся межгосударственных отношений территорию и институты новой княжеской (государственной) и восходящей к племенному строю боярской власти.

Реальная дееспособность этой структуры проявлялась в течение определенного периода времени в изменяющихся формах внутренних и внешних политических и экономических отношений, территориально-административном развитии, характере управления и др.

Формирование территориально–племенного «княжения» полочан (VIII–IX вв.)

Этнокультурным процессам второй половины I тыс.н.э. на территории северной и центральной Беларуси много внимания уделял Г. В. Штыхов, изучая древности кривичей. Он соотносил зоны их расселения с синхронными им археологическими культурами, отраженными в курганном инвентаре и погребальном обряде, а также в поселениях. Г. В. Штыхов пришел к выводу, что на территории Северной и Центральной Беларуси погребальные памятники в одном случае отражают симбиоз балто-славян, в другом – славяно-балтов, а в третьем принадлежат славянам [35]. Однако такой вывод не способствует решению проблемы

этнической принадлежности населения, соотносимого с культурой «длинных курганов» на раннем этапе (VI – первая половина VIII в.) освоения им Подвинья. В научной среде историков, лингвистов, археологов существует мнение, что в этническом отношении кривичи представляют собой население, включающее балтов и славян. К балтскому же этносу часть исследователей относит синхронные длинным курганам «банцеровскую» и «тушемлинскую» археологические культуры, с которыми отмечается взаимодействие «ранних кривичей» в Белорусском Подвинье. В то же время установлено, что в Витебском Подвинье, в отличие от центральной (Полоцкое Подвинье) и западной (белорусско-латышское порубежье) частей Белорусского Подвинья, уже с III в. н.э. имеют место процессы, связанные с наполнением региона новым населением и новыми традициями в хозяйственной жизни, присущими кругу древностей праславянской «киевской культуры» (или верхнеднепровского ее варианта — культуры «типа Абидни»). Уже в IV–V вв. влияние этих новаций распространилось на всю территорию, которую занимал в третьей четверти I тыс. н.э. банцеровско-тушемлинский ареал [33, с. 45]. Российскими исследователями распространение древностей круга «киевской культуры» к настоящему времени очерчивается достаточно широко (в северном направлении вплоть до оз. Ильмень) [27]. Таким образом, признаваемая праславянской, киевская культура в той или иной степени также является подосновой и банцеровской и тушемлинской культур VI–VIII вв., локализованных на территории центральной и северной Беларуси. Неоднозначность трактовки этнической принадлежности ряда археологических культур усложняет решение вопроса об этносе населения накануне возникновения государственности на белорусских землях. Известных по летописи кривичей ученые соотносят также и с распространением нового этапа культуры «длинных курганов» во второй половине VIII–XI вв. (смоленско-полоцкие кривичи), который по обряду, инвентарю и форме насыпей курганов коренным образом отличается от первого. Автор данной публикации при раскопках поселений и могильников (III–X вв.) на территории северо-восточной Беларуси (Витебское Подвинье и Оршанское Поднепровье) пришла к выводу о постоянном насыщении данного региона культурными новациями на протяжении всего I тысячелетия н.э. В первой половине тысячелетия это было движение населения с южных регионов (киевская культура). В третьей четверти тысячелетия наблюдается сближение культурных влияний с юга (продвижение носителей славянской

колочинской культуры в Оршанское Поднепровье) и с севера (продвижение ранних кривичей – носителей культуры длинных курганов в Белорусское Подвинье) [14].

Анализ имеющихся разработок по этнокультурным процессам на территории Северной и Центральной Беларуси показывает, что данная проблема нуждается в дальнейшем изучении. В настоящее время можно лишь говорить о тенденциях в этнических преобразованиях, которые прослеживаются по археологическим материалам, но однозначного ответа на вопрос о соотношении в тех или иных археологических культурах различных этнических компонентов накануне зарождения государственности в Белорусском Подвинье нет.

Исходя из археологических данных о хронологии распространения древностей культуры «длинных курганов» на территории Восточной Европы, были определены основные направления раннего этапа расселения кривичей в пределах северной Беларуси, обозначено местоположение ядра формирующегося «княжения» кривичей-полочан и обосновано зарождение раннегосударственного образования на основе этого княжения (см. рис.1, 2; карта 1) [16]. Многие исследователи не разделяют понятия «княжение» и «княжество», употребляя их применительно к различным эпохам. Однако, по существу понятие «княжение» соответствует лишь территориально-племенному образованию, в то время как «княжество» связывается с более высоким уровнем организации общества [17]. Этнокультурные процессы второй половины I тысячелетия н.э. способствовали формированию в Восточной Европе устойчивых общностей на определенных территориях, в которых господствовал племенной уклад, но уже сложились как внутренние, так и внешние предпосылки для более высокого уровня развития общества.

«Княжение» кривичей–полочан, судя по второй части их названия, должно было изначально занимать территорию, непосредственно прилегающую к Полоцку [15]. Регион Полоцкого Подвинья был отделен от Витебского Подвинья обширным заболоченным пространством, ограниченным на востоке течением р. Оболь. Этот природный фактор препятствовал объединению всей территории Белорусского Подвинья на раннем этапе формирования государственности. Так как основная концентрация из известных наиболее ранних «длинных курганов» приходится на территорию Псковщины, а в Северной Беларуси эти памятники, датируемые VI–VII вв. выявлены лишь в Россонском и Городокском районах Витебской области, то есть все основания полагать,

что ранние кривичи продвигались с территории Псковщины в Белорусское Подвинье, а не наоборот, как считает Г. В. Штыхов [1, с. 383–384]¹. Такой постановке вопроса не противоречит и хронология древностей, выявленных в разных частях лесной зоны Восточной Европы, соотносимых с кривичами.

Расселение кривичей в Белорусском Подвинье фиксируется по распространению их могильников (длинных и удлиненных курганов) с территории Псковщины и Россонского района Витебской области на протяжении VI–VII вв. н.э. к Ушачскому поозерью левобережья Полоцкого Подвинья. Параллельно с верховьев Ловати (курганный могильник Дорохи в Городокском районе) они проникают вглубь Витебского Подвинья и по волоку из р. Лучесы в Оршанское Поднепровье. Удлиненные курганы на водоразделе Западной Двины и Днепра (бассейн р. Оболянки в Сенненском районе, оз. Ореховское в Оршанском районе, р. Верхита в Дубровенском районе) фиксируют южный рубеж первого этапа расселения кривичей в северной Беларуси [16, с. 37]. Скопления курганов VI–VII/VIII вв. в междуречье Ушачи и Уллы, Городокском поозерье, округе Витебска и оз. Ореховского маркируют зоны формирования территориально — племенных структур IX–X вв. в Полоцком и Витебском Подвинье, а также в Оршанском Поднепровье [18].

Носители культуры длинных курганов заняли междуречье Уллы и Ушачи (восточная часть современного Ушачского района), где сконцентрировано значительное количество крупных и мелких озёр. С северо-востока поселения ограничивала р. Улла, впадающая, как и р. Ушача, в Западную Двину. Основной массив курганов и в IX–X вв. был сконцентрирован южнее Полоцка, по берегам р. Ушачи и озёр. На р. Полоте общей протяженностью в 60–70 км мало встречается археологических памятников этого времени, что связано с неурожайными почвами, болотами, чередующимися с песками. Поэтому погребальные объекты в округе д. Малое Ситно и д. Захарничи датируются не ранее XI в. [35, с. 100]. Именно зона междуречья Ушачи и Уллы, максимально

¹ Оспаривая взгляды В. В. Седова о происхождении кривичей лесной зоны Восточной Европы от венедской группы раннего славянства, Г. В. Штыхов считает, что выявленные в разных частях лесной зоны Восточной Европы памятники с «расчесанной» керамикой (т.е. круга киевской культуры), указывают на местные корни комплекса культуры длинных курганов ранней стадии в Северной Беларуси. Он опирается на находки в насыпях курганов Повалишино (Россонский район), Бельчица, Горовые, Рудня (Полоцкий район) керамики с расчесами. Поэтому движение носителей культуры длинных курганов ранней стадии, по мнению ученого, осуществлялось из северной Беларуси на территорию Псковщины и Новгородчины, как и движение их предшественников с «расчесанной керамикой» [37, с. 25–36].

приближенная к Полоцкому городищу у Западной Двины и пригодная для развития хозяйственной деятельности, становится ядром формирования территории княжения кривичей-полочан, а затем Полоцкой волости (княжества).

Для закрепления власти над местным населением, носители культуры длинных курганов (кривичи?) должны были иметь определенную социальную организацию. Такой организацией стало *княжение полочан*, а укрепленное в VIII–IX вв. *Полоцкое городище* (град), расположенное в устье р. Полоты у Западной Двины — центром управления подвластной им территорией. Недатированная часть «Повести временных лет» отмечает: «*держати почаша родъ ихъ княжэнье...на Полоте, иже Полочане. От нихъ же кривичи, иже седять на верхъ Волги, и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, ихъ же градъ есть Смоленск*» [28, с. 13, 18]. Здесь очевиден все еще родовой принцип организации власти. Однако, выделение в качестве *главных родов* тех, кто имел грады в Полоцке и Смоленске, свидетельствует о том, что над родовыми общинами стоит племенная знать (будущие бояре, мужи), контролирующая определенную территорию, на которой осели правящие роды. Вероятно, что именно тогда, когда Полоцк занял главное место среди других родовых центров Полоцкого Подвинья, появилось название «полочане», распространившееся на все население, подвластное Полоцку. Оно расшифровано словами летописи: «Нарекошася полочане, речьки ради... именем Полота».

В связи с необходимостью определить этническую принадлежность населения, образовавшего племенное «княжение» полочан, исследователи рассматривают разные варианты. Свою версию трактовки летописного сообщения «...Полочане. От нихъ же кривичи...» предложил В. И. Шадыро.² Представляется, что эта версия сочетает в себе мотивированную В. В. Седовым возможность появления наиболее ранних славян-кривичей на территории Псковщины из зоны Повисленья и попытку связать полоцкую ветвь кривичского (?) населения с балтами, в отличие от

² Белорусский археолог В. И. Шадыро, придерживается точки зрения, что термин «полочане» обозначает не территориальную принадлежность населения, связанного со своим центром, а определяет диалектно-этнографическую группу Среднего (Полоцкого) Подвинья на территории Беларуси, которая своими корнями и традициями в большей степени связана с балтским (латгальским) и в меньшей степени с прибалтийско-финским субстратом. Он же считает, что пракривичи («кривы») двигались с Повисленья через Понеманье на Подвинье и далее на северо-восток, видя определенное сходство в своей позиции с позицией Г. В. Штыхова относительно направленности расселения ранних кривичей [33, с. 109].

псковских и смоленских кривичей, которых, обозначив их границы, лингвисты выделяют в особые диалектные группы [26, с. 54–63].

Кривичи-смоляне. Кривичи, проникшие на рубеже VII/VIII и в VIII вв. из Ловатско-Двинского междуречья на территорию Смоленщины, оседали в бассейне Двины по ее притокам: Меже и Каспле. В зону Смоленского Поднепровья они продвинулись в IX в. и здесь сформировался их центр — «град Смоленск» (Гнёздово). *Малые племенные образования Витебского Подвинья и Оршанского Поднепровья*, обслуживавшие волоковые участки, сформировались в VII–VIII вв., когда в эти зоны началось проникновение кривичей с территории Псковщины. Особенностью положения данных территориально-племенных образований было то, что они отделялись от смоленских кривичей наличием порогов на р. Западная Двина в районе перехода в р. Касплю, а также порогами на р. Днепр выше Орши. Таким образом, эти локальные племенные структуры в силу природных факторов были отделены на востоке от смоленских кривичей речными порогами, а на западе от полоцких болотами.

К IX в. *владения полоцкого княжества* на севере и востоке все также были отделены от остальной территории кривичей течением рек Дрисса и Оболя. По мере укрепления княжества, владения полочан беспрепятственно расширялись в западном направлении. На протяжении IX–X вв., как видно из материалов археологических исследований А. Г. Митрофанова и Г. В. Штыхова, их опорными пунктами становятся сначала городище Свило-1 (Глубокский район), затем городище Городец на р. Мнюте (Шарковщинский район) [16, с. 160]. На юге территория полочан была отделена р. Уллой от Лукомльского скопления поселений.

Формирование пути «из варяг в греки» и кривичские территории

В конце VIII – начале IX в. формируется речной военно-торговый путь «из варяг в греки», проходящий через кривичские земли. Видимо в силу активизации военно-торговых операций в лесной части Восточной Европы, Полоцк также был втянут не только в торговые, но и в военно-политические отношения со своими соседями. Контакты с Балтийским регионом, связь с Ладогой и Новгородом со второй половины IX в. у Полоцка очевидны. Под 862 годом «Повесть временных лет» упоминает варяжского князя Рюрика, правившего в Новгороде, который спустя два года «...раздая мужемъ грады, овому Полотескъ... И по темъ городам суть находници варязи, а перьвии насельници... въ Полотьски кривичи...». Эта фраза с одной стороны подчеркивает, что основателями Полоцка являются

кривичи. С другой стороны, она указывает на то, что «находниками» в Полоцк являются варяги. Какова была их функция? Возможно, они приходили за данью, которую выплачивали варягам и другие кривичи. Известно, что язык у полочан «словенск». Следовательно, Полоцк становится к концу IX в. полноценным восточнославянским центром самостоятельного княжения.

Краткие сведения, относящиеся к 865 г., содержит Никоновская летопись: «воеваша Аскольд и Диръ полочанъ и много зла сътвориша». Эта запись свидетельствует об интересе к Полоцкому княжению не только со стороны Новгорода, где сидел варяг Рюрик, но и со стороны Киева, являвшегося центром средnedнепровских полян. Б. А. Рыбаков, комментируя данное сообщение, полагал, что поход полян планировался против варягов [31, с. 294]. Более вероятно, что поход из Киева был затеян против перспективы расширения варяжской дани в южном направлении (от Новгорода к Полоцку, а затем и к Киеву). Эта перспектива все же стала реальностью, хотя и в несколько ином выражении. Кульминационным моментом в истории Новгородского и Киевского княжений был поход Олега, преемника Рюрика, в 882 г. через Смоленск (Гнёздово) в Киев. *Обойдя стороной Полоцкое княжение*, он объединил север с югом, объявив Киев столицей («матерью городов русских») *нового территориально-политического образования, состоящего из Новгородского и Киевского княжений*. Обложил данью в пользу Киева смоленских кривичей и установил по р. Сож (а не р. Днепр, где были труднопроходимые Кобыляцкие пороги) официальный путь из Киева в Новгород. Полоцк, контролирующий движение товаров по р. Западной Двине, в конце IX в. перекрывает свободное поступление балтских импортов на Смоленщину, замыкая на себе этот поток. Об исчезновении в это время в смоленских курганах балтских предметов свидетельствуют археологические раскопки [15, с. 162].

Ранние клады IX–X вв., зафиксированные на переходе из р. Днепр к р. Лучесе. В районе Витебска они указывают на активное использование местных волоков к р. Ловать в Витебском Подвинье. Этим же путем в 947 г. с целью установления пунктов сбора дани пользуется киевская княгиня Ольга. Топонимы «Ольгово», сохранившиеся у Витебска и оз. Межа в Городокском районе (см. рис. 4, 5) показывают заинтересованность киевской власти в этих участках водного пути [11, с. 154–159].

Об оживленных контактах севера и юга в период формирования княжений на территории Восточной Европы свидетельствуют

археологические материалы VIII–X вв. Наиболее показательна в этом отношении массовая бытовая керамика. Для Белорусского Подвинья VIII–X вв. кроме распространенных, как и в Поднепровье, лепных и круговых сосудов типа Лука-Райковецкой и роменской культур, характерно также присутствие керамики «ладожского типа» с территории Новгородчины, который связывается с культурой сопкок, принадлежащей приильменским словенам. Помимо Полоцка и его окрестностей такая керамика, как и сопкообразные насыпи погребальных памятников, встречены на отрезке «пути из варяг в греки» из Витебского Подвинья в Оршанское Поднепровье (Старое Село, Лужесно, Ореховск). Она же появляется и на раннесредневековых памятниках Скандинавии в результате налаженных торговых и иных отношений между Верхней Русью, Биркой и другими пунктами морского пути [13, с. 39–40].

Кривичи-полочане и «княжество Рогволода» (до конца X в.)

Археологически подтверждено, что кривичи были первыми поселенцами укрепленного полоцкого городища – «града» и приближенного к нему со стороны будущего Нижнего замка селища.

Полоцк был основан на удалении 0,8 км от устья р. Полоты. Городище относится к мысовому типу, его высота составляет от 13,5 до 13,8 м. Как установлено исследованиями, первоначально (до 1563 г.) площадь городища могла достигать 2 га (р. Полота в древности огибала городище с северной стороны, и оно находилось на ее левом берегу).

Д. В. Дуком получены неоспоримые свидетельства того, что кривичи проживали на полоцком городище ранее первого летописного упоминания Полоцка. Радиоуглеродный анализ остатков обгоревшей древесины из раскопок на полоцком городище дает дату начального славянского заселения городища – 780 год. На городище выявлены серебряные куфические дирхемы арабского халифата (чеканка не позже 818 г.), попавшие в Полоцк в 820–840-е гг. [4, с. 21–27].

Древнейшее селище площадью около 6 га располагалось у подножия городища с южной стороны. В районе т. н. «стрелки» Нижнего замка (раскопки Д. В. Дука 2008 г.) нижний стратиграфический слой образовался в IX–X веках. Совокупность данных радиоуглеродного датирования и обнаруженных артефактов позволили определить нижнюю границу существования селища летописного Полоцка в пределах VI – конца VIII в. (начальный этап) и соотнести его с банцеровско-тушемлинской культурой и ранними кривичами. В последней четверти VIII – X в. селище осваивает

население культуры смоленско-полоцких длинных курганов. В конце X – XI в. поселение перерастает в окольный город раннегосударственного центра. Отсутствие стерильных прослоек в структуре слоя, свидетельствующих о запустении поселения, а также значительного количества угля, указывающего на его гибель в военном столкновении, дают основание для определения непрерывного характера существования полоцкого селища в VI–X вв. На правом берегу р. Полоты располагалось «предградье» площадью 0,25 га. В пользу того, что подобные малые селища могли находиться и в других местах вблизи городища есть прямые археологические свидетельства. Присутствие скандинавов (варягов) на полоцком городище и поселениях возле него по вещевому комплексу практически не прослеживается. Это отличает Полоцк от древнейших городских центров Северной Руси – Рюрикова городища в Новгороде и т. н. «Земляного городища» в Старой Ладогe, где был найден богатый ассортимент скандинавского оружия и украшения. Комплекс предметов IX–X вв. с полоцкого городища и поселений округа идентичен. Он указывает на то, что начальная крепость на городище была основана населением смоленско-полоцких длинных курганов и функционировала без участия скандинавов [2, с. 37–39]. Суммарная площадь первоначального Полоцка (городище, селище-предградье и поселение, предшествовавшее Нижнему замку) была не менее 8 га. Археологический материал подтверждает данные летописных источников о существовании Полоцка как укрепленного центра — «града» в IX–X вв. Материальная культура второй половины I тыс. на данном поселении соответствует его округе и убеждает в развитии этого центра на местной основе.

В X в. территория Полоцкого княжения продолжает расширяться, а его политическая структура преобразуется в раннегосударственную — княжество. Данный процесс характерен также для Киевского и Новгородского княжений, объединившихся под властью Киева в новое территориально-политическое образование. Зарождающаяся государственная власть на основе подчиняемых локальных племенных структур на протяжении IX – начала XI вв. создает княжества, волости и погосты (пункты сбора дани). *Ядро Полоцкого княжества* (между Уллой и Ушачей) административно входило в ближайшую округу Полоцка (Полоцкую волость) и представляло наиболее престижные земельные владения, которые, видимо, принадлежали боярству, вышедшему из

состава племенной знати³ [22, с. 95]. О быстром экономическом развитии Полоцкого княжества в X в. свидетельствует нахождение на его территории 38 кладов с серебряными арабскими и западноевропейскими монетами. Границы Полоцкого княжества расширяются также за счет обложения данями и «примучивания» ближайших соседей, еще не охваченных процессом огосударствления со стороны Киева. Топонимы «межа», «межник» на север от Полоцка показывают, что *северный рубеж Полоцкого княжества* проходил по южной части территории современной Псковской области Российской Федерации. *Западной периферией княжества* являлось междуречье Дисны и Западной Двины. *На юго-западе* в середине X в. власть Полоцка распространилась на верховья р. Свислочи, где на месте современного Заславля в зоне расселения дреговичей находилась застава (поселение) полоцких дружинников [8, с. 8–15]. *На востоке* территория княжества, как и прежде, ограничивалась р. Оболь и р. Уллой. Витебское Подвинье и Оршанское Поднепровье после похода княгини Ольги в 947 г. на север и установления ею погостов были подвластны Киеву. *На юго-востоке* граница Полоцкого княжества, видимо, доходила до территорий, занимаемых «племенем лукомлян» с центром в Лукомле и Друцкой волостью с центром в Друцке. Археологический материал городища и селища в Лукомле относится к VIII–IX вв. и соответствует банцеровской, смешанным формам керамики культуры смоленско-полоцких длинных курганов и лука-райковецкой. Возведение оборонительных сооружений городища отнесено Г. В. Штыховым к IX в. [36, с. 43]. Следы пожара на городище и затем усиление его укреплений исследователь датирует X в., что позволяет предположить включение данного населенного пункта с волостью (княжением) в это время в состав Полоцкого княжества.

К 970–980-м годам относится известие о «*княжестве Рогволода*»: «..бе бо Рогволодъ пришел из-заморья, имяше власть свою в Полотеске...» [28, с. 54]. О том, какую роль сыграл Рогволод в развитии государственности Полоцкой земли за короткий период своего правления, никаких сведений нет. Однако Полоцкая земля при Рогволоде оставалась

³ Как видно из раздела территории Полоцкой земли в дальнейшем, правящие полоцкие князья свой домен формировали постепенно и земельные наделы, которыми пользовалась княжеская семья, находились вне территории современной Ушаччины. К наиболее известному боярскому роду на Полотчине относятся Корсаки, представители которых упоминаются в полоцких грамотах под 1385 г. Даже в первой половине XVI в. род Корсаков входил в первую десятку наиболее богатейших родов ВКЛ [25, с. 45–46]. Возможно, наличие в современном Ушачском районе д. Корсаково косвенно свидетельствует о принадлежности какой-то части земель этого района в древние времена известному боярскому роду.

привлекательной для соседей с точки зрения выгодного союзника в решении их проблем. Можно полагать, что соперничество в борьбе за верховную власть между новгородским князем Владимиром Святославовичем и его братом киевским князем Ярополком вынудило их искать поддержку у полоцкого князя через брак с его дочерью Рогнедой. Согласно преданию, не получив согласия на этот брак, Владимир мечом добивается включения Полоцкого княжества в состав своих владений, утвердившись в Киеве. Сын Рогнеды и Владимира – Изяслав вместе с матерью был возвращен на ее родину в качестве наместника Владимира, на что указывает построенный для этой цели на границе с Киевской землей город Изяславль, откуда, видимо, предполагалось управление Полоцкой землей под патронажем Киева. Неясен вопрос закрепления Изяслава на полоцком столе. Скорее всего, это произошло *по договору (ряду) с полоцким боярством*. По крайней мере с конца X в. развитие Полоцкого княжества осуществляется независимо от Киева. Все его дальнейшие шаги были направлены на расширение и упрочение государственных границ, наращивание своего экономического потенциала, международного авторитета. Печать полоцкого князя Изяслава (найдена в Новгороде) (см. рис. 10) подтверждает, что он являлся верховным распорядителем государственных владений, и, следовательно, полноправным главой Полоцкой земли.

Деятельность правителей Полоцкой земли и рост государственной территории в конце X–XI в.

События первых десятилетий XI в. показывают дальнейший курс полоцких князей на усиление Полоцкой земли и упрочение ее межгосударственного авторитета. В Киеве построен двор следующего за Изяславом полоцкого правителя — его сына Брячислава. А самому Брячиславу киевский князь Ярослав Мудрый предлагает: «Буди же с мною един». Этот договор скреплен передачей в 1021 г. Полоцкому княжеству двух волостей на отрезке пути «из варяг в греки» в Витебском Подвинье: *Витебской и Усвятской*. Их границы были обозначены возникшими в это время порубежными крепостями, отделяющими данные волости от владений Киевской Руси. Восточный рубеж Витебской волости со Смоленским княжеством в XI в. проходил по нижнему течению р. Усвячи, затем р. Каспле, р. Рутавечь до оз. Рутавечь, где располагался волок на р. Березину (крепости возле д. Кошевичи, д. Ковали, д. Микулино). От Оршанского Поднепровья Витебская волость была отделена р.

Рубежницей, подходящей к оз. Рутавечь (см. рис. 6). В первой половине XI в. в Оршанском Поднепровье погост Черкасово, расположенный в междуречье Оршицы и Адрова, был пунктом сбора дани киевскими князьями [23]. Каменный крест с изображением древнего герба Полоцка, выявленный в д. Межево на р. Скуня Оршанского района подтверждает местоположение юго-восточной границы Полоцкой земли в XI в.

Около 1024 г. также в правление Ярослава Мудрого южную периферию Полоцкой земли обозначили вошедшие в ее состав *Менская и, видимо, Друцкая волости*.

Менская волость имела центр на р. Мене (Менке), притоке верхнего течения р. Птичи у современной д. Городище в 16,7 км юго-западнее г. Минска. В IX–XI вв. это была обширная и густо заселенная территория. В пользу такого вывода свидетельствуют результаты научных археологических исследований, проводившихся Э. М. Загорульским, М. А. Ткачевым, Г. В. Штыховым, Ю. А. Заяцем на комплексе расположенных здесь памятников в 1970-х и 1990-х гг.

Вал большого городища на р. Менке был насыпан не ранее IX в., а до этого времени на его территории располагалось неукрепленное поселение рядом с малым городищем, имевшим земляной вал. Такая структура поселений характерна для родоплеменной эпохи. Оба городища были окружены тремя обширными селищами, общая площадь которых составляет более 30 га. Таким образом, представляется правомерным утверждать, что поселения, возникшие в железном веке у д. Городище на р. Менке, получили свое дальнейшее развитие в раннем средневековье и заложили основу формирования племенного центра.

В окрестностях археологического комплекса на р. Менке в 1980–1990-е годы Г. В. Штыховым и Ю. А. Заяцем были выявлены и исследовались многочисленные обширные сельские поселения X–XI вв., принадлежавшие населению, которое обслуживало волоки на пути «из варяг в греки» по рекам Птичь, Свислочь, Березина. В пользу того, что именно комплекс поселений у д. Городище (городища и селища) стал сначала центром племенной территории (волости), а позднее трансформировался в ранний город — центр княжества, говорят и находки в его окрестностях трех крупных монетных кладов, датируемых с 816 г. по конец X в.

В процессе огосударствления племенных территорий Менская волость выплачивала дань Киеву. Об этом свидетельствуют собранные Г. В. Штыховым на большом городище днища горшков с клеймами в виде трезубца — княжеского знака Владимира Святославовича. Неоднократно

обнаруживались они в раскопках селищ как менковского комплекса, так и его окружи на р. Птичь.

В первой четверти XI в. Менская волость, заселенная дреговичами, вошла в состав формирующегося государственного образования Полоцкая земля как территориально-административная единица. Северная ее часть примыкала к Изяславской волости, основанной, видимо, в конце X в., когда на юго-западном рубеже Полоцкого княжества с Киевской Русью была построена крепость Изяславль. На юге Менская волость граничила с киевскими землями. Одна из них – волость Дреговичи, крепости которой (Клеческъ, Копыль, Случескъ), на данном пограничье известны по источникам, описывающим события XII в. Но, судя по археологическому материалу, они могли быть возведены после вхождения Менской волости в состав Полоцкой земли, т.е. в XI в. и, таким образом, обозначили новый, более южный рубеж между Полоцкими и Киевскими владениями.

Летопись сообщает, что в 1116 г. Глеб менский «воевал Дреговичи и Случескъ», который в это время уже существовал. А в 1149 г. Святослав Ольгович черниговский «взя и Случьск и Клечьск и вси Дреговичи». Очевидно, что Слуцк, Клецк, а, следовательно, и находящийся между ними Копыль, в XII в. относились к волости Дреговичи, располагавшейся между Менским княжеством и Туровской землей [9].

Летописи под 1067 г. отразили трагическое событие в истории Менска, когда объединенными силами трех сыновей Ярослава Мудрого – Изяслава, Святослава и Всеволода был разрушен этот город, убиты все мужчины, а женщины и дети взяты в качестве военной добычи. В решающей битве, происходившей уже на р. Немиге между Ярославичами и Всеславом Полоцким (сыном Брячислава) победу одержали южнорусские князья. Это событие имеет, несомненно, глубокую мотивацию. К такой мотивации можно отнести: 1) этническое единство территории Менской волости с дреговичскими землями, вошедшими в состав Киевской Руси, что создавало прецедент для попытки их воссоединения; 2) передачу Ярославом Мудрым данной волости Полоцкой земле, вероятно, на определенных политических условиях; 3) нежелание сыновей Ярослава считаться с этими условиями и утратой киевских владений в пользу Полоцка; 4) и, наконец, предшествующее этому походу нападение Всеслава Полоцкого на Псков (1065 г.) и Новгород (1066 г.) [20].

В конце X–XI в. малое городище на р. Менке выполняло функцию детинца раннесредневекового города. На его территории найден привезенный из Северного Причерноморья уникальный амулет из

египетского фаянса цвета бирюзы в виде плоской бусины с рельефным изображением крылатого божества. К этому времени относятся раннекруговые сосуды, наконечники ножен мечей, стрел, предметы снаряжения всадника и коня, застежки плащей (фибулы). Примыкающее к детинцу, плотно заселенное большое городище могло выполнять функцию укрепленного окольного города. Здесь обнаружены 86 фрагментов амфор, свидетельствующих о торговле с южными землями.

На территории неукрепленного селища (раннегородского посада), окружавшего детинец и окольный город, выявлены уникальные свинцовые печати XI в., костяная шахматная фигура коня наиболее раннего из известных типов с территории Киевской Руси. Здесь также впервые на территории Беларуси зафиксированы мастерские по изготовлению пряслиц из овручского шиферного сланца. Нижние слои крупных поселений, расположенных по течению р. Птичи в ее верховьях, а также на р. Лошица в направлении современного центра г. Минска датируются X–XI вв. Находки серебряной монеты, чеканенной в Германии в X в., клада серебряных арабских дирхемов и западноевропейских денариев, захороненного в землю около 1000 г. указывают на обслуживание местным населением волока от городища на р. Менке до р. Свислочь.

Несомненный раннегородской характер материальной культуры поселенческого комплекса на р. Менка у д. Городище, его значительные размеры, развитая сеть окружающих его поселений вдоль волоков в период функционирования пути «из варяг в греки», указывают на его ведущее положение в регионе в IX–XI вв.

Поход 1084–1085 гг., осуществленный уже Владимиром Мономахом в Менскую волость, ознаменовался тем, что он, как написано в его «Поучении»: «изъехахом город и не оставихом у него ни челядина, ни скотины» [30, стб. 160]. Этот поход, видимо, был вызван действиями Всеслава полоцкого, который неустанно трудился над расширением и укреплением государственных границ Полоцкой земли. В чем суть реакции Владимира Мономаха на действия Всеслава? Известно, что около 1085 г. сын Всеслава полоцкого Глеб женится на Анастасии – дочери владимиристо-волинского князя Ярополка Изяславича, отец которого входил в состав триумvirата южнорусских князей. Переговоры о сватовстве Всеслав с Изяславом вели еще в 1073 г.: «Изяславъ сватися со Всеславомъ, мысля на наю», отмечали братья Изяслава [29, стб. 121]. Это было обоюдовыгодным в свете возможного усиления позиций Изяслава, с одной стороны, и дальнейшего закрепления за Полоцком Менской волости

после демонстративного похода Ярославичей в 1067 г. на Минск, с другой стороны. Женившись, Глеб получил от отца Менскую волость в удел и с этих пор можно говорить о Менском княжестве, как качественно новой структурной составляющей в пределах Полоцкой земли. Владимир Мономах, сын Всеволода Ярославича, сменивший отца на киевском столе, оказался перед лицом уже двух противников со стороны Полоцкой земли, занимавших княжеский стол: Всеслава полоцкого и Глеба менского. Он пошел на Минск с целью показать свою непримиримость по отношению к полоцкому княжескому дому и его политическим устремлениям. Не оставил он без внимания и тестя Глеба менского – Ярополка Изяславича, с владений которого начал свой поход, вынудив тем самым последнего бежать в Польшу.

Минск на Свислочи — новый центр Менского княжества.

Основанный в конце XI в. на р. Свислочь город стал преемником Минска на р. Менки, воплотив в себе функции центра княжества. Почему произошел перенос Минска с р. Менки на р. Свислочь на расстояние 16,7 км? На территории Беларуси, как и других восточноевропейских государств, прослежены переносы территориально-административных центров определенной округи в эпоху средневековья. Причины этих переносов различны. Однако в качестве основной всегда выступало изменение политико-экономической ситуации. Сложный процесс трансформации Минска из племенного центра в раннегородской центр волости-удела и перемены его местоположения схож с историческими веками преемственности между племенным и раннегородскими центрами Гнездово и Смоленском. Но есть и другой аспект. Просматриваются различия в размещении княжеской резиденции внутри отдельных разнотадальных территориально-политических структур. Так, если подчеркивалась родовая связь князя с населением управляемой им территории, то его резиденция располагалась в пределах племенного центра и в раннегосударственный период (например, полоцкое городище). Если князь получал управление территорией, с населением которой не был связан родовыми узами, то его резиденция располагалась в другом месте (Рюриково городище, Смоленск, Минск на Свислочи) и как бы противопоставлялась подвластной ему территориально-административной структуре.

Укрепленная часть нового Минска на Свислочи имела площадь 3 га, и, как показали археологические исследования, была обнесена мощным

валом с въездными воротами. Такой размах в возведении оборонительных укреплений, с одной стороны, свидетельствует о привлечении значительных денежных и людских ресурсов. С другой стороны, просматривается намерение полоцких князей упрочить свои позиции в вопросе политического противостояния Киевской Руси. Последующие события 1104 и 1116 гг. подтвердили значение фортификационных сооружений в обороне Менска на Свислочи. Ю. А. Заяцем аргументированно опровергнуты предположения Э. М. Загорюльского о том, что выявленные на замчище прослойки пожаров следует связывать с военным нападением на Минск в 1067 и 1084 гг.

Территория минского замчища исследуется с перерывами с 1945 г., однако имеется ряд важных вопросов, на которые до сих пор не получены ответы. К ним относятся время закладки фундаментов каменного храма, местоположение княжеского двора. В стадии дискуссии остаются соотношение Минского замчища с археологическим комплексом на р. Менке, конструкция и время возведения оборонительных сооружений замчища. Важным является вопрос и о том, вся ли территория т.н. минского замчища была детинцем? Возможно известные укрепления относятся как к детинцу, так и к окольному городу? Ведь все другие княжеские центры (Полоцк, Витебск, Друцк) имели двухчастную структуру укреплений. Лишь в последние годы удалось найти располагавшийся за пределами минского замчища в районе современных улиц Кирилла и Мефодия городской неукрепленный посад XII в.

Друцкое племенное образование, как показали материалы раскопок [12] сформировалось, как и Лукомльское, в VIII–IX вв. Следы пожара в нижней части культурного слоя Окольного города Друцка и наличие кривичских украшений в погребениях с ингумацией начала XI в. в его окрестностях, позволяют предположить, что эта племенная структура также попала под контроль кривичей.

Население округа Друцка и зоны друцких волоков представлено южнорусским компонентом Луки-Райковецкой культуры. Формирование нового состава населения, судя по исследованным городищам, селищам и могильникам Толочинского и Оршанского районов, в данном регионе особенно интенсивно протекало в VII – первой половине X в. [10].

Находки в культурном слое X– начала XI в. данных поселений днищ горшков с княжеским знаком Рюриковичей в виде трезубца раннего варианта, принадлежащего Владимиру Святославичу, указывают на их изначальное подчинение киевскому князю. А намек «Саги об Эймунде» о

том, что владений у Брячислава становится «наполовину больше чем было у него до сих пор» косвенно свидетельствует о расширении территории Полоцкой земли в зоне Поднепровья. Принадлежность *Друцка* к Полоцкой земле в XI в. подтверждается его упоминанием во время похода Мономаха в 1078 г., а также в связи с мором 1092 г. Пришедший к власти в Полоцке после смерти Брячислава его сын, Всеслав Чародей, на протяжении своего правления неоднократно пытался расширить владения до р. Днепр, а также совершал набеги на Новгород и Псков, с целью подчеркнуть перед киевскими князьями значение Полоцкой земли в политической сфере взаимоотношений восточнославянских государственных образований. Факт правления, хотя и непродолжительного, Всеслава Полоцкого в Киеве, говорит о том, что его воспринимали и как одного из представителей княжеского рода Рюриковичей, имеющего основание занимать этот стол.

По археологическим данным в XI в. на правом и левом берегах р. Днепр появляются *Ориша и Копысь* — открытые поселения для постоя военных и торговых караванов на пути «из варяг в греки». На рубеже XI–XII вв. они становятся укрепленными (что подтверждается раскопками) пограничными крепостями и одновременно центрами верхнеднепровских смоленской и полоцкой волостей.

Полоцк — политический, экономический и сакральный центр княжества (земли)

К концу X в. первоначальный «град» Полотеск значительно преобразился. На селище южнее городища стали активно развиваться различные ремёсла, следы которых были обнаружены археологами (ювелирное дело). Выявлены остатки древнейших усадеб, состоящих из срубных домов столбовой конструкции и хозяйственных построек (конюшен, хлебов, амбаров). Город увеличился, и были основаны небольшие поселения на правом берегу Полоты. Селища в конце X в. стали преобразовываться в ремесленные поселки, что способствовало развитию городской структуры. В конце X в. рядом с городищем образуется окольный город Полоцк. Деревянная крепостная стена была построена на невысоком валу, основание которого укрепляли камнями-валуны. Стена была выполнена в перекладной «рустовой» технике (сочетание деревянных и каменных конструкций). Возможно, именно эти укрепления в эпической форме упомянуты в скандинавской легенде об Атилле из саги о Тидрике Бернском. Как установлено археологически, первоначальный вал городища также неоднократно подсыпался,

превращая его в хорошо укрепленный детинец – место, где жил князь с дружиной, «боярскими детьми». Об этом свидетельствуют находки, выявленные в раскопках 2007 г. Собрана коллекция бытовых и элитарных предметов, указывающая на наличие *княжеской резиденции на городище* — *XI – начало XIV в.* На княжеском дворе городища располагались усадьбы ремесленников – оружейников и ювелиров. Динамичное развитие ремёсел, усиление роли торговли в регионе к концу X века привело к росту городской территории. В конце X века к югу от окольного города были расположены пахотные поля. Чуть позже здесь образовался крупнейший посад Полоцка под названием «Великий». Уже в конце X века возникают первые городские посады: Заполотский вблизи устья Полоты на её правобережье и Слободской на левом берегу Двины. В результате их развития во второй половине XI в. площадь Полоцка увеличивается более чем в двадцать раз и составляет около 200 га [3].

Окольный город Полоцка перешагнул свои укрепления и достиг границы с территорией будущего Верхнего замка. Эта территория имела два этапа заселения. Первый совпал с расширением границ Окольного города до её восточного подножия. Культурные напластования древнее XII в. в восточной части Верхнего замка, в т.н. Машне и около Софийского собора, практически отсутствуют. Это свидетельствует о том, что Софийский собор в середине XI в. возводился не на детинце, а на не заселенном месте. Окольный город занимал территорию около будущего Верхнего замка. В дальнейшем, разросшаяся территория Окольного города, изжившего себя как структурную составляющую начального города, слилась с восточной частью территории Верхнего замка. Раскопки Д. В. Дука в 2009 г. на территории площади Свободы, которая в первой половине XI в. примыкала с юга к древнему окольному городу, показали первоначальный аграрный характер этого участка. Постепенно здесь образовался городской слой. Выросла и территория Великого посада, который в XI в. примыкал к западной стене Окольного города. В течение XI – XII вв. его граница достигла уровня крепостной стены города XVI – XVIII вв. Существенно менялась и его внутренняя планировка.

Полоцк X века был окружён двумя большими некрополями – т.н. восточным и северным. Северный курганный некрополь простирался от Заполотского посада до Спасо-Евфросиниевского монастыря вдоль правого берега Полоты. Время его разрушения не известно, но скорее всего это произошло в XVII веке. Восточный курганный некрополь сохранялся до конца XVIII века. Его насыпи в письменных источниках

XVII–XVIII вв. назывались «волотовками» и «горами Болгарейскими». Доказательством нахождения в могильнике захоронений дружинников является случайная находка в разрушенной насыпи в 1956 г. железного меча X в.

По преданию, первая христианская община появилась в Полоцке в конце X в. и связывается с исландским миссионером Торвальдом. Ему приписывается основание древнейшего полоцкого монастыря – св. Иоанна Предтечи на Острове, расположенном на р. Западной Двине. Впоследствии эта территория вошла в число полоцких посадов [5].

Таким образом, Полоцк к концу X – XI в. представлял собой город с развитой топографической структурой и ремесленно-торговым населением. Под 1001 и 1007 гг. в Полоцке упоминается церковь св. Богородицы в связи с переносом мощей полоцких князей Изяслава Владимировича и его сына Всеслава. Еще раз этот храм упомянут во второй половине XII в. как «церковь старая». Ее местоположение неизвестно. Хотя в Друцке храм с таким же названием существовал рядом с хоромы князя. Возможно, что найденные на полоцком городище в 2007 г. следы культовой постройки могут иметь отношение к этому храму. В момент утверждения христианства в качестве государственной религии Киевской Руси князем Владимиром Полоцкая земля была подвластна ему и поэтому данный акт не мог обойти ее стороной.

В то же время, сравнивая восприятие разными регионами Восточной Европы придания христианству официального статуса государственной религии в Киевской Руси, можно отметить следующее. Еще до 988 г. в Новгороде были христиане и существовала деревянная церковь Преображения Господня. Однако Новгород оказал сопротивление посланным великим князем Владимиром Добрыне и Путяте, которые провели акт крещения его жителей «огнем и мечом», что было зафиксировано Иакимовской летописью и нашло подтверждение в археологических раскопках города.

Полоцкая земля подобных потрясений, видимо, не испытала. Первые храмы на ее территории во имя пресвятой Богородицы известны после крещения Руси князем Владимиром. Один из храмов находился в Полоцке. Исследователи отмечают, что в Полоцке епископская кафедра была учреждена в числе первых на Руси. Несмотря на то, что этот факт достоверно не установлен, он согласуется с появлением Изяслава в Полоцке в конце X в., сразу после крещения Руси, и поэтому кафедра могла быть основана в Полоцке прибывшим с ним епископом.

Второй храм также во имя св. Богородицы был построен «во граде Друцке» в 1001 г. в зоне пограничья Полоцкой земли с Киевской Русью. Строительство этих храмов можно связывать с возведением в 995–996 гг. Десятинной (Богородичной) церкви в Киеве и введением князем Владимиром «десятины» на церковные нужды.

В правление Всеслава Чародея, сына Брячислава, в середине XI в. на площадке будущего Верхнего замка (Черной горы, Замковой горы) возводится Софийский собор. Письменные источники в отношении Полоцкой земли освещают преимущественно политические события, которые связаны с военными действиями и обходят молчанием иные стороны жизни этой раннегосударственной структуры Восточной Европы. Лишь в нескольких случаях, касаясь личности полоцких князей, летописцы дают им характеристику, которая должна показать их отношение к христианству. Так, Никоновская летопись высоко оценивает сына Владимира – Изяслава полоцкого как человека и христианина: «Бысть же сий князь тих и кроток, и смирен, и милостив, и любя зело и почитая священнический чин иноческий, и прилежаще прочитанию божественных писаний, и отвращаяся от суетных глумлений, и слезен, и умилен, и долготерпелив». Глеб менский в поучении Владимира Мономаха предстает как человек необязательный, нарушающий крестоцелование. Но более всего достается Всеславу полоцкому. Различные источники – летописные, литературные и устно поэтические представляют образ Всеслава в сочетании реальных и фантастических черт. Новгородский летописец приписывает Всеславу связь с темными силами, отмечая: «его же роди мати от волхования». Волхвы склоняли население оставаться приверженцами язычества и ни принимать христианскую веру. Много споров вызывало у исследователей и упомянутое на голове Всеслава при его рождении «язвено», которое выделяло его среди других князей. Видимо, поэтому его прозвали «Чародей». Негативное отношение новгородского летописца к Всеславу можно объяснить тем недостойным христианина поступком, который он совершил, напав в 1066 г. на Новгород и похитив церковные колокола и утварь из Новгородской Софии. Однако, данный факт имеет свое объяснение. Первая половина XI в. ознаменована строительством Софийских соборов: в 1037 г. в Киеве, в 1050 г. в Новгороде. Эти грандиозные храмы были символами величия и прочного благополучия двух столиц Руси: южной (Киев) и северной (Новгород). Полоцк в это время стараниями Всеслава, вступившего на престол в 1044 г., также всячески укреплял свои государственные позиции, бдительно

следуя за действиями противников. На севере Новгород расширял свои владения за счет Псковской волости, вплотную подступая к границе Полоцкой земли. На юге не было покоя от князей киевской коалиции, которые к тому же укреплялись у западных рубежей Полотчины, подчиняя себе литву.

Возведением Софийского собора Всеслав стремился еще раз подчеркнуть равенство Полоцка с Киевом и Новгородом. «Слово о полку Игореве» упоминает о храме в Полоцке: «... в Полотске позвонища заутреню ране у Святыя Софеи колоколы, а он (Всеслав) в Кыеве звон слыша». Данная фраза указывает сразу на два события: 1) нападение Всеслава в 1066 г. на Новгород и похищение им из Софийского собора колоколов и церковной утвари для украшения собственного храма в Полоцке; 2) пленение Всеслава киевскими князьями в 1067 г., затем вызволение из темницы и занятие им киевского престола в 1068 г. Киевские князья, обманом выманившие Всеслава и его сыновей на р. Ршу «у Смолинська» для взятия в плен, совершили клятвопреступление, за что получили, по мнению летописца, божью кару в виде нападения половцев. Самому же Всеславу симпатизировал Антоний Печерский, его поддерживало и «подлое», то есть самого низкого происхождения население Киева при возведении на киевский престол в 1068 г.

Полоцкие князья в XI–XII вв. хотя и имели христианские имена, данные им при крещении, однако пользовались теми, которые получили при рождении. Такой факт характерен не только для них, он имел распространение и в других регионах Восточной Европы. Исследователи видят в нем проявление двухверья, или склонности к язычеству. Тем не менее, епископ с приближенными лицами располагался на территории будущего Верхнего замка. Здесь возводятся культовые и светские постройки для административно-церемониальных нужд. Отсутствие культурного слоя ранее постройки Софийского собора на территории Верхнего замка свидетельствует в пользу того, что территория Замчища изначально использовалась в качестве языческого культового центра. В XI в. эта территория становится духовным и административно – церемониальным центром Полоцка.

Заключение

По нашему глубокому убеждению, историческое значение Белорусского Подвинья неоправданно долго не получает заслуженной объективной оценки со стороны отечественных и зарубежных

исследователей. Отсутствие на исторических картах реально имевших место этнокультурных и политических преобразований в данном регионе, подкрепленных уже имеющейся и введенной в научный оборот историко-археологической источниковой базой, показывает намеренное нежелание замечать истоки самостоятельного пути развития белорусской государственности. Официальная историческая наука, и в том числе, отечественная, продолжает тиражировать давно не соответствующую действительности информацию, опирающуюся на догматы советской научной школы. В противовес ей в последнее время также усиливается и навязывается сложившееся, главным образом в российской историографии, представление о значительной роли «скандинавского фактора» в создании основ государственности на белорусских землях. Преодоление этих концептов исторического, политического и культурного развития белорусских земель на наш взгляд — главная задача сегодняшней исторической науки Республики Беларусь. Взвешенный подход к проблеме для ее оптимального решения будет способствовать продвижению к пониманию реального места и роли белорусских земель в общей истории восточнославянского мира.

Литература

1. Археалогія Беларусі : У 4 т. — Мінск : Бел. навука, 1999. — Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча / Пад рэд. В. І. Шадыра, В. С. Вяргей. — 502 с.
2. Дук, Д. Древо жизни Полоцкого городища / Д. Дук // Родина. Российский исторический журнал. — 2007. — № 10. — С. 37–39.
3. Дук, Д. Полоцк–1150: истоки государственности на белорусских землях / Д. Дук // Родина. Российский исторический журнал. — 2012. — № 9. — С. 66–69.
4. Дук, Д. Старажытныя славяне полацкага гарадзішча (780–1310 гг.) / Д. Дук // Беларускі гістарычны часопіс. — 2008. — № 7. — С. 21–27.
5. Дук, Д. У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) / Д. У. Дук. — Наваполацк : ПДУ, 2010. — 180 с.
6. Еремеев, И. И. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки / И. И. Еремеев, О. Ф. Дзюба. — СПб. : Нестор-история, 2010. — 782 с.
7. Загарульскі, Э. М. Заходняя Русь IX–XIII стст. / Э. М. Загарульскі. — Мінск : Універсітэцкае, 1998. — 240 с.

8. Заяц, Ю. А. Менская земля / Ю. А. Заяц // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 4. – С. 8–15.

9. Левко, О. Древности Копыльщины в историко-культурном наследии Беларуси / О. Н. Левко // Капыль : гісторыя горада і рэгіёна. Да 360-годдзя надання Капылю прывілея на магдэбургскае права : Зборнік навуковых артыкулаў. – Мінск. – 2012. – С. 328–335.

10. Левко, О. Курганные древности X–XI вв. в окрестностях Друцка и друцких волоков / О. Н. Левко // Acta Archaeologica Albaruthenica. – Vol. VII. – 2011. – С. 159–178.

11. Левко, О. Н. Витебск на пути «из варяг в греки» / О. Н. Левко // Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка). – Минск, 2011. – С. 154–159.

12. Левко, О. Н. Друцк и Друцкая волость (историко-археологическая реконструкция) / О. Н. Левко // Древнему Друцку 1000 лет. Материалы к научно-практической конференции. – Витебск, 2001. – С. 5–13.

13. Левко, О. Н. Кривичи-полочане и их соседи в Белорусском Подвинье и Поднепровье. Образование Полоцкого княжества / О. Н. Левко // Полоцк. – Минск, 2012. – С. 39–40.

14. Левко, О. Н. Культурные трансформации в I тысячелетии н.э. на территории Витебского Подвинья и восточной части Днепро-Двинского междуречья / О. Н. Левко // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Л. Д. Побоя : В 2 кн. / О. Н. Левко [и др.]; науч. ред. О. Н. Левко, В. Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларуская навука, 2016. – С. 271–320.

15. Левко, О. Н. Население Днепро-Двинского междуречья в VI–XI вв. (Этнический состав, социальная и территориальная структура) / О. Н. Левко // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. – М., 1997. – С. 156–165.

16. Левко, О. Н. Начальный этап формирования Полоцкого государства / О. Н. Левко // Міжнар. Навук. канф. “Полацк: карані нашага радавода. Полацкая зямля як сацыякультурная прастора знікнення і развіцця беларускага этнасу і нацыянальнай дзяржаўнасці”. 5 – 6 верасня 1995 г. – Полацк, 1996. – С. 36–41.

17. Левко, О. Н. Памятники второй половины I тыс. н.э. северо-восточной Беларуси в свете формирования племенных «княжений» / О. Н. Левко // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1994. – № 5. – С. 207–226.

18. Левко, О. Н. Племенные структуры, погосты и волости Витебского Подвинья в конце I – начале II тысячелетия / О. Н. Левко // Ученые записки. – Витебск, 2003. – Т. 2. – С. 31–49.

19. Левко, О. Н. Племенные структуры, погосты и волости Оршанского Поднепровья в конце I – начале II тысячелетия / О. Н. Левко // Веснік МДУ імя А. А. Кулешова. – 2001. – № 1(8). – С. 16–29.

20. Левко, О. Н. Роль Менского княжества в территориально-административном и политическом развитии Полоцкой земли / О. Н. Левко // Даследаванне сярэдневяковых старажытнасцей Цэнтральнай Беларусі (памяці Ю.А.Заяца). Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2013. – Вып. 24. – С. 103–112.

21. Левко, О. Племенные структуры, погосты и волости Оршанского Поднепровья в конце I – начале II тысячелетия / О. Н. Левко // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. – 2001. – № 1(8). – С. 16–29.

22. Ловмянский, Г. О происхождении русского боярства / Г. Ловмянский // Восточная Европа в древности и средневековье. – М. : Наука, 1978. – С. 93–100.

23. Ляўко, В. М. Смаленска-Полацкае памежжа ў Верхнім Падняпроўі (па археалагічных і пісьмовых крыніцах) / В. М. Ляўко // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1997. – № 12. – С. 172–180.

24. Нарысы гісторыі Беларусі. – Мінск : Беларусь, 1994. – Ч. 1. – 527 с.

25. Насевіч, В. Л. Род Корсакаў – адзін са старажытных баярскіх родаў Полаччыны / В. Л. Насевіч // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. – Полацк, 1992. – С. 45–46.

26. Николаев, С. Л. К истории племенного диалекта кривичей / С. Л. Николаев // Советское славяноведение. – М. Наука, 1990. – С. 54–63.

27. Памятники Киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) / Отв. ред. А. М. Обломский // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. – М. : ИА РАН, 2007. – Вып. 10. – 320 с.

28. Повесть временных лет / Подгот. текста Д. С. Лихачева; Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР в Л., 1950. – Ч. 1. Текст и перевод. – 407 с.

29. Полное собрание русские летописей. – М. : ЯРК, 2001. – Т. 1. Лаврентьевская летопись. – 496 с.

30. Полное собрание русские летописей. – М. : ЯРК, 2001. – Т. 2. Ипатьевская летопись. – 648 с.

31. Рыбаков, Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи / Б. А. Рыбаков. – М. : АН СССР, 1963. – 362 с.
32. Самонова, М. Н. Скандинаво-славянские связи на белорусских землях в IX–XIII вв. (по письменным источникам) / М. Н. Самонова // Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Минск : БГУ, 2014.
33. Шадыра, В. І. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.) / В. І. Шадыра. – Мінск : Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2006. – 150 с.
34. Штыхаў, Г. В. Вытокі беларускай дзяржаўнасці / Г. В. Штыхаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 1. – С. 25–33.
35. Штыхаў, Г. В. Крывічы : Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г. В. Штыхаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.
36. Штыхов, Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г. В. Штыхаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978. – 160 с.
37. Штыхов, Г. В. Культура ранних длинных курганов V – VII вв. в Беларуси / Г. В. Штыхов // Lietuvos Archeologija. – 1999. – Т. 18. – С. 25–36.

Приложение 1

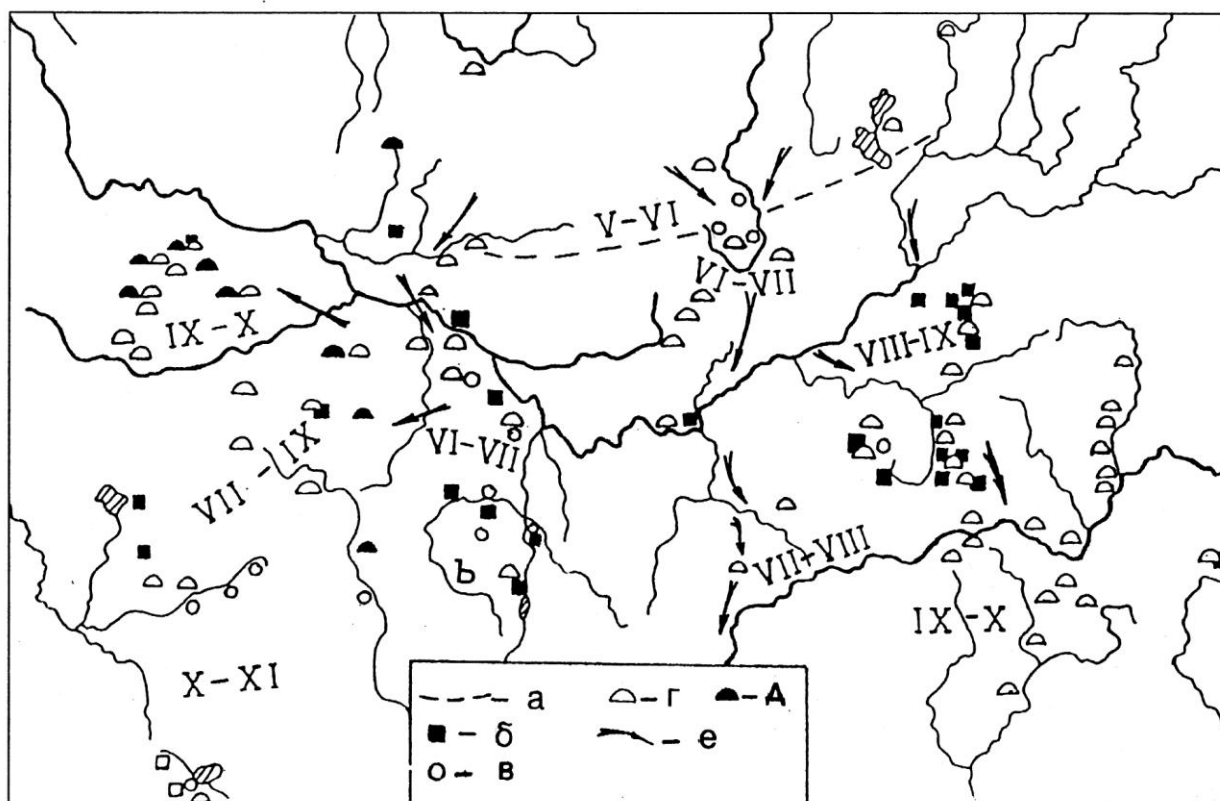

Рис. 1. Расселение кривичей в Днепро-Двинском междуречье

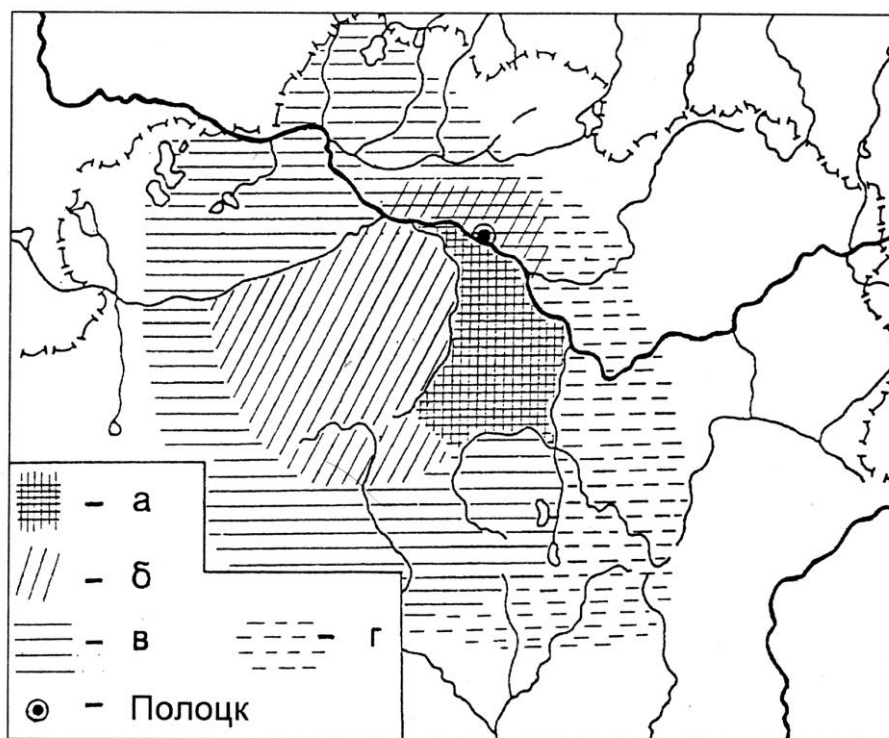

Рис. 2. Формирование княжения полочан: а – ядро VI–VIII вв.; б – княжение VIII–IX вв.; в, г – княжество Рогволода X в. (по О. Н. Левко)

→ - Путь кн. Ольги в 947 г. на север

Рис. 5. Трасса перехода из Днепра к р. Ловать по территории Витебского Подвинья

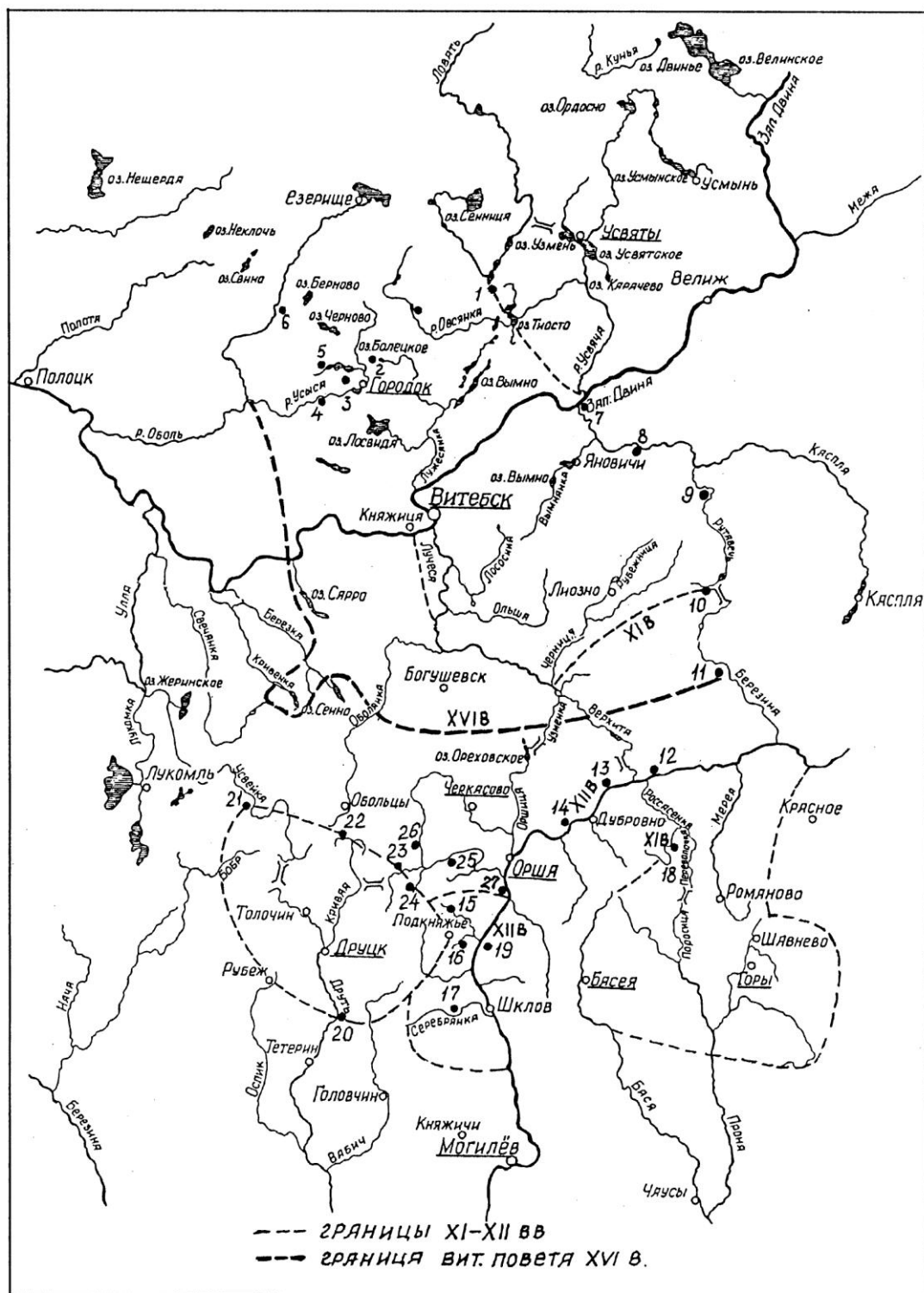

Рис. 6. Границы волостей, погостов на территории северо-восточной Беларуси в XI–XII вв. (по О. Н. Левко)

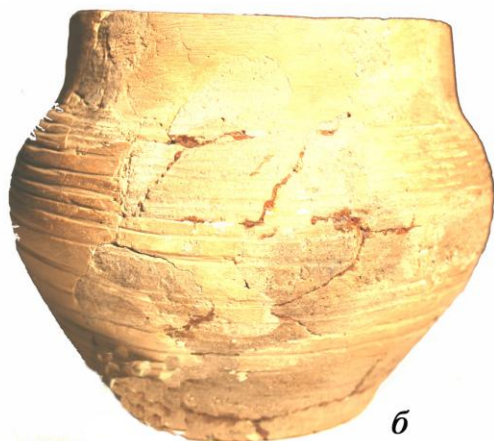
Рис. 7. Погребальные урны кривичей VI–VII вв. Курганы в Дорохах. Раскопки Г. В. Штыхова

Рис. 8. Горшки смоленско-полоцких кривичей VIII–IX вв. из Полоцка и Витебска. Раскопки Г. В. Штыхова

а

б

в

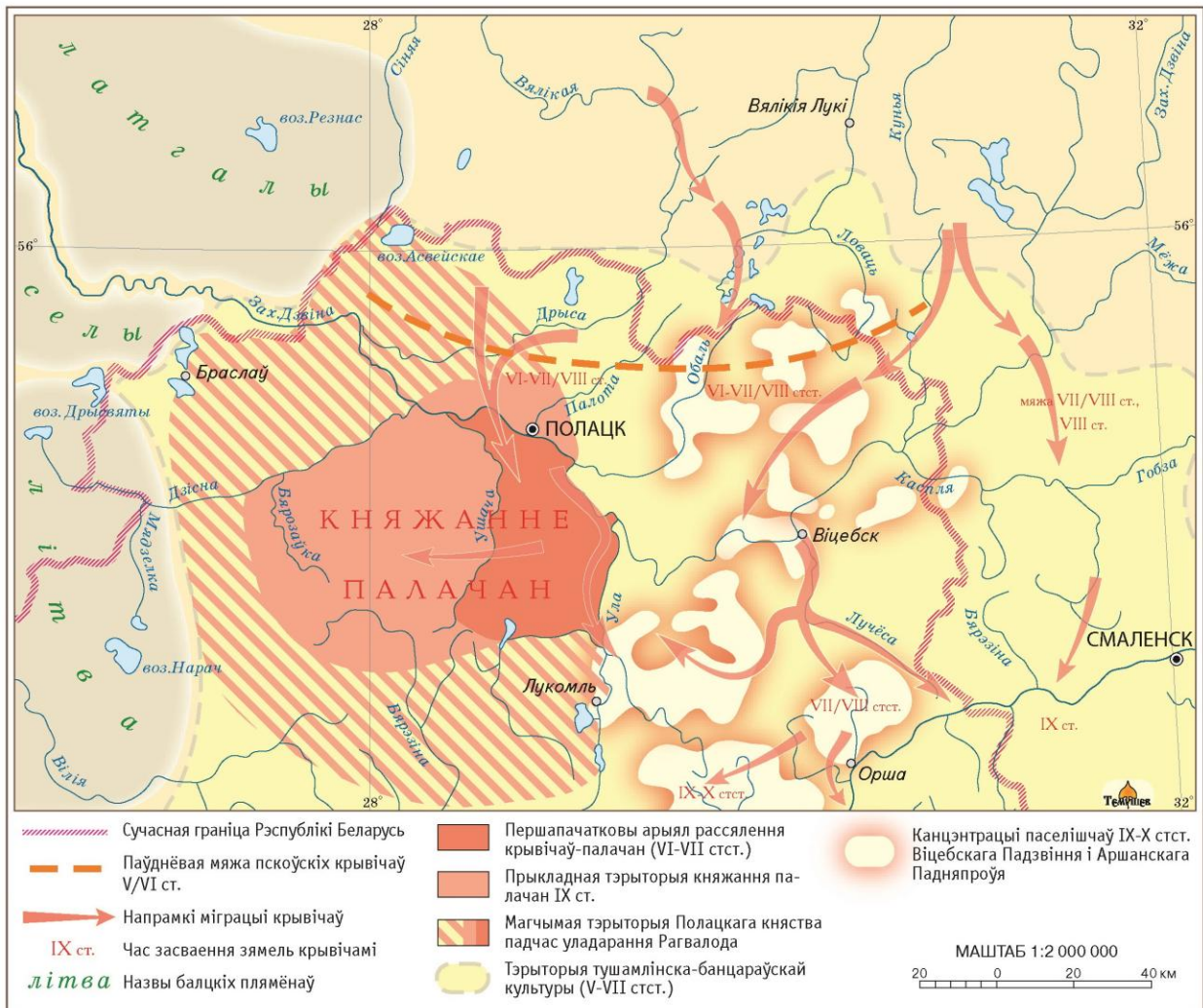
Рис. 9. Погребальные урны начала (б) и середины (в) X в. из славянских курганов у оз. Луговое, г. Городок Витебской области (раскопки О. Н. Левко).

Рис. 10. Полоцкие актовые печати конца X–XIV вв.

Приложение 2

ЭТНА-ПАЛІТЫЧНАЕ СТАНОВІШЧА НА ПОЎНАЧЫ БЕЛАРУСІ ў VI - X стст.

Карта 1. Этно-политическое положение на севере Беларуси в VI–X вв.
Автор карты: С. Н. Темушев

**РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИИ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ В 1921–1941 гг.**

**STUDY OF DOMESTIC MEDIEVAL HISTORY IN BELARUSIAN
STATE UNIVERSITY 1921–1941**

А. А. Яноўскі,

кандыдат гістарычных навук, прафесар,
загадчык кафедры гісторыі Расіі.
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (БДУ)

A. Yanouski,

Candidate of Historical Sciences, Professor,
Head of Department of history of Russia
Belarusian State University (BSU)

Ключевые слова: средневековая история, история Беларуси, Белорусский государственный университет, национальные демократы, историки-марксисты, «борьба на историческом фронте».

Keywords: medieval history, history of Belarus. Belarusian State University, national democrats, Marxist historians, “the struggle on the historian front”

Резюме: На примерах научной и педагогической деятельности историков Белорусского государственного университета в условиях белорусского возрождения и нарастающего большевистского идеологического принуждения (1921–1941) рассматривается сложный путь к осознанию значения средневекового периода в общем понимании истории Беларуси. Сделан вывод, что для ученых «борьба на историческом фронте» во многом проходила на «полях средневековья», когда решались задачи «правильного» с марксистских позиций и установок властей представления ранних этапов белорусской истории. И эта «борьба» так и не была завершена.

Summary: Based on the examples of scientific and pedagogical activity of historians of the Belarusian State University in the conditions of the Belarusian revival and growing Bolshevik ideological coercion (1921–1941) is considered a difficult path to the realization of the values of the medieval period in the general understanding of the history of Belarus. It is concluded that for the

scientists' struggle on the historical front mainly happened on the “fields of the Middle Ages”, when problems were solved based on the “correct” point of view according to Marxist positions and attitudes of the authorities presenting the early stages of the Belarusian history. And this “struggle” has not been completed.

РАСПРАЦОЎКА ПРАБЛЕМ АЙЧЫННАЙ СЯРЭДНЕВЯКОВАЙ ГІСТОРЫІ Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ Ў 1921–1941 ГГ.

З першых дзён дзейнасці Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, а гэта значыць з кастрычніка 1921 г., у яго аўдыторыях стала весціся рознабаковая падрыхтоўка будучых беларускіх гуманітарыяў — знаўцаў важнейшых накірункаў айчыннай і ўсеагульнай гісторыі, філолагаў, філосафаў, псіхолагаў, сацыёлагаў і інш. Але патрэбна адзначыць, што якраз гісторыя больш за іншыя спецыяльнасці, па якіх разгарнулася падрыхтоўка спярша на факультэце грамадскіх навук, а ў хуткім часе на педагагічным, была забяспечана высокакваліфікаванымі кадрамі выкладчыкаў. У Мінск з лета 1921 г. сталі прыязджаць выдатныя прафесары, якія не толькі распачалі лекцыі па ўжо апрабраваных у імператарскіх універсітэтах Расіі курсах, але адразу прычыніліся да вывучэння, а потым і выкладання тэм і нават цэлых курсаў па зусім нераспрацаванай у навуковым рэчышчы беларускай гісторыі.

Сярод іншых этапаў сусветнай і айчыннай гісторыі не застаўся па-за ўвагай дасканалалых навукоўцаў і перыяд сярэднявекі. Заўважым, што савецкая парадыгма арганізацыі і сэнсу вышэйшай гістарычнай адукацыі пэўны час адсутнічала, бо не была распрацаванай праз адпаведныя дырэктыўныя дакументы. Як, дарэчы, і ў цэлым не адразу была сфармулявана кацэпія вышэйшай школы і сфарміраваны яе галоўныя складнікі (напрыклад, стабільныя вучэбныя планы). Таму для арганізатараў першага беларускага ўніверсітэта некалькі гадоў мелася магчымасць эксперыментавць, напаўняць выкладанне тымі дысцыплінамі, якія, па іх перакананні, больш за іншыя дазвалялі студэнту авалодаць і прафесійнымі, і агульнаадукацыйнымі, і агульнакультурнымі ведамі.

Быў і яшчэ адзін аб'ектыўны аспект у тым, што старажытная і сярэднявеквая гісторыя адразу стала агучвацца ў аўдыторыях БДУ — гэтыя па вялікаму рахунку класічныя вобласці гістарычнага пазнання натуральным чынам былі ў навуковым і педагагічным арсенале тых, хто

першам прыехаў у паслярэвалюцыйны Мінск на сталую працу. Выпускнікі імператарскіх універсітэтаў проста не маглі не быць якаснымі знаўцамі той гісторыі, якая вызначала логіку развіцця наступных этапаў цывілізацыі. Тым больш, што “старая прафесура”, якая была дапушчана да “новых студэнтаў”, не вельмі імкнулася сама па сабе, па сваёй ініцыятыве заняцца асэнсаваннем такой яшчэ нязвычайнай савецкай сучаснасці, унесці яе ў пералік асабістых навуковых распрацовак і лекцыйных курсаў. А “марксісцкае” прачытанне Навейшай гісторыі пакуль яшчэ было вельмі хісткім, не мела ва ўмовах распачаўшайся новай эканамічнай палітыкі дагматычна-адназначнай трактоўкі. Усё гэта было наперадзе, хаця, патрэбна казаць, да пасціжэння логікі рэвалюцыйных працэсаў нават “старую” прафесуру падштурхоўвалі і ўлады, і “новае” студэнцтва, і проста жаданне мець працу і звыклы сямейны побыт.

Тым не менш Сярэдневякоўе загучала для пралетарскага студэнцтва ва ўсім шматгалосці палітычных, эканамічных, сацыяльных, культурных абставін. Несумненным лідэрам і аўтарытэтам тут быў сам рэктар. Уладзімір Іванавіч Пічэта з узроўню сваёй навуковай кваліфікацыі (яшчэ ў 1917 г. абараніў магістэрскую і доктарскую дысертацыі па праблематыцы беларускага сярэднявякоўя) стаў чытаць некалькі лекцыйных курсаў. Вось толькі не зусім па гісторыі беларускай даўніны, а дакладна па гісторыі дзяржавы і права як Беларусі, так і Расіі. Зразумела, што ніякім чынам у гэтых курсах не выпадалі тэмы і сэжэты агульнагістарычнага кшталту. Для гэтага меўся нядаўні педагагічны вопыт, калі ў 1918 г. у Маскве гісторык прачытаў для слухачоў Беларускага народнага ўніверсітэта курс “Гісторыя беларускага народа”. Важна тое, што У.І. Пічэта актыўна друкаваў свае доследы і вучэбныя матэрыялы. Толькі за час рэктарства ён падрыхтаваў і выдаў больш за 25 рознага фармату прац, прысвечаных некаторым аспектам гісторыі ўсходнеславянскага сярэдневякоўя.

Зразумела, больш за ўсё рэктар-гісторык звяртаўся да свайго любімага XVI стагоддзя. Няма патрэбы займацца аналізам гэтых прац. Яны ўвайшлі ў “залатую скарбонку” беларускай гістарыяграфіі і заўсёды суправаджаюць усе больш-менш грунтоўныя даследаванні гісторыкаў XX і XXI стст. Напрыклад, сучасная “скарыніяна” аніяк не можа абыйсціся без звяртання да роздумаў і ацэнак, якія ў 1925–1926 гг. выказаў Уладзімір Іванавіч [5; 6; 7]. Як і без яго ўсебаковых доследаў па аграрных пытаннях, якія паслядоўна вырашаліся вялікімі князямі літоўскімі [8; 9; 10; 11]. І на сёння актуальнымі з’яўляюцца яго працы па асэнсаванню ролі мовы, культуры, ментальнасці насельніцтва, гістарычнай спадчыны беларускіх

зямель у кантэксце умоў, накірункаў, сутнасці, актуальнасці для XX ст. беларускага адраджэння [12; 13; 14].

Бадай, галоўнай заслугай У.І. Пічэты можна лічыць тое, што менавіта ён надаў імпульс у падрыхтоўцы адмысловых навукоўцаў, якім бы было па сілах аб'ектыўнае спазнанне беларускай даўніны і сярэдневякоўя. Ужо падчас заняткаў (лекцый і семінараў) прафесар звяртаў асаблівую ўвагу на тэмэ па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага, нацэльваў студэнтаў на дасканалае вывучэнне дакументальнай асновы стагоддзяў існавання ВКЛ з тым, каб не толькі спазнаць, але і адчуць гісторыю сваёй зямлі. Ужо стаўшы знакамітым вучоным, вялікім знаўцам беларуска-літоўскіх летапісаў, былы вучань Уладзіміра Іванавіча М.М. Улашчык успамінаў, што на сваіх семінарах па вывучэнню Літоўскага Статута Пічэта літаральна прымушаў моладзь па чарзе прачытваць тэкст Статута — артыкул за артыкулам. А потым дабіваўся ад студэнтаў больш-менш уцямлівага іх пераказу сваімі словамі. І толькі пасля гэтага змест прачытаных і пераказаных артыкулаў павінен быў “паложаны на паперу” у як мага больш скарочаным выглядзе, але з захаваннем галоўнага іх сэнсу [15, с. 69].

Відавочна, працягам такіх штудый стала далучэнне найбольш здольных маладых беларусаў да правядзення навуковых даследаў у рэчышчы беларускага сярэдневякоўя. Празорлівы вучоны яшчэ з 1925 г. распачаў гуртаваць вакол сябе тых, каму была па інтэлектуальных сілах і нацыянальных памкненнях да спадобы гісторыя ВКЛ. І гэтае згуртаванне навуковых сіл маладых гісторыкаў распачалося за два гады да афіцыйнага адкрыцця аспірантуры. Першыя яго вучні (Тодар Забэла, Ксенія Таўсталес-Шыёнак, Канстанцін Кернажыцкі, Андрэй Бурдзейка і інш.) спасцігалі таямніцы беларускай гісторыі, якраз пачынаючы з такога лёсавызначальнага XVI стагоддзя.

Зразумела, не адзін У.І. Пічэта ўвасабляў сабой універсітэцкую медыявістыку ў яе прычыненні да беларускай гісторыі. Да яе ў поўнай меры быў далучаны У.М. Ігнатоўскі, які хоць і чытаў гісторыю Беларусі Новага і Найноўшага часу, але адным з першых падаў студэнтам і зацікаўленаму чытачу сваё бачанне генезісу беларускай дзяржаўнасці, культуры, сацыяльна-эканамічных працэсаў. Яго кніга-падручнік “Кароткі нарыс гісторыі Беларусі”, якая ўпершыню была надрукаваная яшчэ ў 1919 г., у 1920-я гг. не раз перавыдавалася і была адной з нямногіх сістэмных і даказальных крыніц для спазнання і засваення каранёў беларускай гісторыі [2]. У сваёй працы гісторык і палітык падзяліў гісторыю роднай зямлі на

чатыры відавочныя перыяды, з якіх два храналагічна ахоплівалі гады еўрапейскага сярэдневякоўя: “Полацкі” і “Літоўска-Беларускі”. Не засяродзіўшы ўвагу на аналізе навуковай канцэпцыі Усевалада Макаравіча, можна толькі згадаць тое, што такое яго ўважлівае звяртанне да гісторыі прашчураў стала ў хуткім часе адной з абставін абвінавачванняў у “нацыянал-дэмакратызме” і прычын трагічнай гібелі гісторыка, а потым доўгага нацкоўвання ўсіх беларусаў (і прыўладных, і шэраговых) на одно толькі яго імя. Як згадаць і тое, што некалькі дзесяцігоддзяў беларускія гісторыкі будуць з велізарнейшым страхам спрабаваць “па-сталінску” уцяміць і прадставіць у сістэмнай працы як бы прадгісторыю “шчаслівых савецкіх рэалій” жыцця беларусаў у “дружнай сям’і народаў” — гісторыю беларускага сярэдневякоўя, калі як быццам яго пранізвала “імкненне беларусаў да ўз’яднання з адзінакроўным рускім народам”.

Гэтыя страхі і засваенне новых “навуковых пастулатаў” (з рэальных палітычных абставін і з асаблівасцей развіўшагася менталітэту савецкіх навукоўцаў-гуманітарыяў) пачнуць мацнець ужо з сярэдзіны 1920-х гг. Нездарма нават М.В. Доўнар-Запольскі, які ў 1925 г. нарэшце адважыўся прыехаць у Мінск і распачаць універсітэцкія лекцыі па беларускай гісторыі, так і не змог рэалізаваць сваю мэту — надрукаваць абагульняючую “Гісторыю Беларусі”, у якой каля 1/5 зместу было прысвечана расказу аб старажытнасці і сярэднявякоўі беларускіх зямель. І гэта тады, калі ён, як ніхто іншы, быў найвыдатным спецыялістам якраз у вобласці беларускай медыявістыкі. Але з 1926 г. і аж да 1994 г. рукапіс гэтай працы асеў у недрах беларускага партархіву, бо быў ацэнены пільнымі ідэолагамі як “катэхізіс нацыянал-дэмакратызму” [4, с. 15]. Між тым на разнастайных працах вучонага па гісторыі ВКЛ, якія былі створаны на працягу папярэдніх амаль што 25 гадоў, фарміраваліся і засноўваліся першыя аб’ектыўныя парадигмы гістарычнай беларусістыкі. Не без прыкладу М.В. Доўнар-Запольскага да дадзенай тэматыкі прыхіляліся тыя, хто жадаў знайсці “сваю, беларускую гісторыю”. Як не без уплыву яго доследаў па гісторыі ВКЛ у свой час выпускнік Маскоўскага ўніверсітэта У.І. Пічэта таксама распачаў свой творчы шлях у накірунку спазнання сярэдневяковых таямніц той зямлі і яе жыхароў, якую ён убачыў і палюбіў з маленства, калі разам з сям’ёй апынуўся на кароткі час у Віцебску.

Але ўсе навуковыя напрацоўкі былі зламаны і адкінуты ў гады ганення “нацдэмаўшчыны” як праявы “антымарксізму” і спробы сказаць “векавую дружбу” народаў. Між тым жыццё працягвалася, як прадоўжыліся спробы “знайсці” правільныя падыходы да разумення і

прадстаўлення чытачу здаецца б такой далёкай гісторыі. Далёкай, але паранейшаму “палітычна актуальнай”! Таму яна павінна была быць спазнанай. І спазнанай у рэчышчы сталінскага разумення “гісторыі СССР”.

Да беларускага сярэдневякоўя асмеліліся (ці, дакладней, павінны былі) далучыцца амаль што самыя статусныя беларускія гісторыкі 1930-х гадоў. Тыя, хто меў высокія пасады, а значыць тым самым быў надзелены паўнамоцтвамі і адказнасцю. Вось чаму той жа В.К. Шчарбакоў, які толькі вясной 1930 г. прыехаў на радзіму ў Беларусь і адразу атрымаў шэраг пасадаў, быў партыйным рашэннем “праведзены ў якасці акадэміка” і віцэ-прэзідэнта БАН. А разам з тым павінен быў увасобіць знаўцу беларускай даўніны, хаця сам да гэтага займаўся гісторыяй “кастрычніка ва Украіне”. З 1931 г. і па трагічны фінал жыцця лёс звязаў гэтага гісторыка з БДУ, дзе ён выкладаў курсы беларускай гісторыі розных перыядаў. І натхнёна праводзіў лінію, скіраваную на тое, каб гісторыя стала “...магутнай зброяй у барацьбе за сацыялізм...” [1, с. VII]. Дзеля гэтага зноў адбыўся зварот да старонак даўняй беларускай гісторыі. Спачатку хаця б і праз складанне адпаведнага зборніка дакументаў і матэрыялаў, якія па-марксісцку павінны былі адлюстравать “жахлівы перыяд у гісторыі Беларусі” — час няспынай “барацьбы сялянства супроць феодалаў-прыгоннікаў” [1, с. X]. Нягледзячы на такія канцэптуальны падыход, зборнік, выдадзены пад кіраўніцтвам В.К. Шчарбакова, ужо дэкана гістфака БДУ, а не толькі акадэмічнага кіраўніка, атрымаўся прафесійным. Ён даў гісторыкам магчымасць пашырыць свой кругагляд на падзеі сярэдневяковага перыяду, ісці далей.

А некалькі раней (у 1934 г.) Васіль Карпавіч надрукаваў першую частку задуманага ў «свете сталинских установок» усеагульнага курса беларускай гісторыі — «Нарыс гісторыі Беларусі» [16]. Да яго напісання гісторык быў скіраваны спецыяльным рашэннем СНК і ЦК КП(б)Б ад 21 чэрвеня 1934 г. Ён планаваў падрыхтаваць не проста “нарыс”, а поўнаўартасны «Курс гісторыі Беларусі» у якасці “правільнага падручніка” і адначасова выверанай матрыцы для гісторыкаў і грамадзян ва ўспрыняцці беларускай гісторыі і працягу даследаванняў.

Але “гара” задумак парадзіла ў выніку “мышаня” прадстаўлення самой гісторыі. Бо, па-першае, аўтар аніяк не мог лічыцца спецыялістам у вобласці беларускай медыявістыкі. Па-другое, і гэта галоўнае, — ён павінен быў сваёй працай нанесці апошні знішчальны ўдар па “беларускім гісторыкам нацыянал-дэмакратам” і іх паплечнікам у “звярынай нянавісці... да савецкай улады і пролетарскай рэвалюцыі” — “рускім

буржуазным гісторыкам-вялікадзяржаўнікам”. І імёны гэтых гісторыкаў у каторы раз былі зневажальна прапісаны ў спецыяльным раздзеле з характэрнай назвай — “Як варожыя пролетарыяту гісторыкі пісалі гісторыю Беларусі”. Па сутнасці, уся творчая спадчына У.І. Пічэты, У.М. Ігнатоўскага, М.В. Доўнар-Запольскага, а разам і Е.Ф. Карскага, М.К. Любаўскага, А.І. Цвікевіча была выкінута на сметнік. Хаця ўсё ж яны і былі названыя “гісторыкамі”. Вось толькі “контррэвалюцыйнымі”, “агентамі, шпіёнамі і правакатарамі” [16, с. 14].

А сам “Нарыс” трымаўся на прымітыўнай ідэалагеме: гістарычны працэс і ў часы “феадалізму” на беларускіх землях — гэта няспынная барацьба паміж “землеўладальнікамі” і “працоўнымі масамі”. Стварэнне ж Вялікага Княства Літоўскага адбылося толькі ў “інтарэсах феодалаў, буйных землеўладальнікаў” і яно было накіраванае перш за ўсё супроць працоўных мас [16, с. 81].

Як сведчаць дакументы, 13 чэрвеня 1934 г. В.К. Шчарбакоў загадам рэктара БДУ А.І. Дзякава быў прызначаны дэканам гістфака [21, с. 49]. Першым яго дэканам. Дэканам, якому ставілася задача забяспечыць падрыхтоўку “большавіцкіх гісторыкаў”, здольных да “правільнага” абагульнення і прадстаўлення гістарычных падзей і працэсаў. Аб гэтым Васіль Карпавіч не аднойчы выказваўся з трыбун розных пасяджэнняў, на старонках рэспубліканскай і саюзнай прэсы [17; 18; 19; 20; і інш.]. У якасці прафесара ён стаў чытаць першым універсітэцкім студэнтам-гісторыкам 120-гадзінны курс беларускай гісторыі, ажыццяўляў агульнае метадычнае кіраўніцтва аспірантамі і галоўнае — стварыў і кіраваў адзінай да 1936 г. факультэцкай кафедрай «общественной истории» (у крыніцах часам сустракаецца і яўна скажоная назва — «общей истории»).

У 1936 г. намаганнямі дэкана была створана асобная кафедра “гісторыі СССР”, якая зафіксавала за сабой і выкладанне беларускай гісторыі. Але спачатку яна не мела пастаяннага штата выкладчыкаў. Нават загадчыкам быў запрошаны на той час ужо дастаткова вядомы ленінградскі гісторык-расіязнаўца і медыявіст У.В. Маўродзін. Чытаў лекцыі па “гісторыі СССР” часоў даўніх, сярэдневяковых і яго калега з Расіі К.В. Базілевіч. Зразумела, не адразу прыходзілася засвойваць той факт, што “гісторыя СССР” адсунута новым сталінскім разуменнем логікі стварэння і дзейнасці “краіны Саветаў” да даўніх часоў распачынання дзяржаўнасці і, канешне, працякання класавай барацьбы. І далёка не ўсім гісторыкам нават новай марксісцкай фармацыі ўдалося арганічна зразумець і рэтрансліраваць гэтую логіку.

Улады ў рэшце рэшт палічылі, што і Васіль Карпавіч поўнасьцю адпрацаваў свой інтэлектуальны і палітычны рэсурс. А таму можна надалей абыйсціся без яго навуковай рахманасці і бальшавісцкай пільнасці на “гістарычным фронце”. Але спачатку далі магчымасць прадэманстраваць гэтыя якасці да канца. Так, у маі 1935 г. ён красамоўна і пераканаўча выступаў на ўсесаюзнай нарадзе ўніверсітэцкіх гістфакаў і акадэмічных НДІ, якая мела ўрадавы ўзровень. Яго даклад цалкам надрукаваў высокастатусны часопіс «Историк-марксист». У дакладзе і яго варыянце для часопіса з гонарам было заяўлена, што пасля дыскусій на гістфаку БДУ было вырашана беларускую гісторыю не выкладаць як асобны курс, а менавіта як “часть истории СССР”. Аднак гісторык вымушаны быў прызнаць, што навукова-даследчая работа “находится еще в зачаточном состоянии” [3, с. 169].

Роўна праз год беларускія газеты пісалі, што акадэмік Шчарбакоў вось-вось сдасць у выдавецтва другі том гісторыі Беларусі ў дакументах і матэрыялах. І праўда, том пад яго кіраўніцтвам быў падрыхтаваны да друку. Аднак імя гэтага гісторыка ў ім нідзе не прагучала. Яго “проста” расстралялі. Як і многіх з тых, каго ўлада палічыла лепей знішчыць, чым даць магчымасць зацвердзіцца ў якасці навуковых аўтарытэтаў. Зборнік дакументаў па гісторыі Беларусі Новага часу выйшаў пад рэдакцыяй універсітэцкага знакамітага бібліёста і антыкаведа М.М. Нікольскага, якому даверылі не толькі кіраўваць Інстытутам гісторыі АН БССР, але і падрыхтоўку чарговага варыянта гісторыі Беларусі як “гісторыі БССР”. І адначасова па-сутнасці прымусілі асабіста заняцца распрацоўкай пэўных тэм беларускай гісторыі.

Але на гэтым прыдзецца спыніцца, бо працяг “хаджэння па пакутах” універсітэцкіх гісторыкаў (як і ўсіх гісторыкаў савецкай Беларусі) у пошуках “сапраўднага” прачытання сваёй мінуўшчыны будзе і надалей працяглым і мала выніковым. Аб гэтым патрэбна распаўядаць у асобнай манаграфіі ці нават не адной. Важна толькі адзначыць відавочнае: “савецкі перыяд” беларускай гісторыі дастаткова “правільна” з афіцыйнага пункту гледжання ўцямліваўся навукоўцамі, падаваўся ў рэчышчы афіцыйнай ідэалогіі з яе карэктыроўкай праз розныя партыйна-ўрадавыя “пастановы” і “рашэнні”. І з жорсткім і адназначным тэрміналагічным апаратам, дэфініцыі якога не маглі ніякім чынам падвяргацца карэктыроўцы і скажэнням, тыражыраваўся ў лекцыях, артыкулах, выступленнях перад грамадскасцю. А вось як падаць даўніну, адкуль выводзіць “беларускую дзяржаву”, як аднесціся да Полацкага, Тураўскага і іншых сярэдневяковых

княстваў, у якіх фарбах падаць доўгі перыяд існавання на беларускіх землях Вялікага Княства Літоўскага і многае іншае, дэталёвае — тут раз за разам натыкаліся на невырашальныя дyleмы. Прыходзіцца прызнаць, што “барацьба на гістарычным фронце”, якую распаліў сам Сталін, для беларускіх гісторыкаў сканцэтравалася на палях сярэдневяковых. І па сутнасці ідзе па сёняшні дзень...

Літаратура

1. Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах. Т. I. IX–XVIII ст. / Склалі: акадэмік В. К. Шчарбакоў, дацэнт К. І. Кернажыцкі і вучоны археограф Д.І. Даўгяла. – Мн. : АН БССР, Інстытут гісторыі, 1936. – 678 с.
2. Ігнатоўскі, У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. – 4-е выд. / У. М. Ігнатоўскі. — Менск : Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1926. – 176 с.
3. Историк-марксист. – Т. 5–6. – 1935.
4. Караў, Дз. Прадмова / Дз. Караў // Доўнар-Запольскі М. В. Гісторыя Беларусі. – Мн. : БелЭн, 1994. – 510 с.
5. Пічэта, У. Францішак Скарына і яго працы / У. Пічэта // Савецкая Беларусь. – 1925. – 24, 25 снежня.
6. Пічэта, У. Друк на Беларусі ў XVI і XVII стагоддзях / У. Пічэта // Чатырохсотлецце беларускага друку. 1525–1925 / Адказ. рэд. Аркадзь Смоліч. – Менск : Інстытут бел. культуры, 1926. – 358 с. – С. 228–261.
7. Пічэта, У. Scoriniana / У. Пічэта // Чатырохсотлецце беларускага друку. 1525–1925 / Адказ. рэд. Аркадзь Смоліч. – Менск : Інстытут бел. культуры, 1926. – 358 с. – С. 284–327.
8. Пичета, В. И. Волочная устава королевы Боны и устава о волоках / В. И. Пичета // Труды Белорусского государственного университета. – 1922. – № 1. – С. 147–164.
9. Пичета, В. И. Наказ старостам и державцам и волочная устава / В. И. Пичета // Труды Белорусского государственного университета. – 1922. – № 2–3. – С. 229–245.
10. Пічэта, У. Зямельнае права ў статутах 1529 і 1566 гадоў / У. Пічэта // Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту. – 1926. – № 11. – С. 93–103.
11. Пічэта, У. Юрыдычнае становішча вясковага насельніцтва на прыватнаўласніцкіх землях да часу выдання Літоўскага статута 1529 г. / У. Пічэта // Запіскі аддзела гуманітарных навук. – Кн. 3. – Т. 2; Кн. 8. – Т. 4. Працы класа гісторыі / Інстытут беларускай культуры. – Мн., 1928, 1929. – С. 375–432; 459–519.

12. Пичета, В. И. Белорусский язык как фактор национальной культуры / В. И. Пичета. – Мн. : Белтрестпечать, 1924. – 23 с.
13. Пічэта, У. Беларускае адраджэнне ў XVI веку і сучаснае беларускае нацыянальна-культурнае адраджэнне / У. Пічэта // Савецкая Беларусь. – 1925. – 4, 5, 6, 8, 9, 11, 12, 13 жніўня.
14. Пічэта, У. Беларускае адраджэнне ў XVI стагоддзі / У. Пічэта // Чатырохсотлецце беларускага друку. 1525–1925 / Адказ. рэд. Аркадзь Смоліч. – Менск : Інстытут бел. культуры, 1926. – 358 с. – С. 132–156.
15. Улащик, Н. Н. В.И. Пичета в первые годы существования Белорусского государственного университета / Н. Н. Улащик // Славяне в эпоху феодализма. К 100-летию академика В.И. Пичеты. – М. : Наука, 1978. – 343 с. – С. 66–72.
16. Шчарбакоў, В. К. Нарыс гісторыі Беларусі. – Частка I / В. К. Шчарбакоў. – Менск : Выд-ва Беларускай Акадэміі навук, 1934. – 233 с.
17. Щербаков, В. К. К открытию исторического факультета / В. К. Щербаков // Звязда. – 1934. – 5 августа.
18. Щербаков, В. К. О преподавателях-историках и преподавании истории в средних школах БССР / В. К. Щербаков // Рабочий. – 1934. – 19 августа.
19. Щербаков, В. К. Академик Н.М. Никольский / В. К. Щербаков // Звязда». – 1935. – 29 мая.
20. Шчарбакоў, В. Гістарычны факультэт / В. Шчарбакоў // За ленінскія кадры. – 1936. – 31 мая.
21. Яноўскі, А. А. Гісторыя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў біяграфіях яго рэктараў / А. А. Яноўскі, А. Г. Зельскі. – Мн. : БДУ, 2011 – 320 с.

О РОЛИ НАЛОГОВО-ДАНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ГЕНЕЗИСЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

ABOUT OF THE ROLE OF THE TAX-TRIBUTARY SYSTEM IN THE GENESIS OF THE STATEHOOD OF THE EASTERN SLAVS

С. Н. Темушев,

кандидат исторических наук, доцент.
Белорусский государственный университет (БГУ), г. Минск,
кафедра истории России

St. Tsemushau,

Candidate of historical Sciences, associate Professor.
Belarusian state University (BSU), Minsk,
The Department of history of Russia

Ключевые слова: государство, налогово-данническая система, дань, полюдье, погост, государственный фиск, политическая раздробленность, частное землевладение.

Keywords: state, tax and tributary system, dan', poliudie, pogost, state fisk, political fragmentation, private landownership.

Резюме: Становление налоговой системы происходило вместе с развитием Древнерусского государства и соответствовало основным задачам верховной власти и тогдашним социально-экономическим условиям. В истории Древней Руси можно обнаружить оба пути возникновения обязательств населения перед государством: внутренний (эволюция добровольных приношений, даров) и внешний (по праву завоевания). В институте полюдья Древней Руси необходимо видеть сложное государственное мероприятие, представлявшее собой объезд киевским князем, членами его семьи и ближайшего окружения обширных областей, возможно, по определенным маршрутам с остановкой в специальных поселениях-погостах. При этом полюдье было способом прямого административно-судебного управления племенными княжениями в условиях сохранения архаичных, неразвитых отношений предшествующей эпохи. Возможно, уже на первом этапе существования Древнерусского государства сложилась какая-то структура пунктов сбора дани и некая простейшая администрация, что было обусловлено невозможностью посещения князем всех хозяйственных единиц. Однако в

целом обнаруживается крайне примитивная система сбора налогов-даней на раннем этапе истории Древней Руси. В качестве важнейшей причины раздробленности предлагается рассматривать эволюцию государственного фиска, что выразилось в утрате Киевом контроля над сбором и распределением доходов со всей территории Древней Руси и перераспределении налогов-дани между центрами отдельных княжеств-земель.

Summary: Formation of tax system occurred together with development of the Ancient Russian State and corresponded to the main objectives of the Supreme power and social and economic conditions of that time. In the history of Ancient Russia it is possible to find both ways of emergence of obligations of the population before the state: internal (evolution of voluntary offerings, gifts) and external (by the right of a gain). At institute poliudie in Ancient Russia need to see the complex public event, which is a detour Prince of Kiev, members of his family and nearest entourage of large areas, perhaps on certain routes with a stop in special settlements-pogosts. On the whole poliudie was way of direct administrative and judicial control of over the tribal principality in the conditions of preservation of the archaic, undeveloped relations of a previous era. Perhaps at the first stage of existence the Ancient Russian State was set up some structure of points tribute and some simple administration, which was due to the impossibility of visiting the prince of all economic units. However is detected as a whole the extremely primitive system of collecting taxes tributes at an early stage of history of Ancient Russia. It is proposed that evolution of the public fiscus as a major cause of the political fragmentation had resulted in the loss of Kievan control over the collection and distribution of income from the entire territory of Kievan Rus' and the redistribution of tribute between the centers of separate principalities.

Обязательным условием существования государственной организации является создание эффективной системы стабильного получения ресурсов, которые необходимы как для проведения внешнеполитических акций (весьма характерных для деятельности первых киевских князей), так и для постоянного функционирования административного, судебного, фискального аппарата. Более того, наличие системы распределения ресурсов, механизма изъятия прибавочного продукта у непосредственного производителя следует признать одним из важнейших признаков государственности.

Налогово-данническая система Древнерусского государства генетически восходит к институтам как внешнего, так и внутреннего происхождения, конкретнее, к добровольным приношениям или дарам членов племенного сообщества вождю, выполнявшему общественно значимые функции, и дани, выплачиваемой покоренным племенем более сильному соседу в качестве гарантии от нападения. Термин «дань» со временем стал обозначать регулярно взимаемый налог [23, с. 57]. Добровольный дар племенным князьям и их дружинам стал еще одним составным элементом налогово-даннической системы Древнерусского государства, на который также мог распространяться термин «дань». В целом на всей территории формирующегося и развивающегося государства восточных славян с конца IX в. вплоть до XV–XVI вв. понятие «дань» являлось обобщающим названием натуральных, денежных или денежно-натуральных податей [24, с. 192].

В целом в функционировании налогово-даннической системы в Древней Руси домонгольского периода можно выделить три периода, для каждого из которых была характерна своя фискальная система с задействованием определенного круга должностных лиц:

1) конец IX – середина X в. — функционирование простейшей системы сбора налогов-дани в форме полюдя;

2) середина X – вторая половина XI в. — складывание десятичной фискально-судебной системы, трансформация централизованной системы государственного фиска в сбор налогов-дани в отдельных княжествах-землях;

3) XII – первая половина XIII в. — функционирование развитой налогово-даннической системы отдельных княжеств-земель и княжеств-волостей, объединявшей общегосударственную и княжескую дворцовую администрацию.

В предлагаемой периодизации делается попытка связать мероприятия государственной власти с объективными процессами общественно-политического и социально-экономического развития Древней Руси, что находило выражение в политической децентрализации (раздробленность) и в вызревании феодальных отношений (появление частного землевладения). Отметим общепринятую связь между ростом боярского землевладения и нарастанием дезинтеграционных процессов. В то же время перспективным представляется обнаружение в качестве основной причины начала раздробленности Древней Руси проведение в жизнь князьями-Рюриковичами отчинного принципа замещения княжеских

столов [10, с. 5–17; 11, с. 137–141]. Можно увидеть прямую связь между стремлением князей к получению доходов с той территории, которая находилась в их ведении, в полном объеме с ослаблением подчинения местных центров Киеву. При этом не представляется вполне правомерным сводить усиление отчинного принципа только к стремлению князей «пустить корни на местах» за счет создания собственных земельных владений, как это видится украинскому историку Н.Ф. Котляру [10, с. 5]. Речь шла именно о перераспределении доходов, тех самых даней-налогов, о чем свидетельствует хрестоматийный пример отказа Ярослава Владимировича, в бытность того новгородским князем, отдавать большую часть (2/3) собранных в своей земле «даней» Киеву [19, с. 58].

Уже первые мероприятия основателя Древнерусского государства – Олега – позволяют обнаружить один из важнейших путей формирования даннической зависимости населения – завоевание. Другой путь – трансформация добровольных приношений-даров за осуществление общественно значимых функций – также имел место в процессе формирования налогово-даннической системы Древнерусского государства. Вполне определенно к институту дара генетически восходит полюдье, сохранявшее общегосударственный характер до середины X в., на что указывает его важнейшая черта – личное присутствие верховного правителя.

Внешний путь формирования налоговой системы государства являлся наиболее простым и эффективным. Видимо, таковым он виделся и составителям летописей. Право завоевания сделало возможным наложение Олегом дани на древлян (883), северян (884), радимичей (885) [19, с. 14]. При этом «хазарский фактор» [28, с. 373] оказал определенное влияние на характер отношений Киева с вновь подчиненными союзами племен. В то же время нельзя усматривать в отношениях между Киевом, с одной стороны, и древлянами, северянами и радимичами, с другой, «традиционную форму эксплуатации одной этнической общности другой» [28, с. 374]. Политическое объединение этнически близких «племен» способствовало их более стабильному развитию: обеспечение безопасности от внешних врагов брала на себя центральная власть.

Обложение Олегом данью подчиненных племен следует считать первым шагом на пути формирования налогово-даннической системы государства. Важно отметить, что в более ранней записи Повести временных лет отмечается, что обосновавшийся в Киеве Олег «устави дани словеномъ, кривичемъ и мери, и устави варягомъ дань даяти от Новагорода

гривень 300 на лет, мира деля» [19, с. 14]. В данном сообщении еще смешиваются внутренние институты с установлениями внешнеполитического характера, причем они обозначаются одним термином. В рамках еще довольно примитивно устроенного родоплеменного общества не существовало иных механизмов для создания системы налогообложения, кроме как наиболее простого, и в то же время наиболее эффективного силового подчинения. Но содержание процесса подчинения и обложения данью восточнославянских племен уже выходило за рамки «эксплуатации одной этнической общностью другой». В то же время новая, государственная власть использует и институты, выработанные в рамках родоплеменного общества. Предполагается, что еще в догосударственный период у восточных славян формируется (но пока еще в более локальном варианте) механизм сбора подношений населения, который принято обозначать термином «полюдье» [22, с. 329].

Отметим, что собственно древнерусские источники не позволяют составить какую-либо конкретную картину функционирования института полюдья. Более того, сам термин «полюдье» обнаруживается только применительно к XII в. [21, стб. 387; 20, с. 157; 3, с. 140; 27, с. 40] Однако в это время полюдье выступает уже в принципиально ином качестве, лишь генетически связанном с полюдьем, подробно описанным в трактате византийского императора Константина Багрянородного (середина X в.). Сохранившиеся известия восточных авторов [16, 17] содержат данные о функционировании полюдья на несколько десятилетий ранее приводимых в русской летописи (гибель Игоря в полюдье (?)) и у Константина Багрянородного. Следует также отметить, что термин «полюдье» (pólútasvarf) встречается и в скандинавских сагах, однако очень трудно определить его значение в данном контексте [4, с. 139–141]. Не вызывает сомнения, что в сборе подношений-даней в ходе полюдья непременно присутствовал сам князь. Однако исследователи обратили внимание на то обстоятельство, что в тексте трактата Константина Багрянородного говорится о полюдьях (во множественном числе) русских «архонтов» [8, с. 51]. Сам термин «архонт» применялся в тексте византийского императора не только по отношению к князьям Руси, но и к другим высшим должностным лицам. В упоминаемом им «кружении» (γύρα) видят характерные для византийской государственной практики провинциальные объезды. Исходя из этого, полюдье представляется не последовательным объездом князем с его дружиной нескольких союзов племен (как это понимал Б.А. Рыбаков), а разъездом князя, членов его семьи и

назначенных князем знатных служилых мужей по племенным княжениям. Пребывание названных лиц на подвластной территории представляло собой объезд обширных областей, возможно, по определенным маршрутам с остановкой в определенных поселениях-погостах. Полюдье было способом прямого административно-судебного управления племенными княжениями в условиях сохранения архаичных, неразвитых отношений предшествующей эпохи. В его ходе дружины князя и представителей династии кормились за счет местного населения, этот корм являлся натуральным обеспечением служилых князю людей [24, с. 164–171]. Эти выводы подтверждают и данные древнерусских источников. Так, известно, что право на полюдье (взимание дани с отдельных «племен») наряду с князем могли получить и лица из его ближайшего окружения (Свенельд), а полюдье самого киевского князя могло ограничиваться одним из племенных княжений (Игорь – древляне).

Как бы то ни было, необходимо сделать вывод о крайне примитивной системе сбора налогов-даней (возможно изначально в форме добровольных подношений, даров) на раннем этапе истории Древнерусского государства. Кроме князя, который являлся не только адресатом, но и главным сборщиком дани, невозможно назвать иных должностных лиц государственного фиска. Обнаруживаемый в источниках пример передачи князем сбора налогов-дани с определенной территории своим приближенным (воеводе) не меняет общей картины. Тем более, что в данном случае речь идет не о государственном фиске: Свенельд собирал дань не для последующей ее передачи киевскому князю, а для собственного потребления, наделения своей дружины. Необходимо согласиться, что уже на первом этапе складывается какая-то структура пунктов сбора дани и некая простейшая администрация, что было обусловлено невозможностью посещения князем всех хозяйственных единиц. Однако источники совершенно не позволяют делать насчет этого какие-либо выводы.

Начало полюдья необходимо искать в тот период, когда разрозненные союзы племен начинали объединяться в значительные догосударственные образования («суперсоюзы-государства» по терминологии Б. А. Рыбакова) [22, с. 329], т.е. рубеж VIII–IX вв. При этом несомненно, что данный институт напрямую связан со становлением института вождей, затем верховной княжеской власти. Вождь, выполнявший в интересах всего общества определенные функции, в полной мере вознаграждался посредством даров, подношений членов этого общества. Эти дары носили

сугубо добровольный характер и выступали в виде платы вождю за его «работу». По мере того как должность вождя становилась постоянной, постоянными становились и подношения. Племенной вождь (называемый в славянском регионе князем), власть которого становится постоянной, использует дары, уже освященные традицией, для поддержания формирующегося вокруг него постоянного контингента профессиональных воинов. С созданием суперсоюзов племен, т.е. с подчинением власти одного лица нескольких союзов племен, и появляется институт полюдья. Суперсоюз, по Б. А. Рыбакову, включает в себя несколько союзов племен (он подробно рассматривает вятичский союз) [22, с. 258–284], которые, в свою очередь, делятся на первичные племена («неуловимые для нас») [22, с. 285]. Ведущий польский славист Х. Ловмянский считал, что все без исключения славяне имели двуступенчатую территориальную структуру, нижнюю ступень которой он называет малым племенем, а высшую — большим. Малые племена входили в состав больших, таких как поляне или северяне [14, с. 97]. Итак, «большие племена» или «союзы племен» образовывали суперсоюзы, или союзы союзов племен: «здесь самостоятельно, изнутри, рождались отношения господства и подчинения, создавалась иерархия власти, установилась такая форма взимания дани, как полюдье, сопряженная с внешней торговлей, происходило накопление сокровищ» [22, с. 285–286]. Довольно обширная территория, включающая этнически близкие и не только (вспомним, что Рюрика призвали «русь, чудь, словени, и кривичи») [19, с. 13] племена, потребовала переездов правителя для сбора дани. В правосознании тогдашнего общества личное присутствие при осуществлении дара, видимо, оказывается чрезвычайно важным.

Исследователи отмечают, что институт полюдья являлся прямым предшественником ряда позднейших социально-политических и государственных институтов, как, например, кормление – предоставление доходов от собираемых с той или иной территории податей знатному лицу. Институт полюдья, характерный для потестарного государства, в то же время способствовал постепенному разрушению свойственному ему структур племенных княжений [24, с. 172].

Наиболее важной вехой в формировании налогово-даннической системы Древнерусского государства явились реформы княгини Ольги, осуществленные, если верить летописи в 946–947 гг. Их реализация привела к отмиранию института полюдья, как общегосударственного мероприятия. Основным смыслом реформ Ольги состоял в «повсеместной

фиксации правовых норм («уставы» и даней («уроки»)), которые отныне взимались... не во время наездов кормящейся дружины, а специальными представителями княжеской администрации» [18, с. 157]. Погосты — прежде места временных остановок князя и княжих мужей с дружинами во время полюдя — были реорганизованы в центры постоянного княжеского административно-судебного управления [24, с. 188]. Именно в погостах сосредотачивается сбор дани, при этом присутствие князя оказывается не обязательным, функции сбора дани и различных оброков, как и судебные функции, поручались специальным должностным лицам — тиунам. Считается, что погосты прекратили своё существование либо к концу X в. — их функции перешли к городам [18, с. 159], либо к XII в. в связи с широким распространением княжеского и боярского землевладения [23, с. 64]. Но система погостов сохранялась и позднее в местах с более редким населением и большими лесными массивами. Предположение о заимствовании системы погостов из Скандинавии не находит всеобщей поддержки исследователей. Отмечается, что возникновение этого института было естественным явлением в ранних государствах с их натуральным хозяйством, аналогичный институт известен в Польше под названием «стана» [15, с. 123–124].

Функционально близки были погостам становища. Исследователи отмечают, что связанные друг с другом становища и ловища являются начальными формами «окняжения» дальних лесных краёв, вслед за которыми возникали погосты. Ловища представляли собой княжеские территории, на которых останавливавшиеся в становищах княжие мужи и дружинники охотились и ловили рыбу [24, с. 191]. Под «уставами и уроками» Ольги обычно понимаются какие-то постановления, возможно, письменные [26, с. 30]. «Урок» в древнерусском языке — это нечто «точно оговоренное», «точно установленное»; тем же термином именовались законодательные акты, связанные с судебным процессом, иногда — штраф в пользу князя [5, с. 241–242]. Вероятно, суть мероприятия Ольги по «установлению» «уроков» сводилась к определению конкретных сумм, взимаемых с сельских общин в дополнение к уже существовавшим урокам от городов [24, с. 193]. «Устав» — это княжеский акт; в приложении к мероприятиям княгини Ольги под «уставами» понимают законодательные акты, которыми «могли бы руководствоваться при сборе дани и производстве суда представители власти на местах» [29, с. 149].

В целом, преобразования Ольги способствовали росту значения государственных институтов в общественно-политической жизни Древней

Руси, была создана устойчивая система налогообложения, которая смогла обеспечить стабильность государственной системы. В то же время серьезный удар был нанесен племенным институтам местных князей и народному вечевому самоуправлению [24, с. 193].

Между тем на протяжении выделяемого второго периода развития налогово-даннической системы (середина X – вторая половина XI в.) происходит принципиально важное разделение административных функций между центром в Киеве и отдельными центрами княжеств-земель. Возможным это оказалось как раз благодаря реформам княгини Ольги. Симптоматичным является уже отказ Ярослава Владимировича перед смертью отца – киевского князя — в 1015 г. отдавать Киеву установленную часть общих сборов со своей земли. Вместе с тем происходило и разделение дани с подчиненных Древнерусскому государству периферийных племен между отдельными княжествами-землями [25, с. 49–72]. По всей видимости, в это время центр сбора налогов-дани перемещается в города, которые только сейчас превращаются в настоящие центры администрации и суда. Сбор дани концентрируется в руках князей отдельных земель, судебно-административные полномочия они передают своим должностным лицам – посадникам и тиунам. Между тем начинает формироваться и десятичная система, видимо, изначально призванная решать две задачи – фискальную и военно-организационную. Так появляются должности тысяцкого, сотских и десятских. Создаваемое летописными известиями впечатление о тысяцких, как об исключительно военных предводителях (возглавляют ополчение), не может быть основанием для отрицания выполнения ими иных, так сказать, гражданских функций. К их числу, безусловно, относился сбор налогов-дани. Так, одно из косвенных свидетельств летописи является тому подтверждением. Под 1071 г. в Повести временных лет сохранилось известие о сборе дани в Ростовской земле Яном Вышатичем: «В си же время приключися прити от Святослава дань емлющую Яневи, сыну Вышатины» [19, с. 76]. В рассказе же об освящении Успенской церкви Печерского монастыря Ян называется киевским тысяцким («воеводство держащую Киевския тысяща Яневи») [19, с. 88]. Смещение должностей воеводы и тысяцкого (присутствует и в более поздних летописных статьях) [21, стб. 457] может быть объяснено как раз «полифункциональностью» тысяцких.

Раньше всего определилась особенность Новгородской земли. Здесь сложились особые договорные отношения с князем, подтвержденные

грамотой Ярослава 1019 г. и здесь же отмечается активное участие боярства в аппарате княжеского управления. По мнению В. Л. Янина, истоки своеобразия ситуации в Новгородской земле необходимо искать в изначальном утверждении здесь княжеской власти в результате договора между местной племенной верхушкой и приглашенным князем. «Договор, по-видимому, с самого начала ограничил княжескую власть в существенной сфере — организации государственных доходов» [32, с. 115]. Но только к концу XI в. новгородское боярство добивается утверждения посадничества, а затем в 1126 г. — организации сместного суда князя и посадника при реальном приоритете второго [32, с. 115]. Чрезвычайно интересно сделанное В. Л. Яниным наблюдение об исчезновении к началу второй четверти XII в. деревянных цилиндрических замков, которые использовались для замыкания мешков с собранными налогами-данью. Ученый связывает это обстоятельство с активным переходом к вотчинной системе землевладения в Новгороде: в этой связи для взимания государственных податей уже не было необходимости выезжать в погосты, подати взимались с владельцев вотчин в самом городе [32, с. 115]. Весьма показательно, что деревянные цилиндры-замки обнаружены археологами не на территории княжеской резиденции, а в боярских усадьбах Новгорода [31, с. 19].

Формирование вотчинного хозяйства, как княжеского, так и боярского, являлось характерной чертой третьего периода в функционировании налогово-даннической системы Древней Руси. Однако отметим, что только в Новгороде произошло ограничение князя в области фиска, на остальной территории Древней Руси по-прежнему исключительно князю принадлежала решающая роль как в сборе налогов-дани, так и в их распределении. Наиболее очевидным свидетельством переадресации налогообложения на центры отдельных княжеств-земель (согласно устаревшей терминологии, «удельные» княжества) является наличие у местных князей собственных воинских контингентов. Постоянное обеспечение всем необходимым дружины, как и поддержание ополчения при осуществлении военных акций, требовало увеличения поступлений в «бюджет» местных князей. В условиях отсутствия собственного княжеского хозяйства возможным это оказывалось только при отказе от отчислений в пользу «стольного града Киева» части сборов с территории своих княжеств и дани с подчиненных периферийных племен. Еще одним прямым указанием на концентрацию сбора и распределения налогов-дани в обособившихся центрах княжеств-земель являются

примеры выделения «удельными» князьями части доходов отдельным звеньям церковной организации (например, обеспечение Смоленской епархии).

На протяжении периода середины X – вторая половины XI в., подготовившего переход к последующему раздроблению Русской земли на ряд обособленных и, более того, независимых княжеств-земель, происходит принципиально важное разделение административных функций между Киевом и отдельными центрами княжеств-земель. Симптоматичным является уже отказ Ярослава Владимировича перед смертью отца — киевского князя — в 1014 г. отдавать Киеву установленную часть общих сборов со своей земли [19, с. 58]. Вместе с тем происходило и разделение дани с подчиненных Древнерусскому государству периферийных финно-угорских и балтских племен между отдельными княжествами-землями [25]. По всей видимости, в это время центр сбора налогов-дани перемещается в города, которые только сейчас превращаются в реальные центры администрации и суда. Предполагается, что погосты, важнейшая функция которых с момента их создания заключалась в организации сбора дани на местах, исчезают к концу X в.: «города пересиливают погосты, сосредотачивают в своих стенах все властные функции» [18, с. 159]. Сбор дани концентрируется в руках князей отдельных земель, судебно-административные полномочия они передают своим должностным лицам — посадникам и тиунам. Между тем начинает формироваться и десятичная система, видимо, изначально призванная решать две задачи — фискальную и военно-организационную [12].

Еще В. О. Ключевский обратил внимание на принципиальное изменение ситуации в связи с заменой посадников представителями княжеской семьи: «Областные или местные князья перестают платить дань Киеву, несовместную с отношениями младших родичей к названному отцу, великому князю киевскому» [6, с. 200]. Если посадник по существу являлся чиновником, отражавшим интересы князя-правителя, и для него занятие должности не могло быть связано с реализацией собственных интересов, то иное дело князь, который считал себя полноправным правителем. Исследователи неоднократно указывали на безусловные владельческие права князей-Рюриковичей, возникавшие уже в силу их рождения (что, возможно, было связано с языческими представлениями) [7, с. 8–29]. Рассматривая период политической раздробленности, М. Б. Свердлов писал: «Где бы князь ни находился, в отчинном княжестве, захватывал или получал в управление другие княжеские столы и

территории, только он мог осуществлять верховную административно-судебную и военную власть» [24, с. 584]. Это обстоятельство, безусловно, сказалось не только на отношениях князя с местной знатью (представляется, что в принципе не могло быть никакого давления «местных феодалов» на князей), но и на стремлении выйти из подчинения старшему князю в Киеве (первоначально, отцу). Именно в период политической раздробленности, начало которого следует относить к 30–40-м гг. XII в., обнаруживается стремление к более четкому определению границ обособившихся княжеств [13, с. 75–76], в летописях появляются свидетельства замены представления о «коллективной власти княжеского рода над Русской землей» идеей «великого князя, как верховного сюзерена не “всей Руси”, но своей волости — Владимиро-Суздальской и Галицко-Волынской земли» [18, с. 229].

Таким образом, стремление к перераспределению налогов-дани (изъятых посредством централизованной эксплуатации прибавочного продукта) и всех иных денежных и натуральных поступлений в пользу князей, обосновавшихся в отдельных княжествах-землях, и приводит к явлению, известному как «политическая раздробленность». Не представляется возможным видеть в качестве важнейшей причины раздробленности процесс феодализации: частное землевладение начинает играть существенную роль несколько позже того времени, когда в полной мере заявила о себе политическая децентрализация. В этой связи появление вотчин (как один из путей материального обеспечения князя и его семьи, а также и дружинной организации) следует рассматривать как следствие, а не причину раздробленности.

Вопрос о существовании частной земельной собственности в домонгольской Руси решался в историографии неоднозначно. В любом случае до XII в. источники не дают прямых свидетельств о существовании этого важнейшего признака феодализма. Ведущий советский специалист по проблеме феодализма в Древней Руси Л.В. Черепнин вынужден был признать, что и для XII в. в источниках не так уж и многочисленны указания на существование княжеских сел, но в то же время считал несомненным наличие в то время развитого княжеского домениального владения [30, с. 159]. Вывод современного украинского исследователя Н. Ф. Котляра более категоричен: «... княжеская домениальная земельная собственность до середины XII в. почти не отражена в летописях» [9, с. 290]. Таким образом возникает вполне резонный вопрос: за счет чего содержал князь себя и свою дружину? Конечно, это могли быть земельные

пожалования, но и наличие земельной собственности у представителей старшей дружины – бояр, отмечается в более позднее время, чем принято датировать начало политической раздробленности. Тот же Н. Ф. Котляр писал: «Более или менее систематические сведения о существовании земельной собственности у боярства начинаются в летописях с 40-х гг. XII в. – того времени, когда уже дала себя знать феодальная раздробленность, а бояре решительно выступают на политическую сцену» [9, с. 295]. Таким образом, распространение частного землевладения — княжеского или боярского — нельзя считать важнейшей причиной наступления раздробленности. Более того, само появление и рост охваченной феодальной эксплуатацией территории является следствием торжества политической децентрализации. Наделение представителей дружины селами (что также явно подразумевалось как возможность сбора налогов-дани с их жителей) являлось одним из путей решения проблемы материального обеспечения приближенных за определенные заслуги или за текущее выполнение определенных государственных функций. Другой издавна существующий путь, особенно характерный для X–XI вв., — это раздача определенных территорий в кормление. Такие пожалования «сводились к предоставлению вассалу доходов с села, города или земли — при том, что сами эти села, города и земли оставались в княжеской (государственной) собственности» [9, с. 294]. К приведенному определению понятия «кормления» необходимо добавить одну важную характеристику, а именно: его ограниченность во времени. В целом же, без учета этой характеристики, и позднейшее частное землевладение будет чрезвычайно напоминать те же самые кормления.

Итак, в основе процесса раздробления Русской земли на ряд независимых княжеств-земель лежит стремление представителей правящей княжеской семьи, обосновавшихся в отдельных древнерусских городах, к перераспределению в свою пользу доходов, получение которых осуществлялось на территории, «тянущей» к этим городам. Причем эта территория (первоначальная «волость», превращающаяся в независимую «землю», согласно наблюдениям А. А. Горского) [2, с. 130–146; 1, с. 9–32] не совпадала с областью расселения отдельных восточнославянских союзов племен. Новые границы как раз и формировались в связи с мероприятиями государства по эффективной организации изъятия прибавочного продукта у подвластного населения.

Таким образом, становление и развитие налогово-даннической системы являлось ключевым элементом в развитии и дальнейшей

трансформации древнерусской государственности. Нельзя было говорить о создании государственного аппарата, выполняющего разнообразные функции, без решения вопроса о его стабильном материальном обеспечении. С другой стороны, только путем поиска дополнительных ресурсов было возможно проведение активной завоевательной политики, расширение же пределов государства требовало совершенствования системы сбора налогов-дани. Представляется, что и основной причиной политической раздробленности Древней Руси являлась борьба за распределение получаемых от непосредственного производителя в результате прямых сборов, судебных штрафов, мытных пошлин и т.д. материальных ресурсов.

Литература

1. Горский, А. А. Земли и волости / А. А. Горский // Древняя Русь: очерки политического и социального строя. – М. : «Индрик», 2008. – С. 9–32.
2. Горский, А. А. Русь. От славянского Расселения до Московского царства / А. А. Горский. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 392 с.
3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1949. – 407 с.
4. Джаксон, Т.Н. Четыре норвежских конунга: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. / Т. Н. Джаксон. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 192 с.
5. Зимин, А. А. Феодалная государственность и Русская Правда / А. А. Зимин // Исторические записки. – 1955. – Вып. 76. – С. 230–275.
6. Ключевский, В. О. Сочинения: В 9-ти т. / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1987. – Т. I. Курс русской истории. Ч. I / Под ред. В.Л. Янина. – 430 с.
7. Комарович, В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. / В. Л. Комарович // Из истории русской культуры. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. – С. 8–29.
8. Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М. : Наука, 1991. – 496 с.
9. Котляр, Н. Ф. Древнерусская государственность / Н. Ф. Котляр. – СПб. : Алетейя, 1998. – 446 с.

10. Котляр, Н. Ф. К вопросу о причинах удельной раздробленности на Руси / Н. Ф. Котляр // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2011. – № 1 (43). – С. 5–17.

11. Котляр, Н. Ф. Об удельной раздробленности на Руси / Н. Ф. Котляр // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто: Материалы конференции. – М. : ИВИ РАН, 2011. – С. 137–141.

12. Кучкин, В. А. Десятские и сотские Древней Руси / В. А. Кучкин // Древняя Русь: очерки политического и социального строя. – М. : «Индрик», 2008. – С. 270–425.

13. Кучкин, В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. / В. А. Кучкин. – М. : Наука, 1984. – 351 с.

14. Ловмянский, Х. Основные черты родоплеменного и раннефеодального строя славян / Х. Ловмянский // Становление раннефеодальных славянских государств. – Киев : Навукова думка, 1972. – С. 4–16.

15. Ловмянский, Х. Русь и норманны / Х. Ловмянский. – М. : Прогресс, 1985. – 303 с.

16. Новосельцев, А. П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдье) / А. П. Новосельцев // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А.П. Новосельцева. Отв. ред. к.и.н. Т. М. Калинина. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – С. 400–404.

17. Новосельцев, А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. / А. П. Новосельцев // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А. П. Новосельцева. Отв. ред. к.и.н. Т. М. Калинина. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – С. 264–323.

18. Петрухин, В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия / В. Я. Петрухин // Из истории русской культуры. – М. : Языки русской культуры, 2000. – Т. I (Древняя Русь). – 760 с.

19. Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – СПб. : Наука, 1996. – 668 с.

20. Полное собрание русских летописей. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – Т. 38. – Радзивилловская летопись. – 178 с.

21. Полное собрание русских летописей. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – Т. 1. Лаврентьевская летопись. – 2-е изд. – 577 с.

22. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1993. – 592 с.
23. Свердлов, М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси / М. Б. Свердлов. – Л. : Наука, Ленинградское отд-е, 1983. – 240 с.
24. Свердлов, М. Б. Домонгольская Русь : Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. / М. Б. Свердлов. – СПб. : Академический проект, 2003. – 743 с.
25. Темушев, С. Н. Литва и Русь: трансформация взаимоотношений от даннической зависимости к внешней экспансии (историография проблемы) / С. Н. Темушев // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. – Минск: РИВШ БГУ, 2010. – Вып. 3. – С. 49–72.
26. Тихомиров, М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. / М. Н. Тихомиров. – М. : Политиздат, 1955. – 278 с.
27. Уставная грамота князя Ростислава (1150 г.) // Памятники русского права. – Вып. 2. – М. : Госюриздат, 1953. – С. 39–42.
28. Фроянов, И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.) / И. Я. Фроянов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1996. – 512 с.
29. Черепнин, Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда / Л. В. Черепнин // Древнерусское государство и его международное значение. М. : Наука, 1965. – С. 128–274.
30. Черепнин, Л. В. Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. / Л. В. Черепнин // Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). – М. : Наука, 1972. – С. 126–248.
31. Янин, В. Л. Дары новгородской почвы. Находки и открытия в славянском центре на Волхове / В. Л. Янин // Родина. – 2006. – № 4. – С. 16–20.
32. Янин, В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории / В. Л. Янин. – М. : Наука, 2004. – 416 с.

ГРАФФИТИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО СТОЛБА ПОЛОЦКОЙ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

GRAFFITI THE NORTH-WEST PILLAR OF THE POLOTSK TRANSFIGURATION CHURCH

И. Л. Калечиц,

кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка

I. Kalechits,

PhD, associate Professor
Belarusian state pedagogical
University named after Maxim Tank (BSPU)

Ключевые слова: эпиграфика, граффити, Спасо-Преображенская церковь, автографы, поминальные записи, молитвенные прошения, кириллица, латиница.

Keywords: epigraphy, graffiti, Transfiguration Church, autographs, memorial entries, prayer requests, Cyrillic, Latin.

Резюме: В полоцкой Спасо-Преображенской церкви ведутся реставрационные работы, благодаря которым открыто более четырех тысяч граффити. Надписи находятся в алтаре, жертвеннике, диаконнике, кельях, хорах, столбах церкви. В статье исследуются надписи северо-западного столба церкви. Среди граффити поминальные записи, автографы, молитвенные прошения, загадка, рисунки. Такие надписи характерны для граффити церкви. В то же время на северо-западном столбе больше автографов XVIII века и меньше поминальных записей.

Summary: In the Polotsk Spaso-Preobrazhenskaya Church is undergoing restoration, thanks to which opened more than four thousand graffiti. The inscriptions are in the altar, cells, the choirs, the pillars of the Church. The article examines the inscriptions of the North-West pillar of the Church. Among graffiti memorial records, autographs, prayer petitions, mystery, drawings. These labels are typical of graffiti Church. At the same time in the North-Western post more autographs of the XVIII-th century and fewer funeral records.

Спасо-Преображенская церковь г. Полоцка является не только уникальным памятником древнего зодчества, но и памятником письменности, так как на его стенах найдено около четырех тысяч граффити. С наибольшей интенсивностью покрыты надписями келья преподобной Евфросинии и ее сестры Евдокии. В алтарной части надписями заполнены стены жертвенника и диаконника, алтарной части, стены проходов между диаконником и алтарем, жертвенником и алтарем. Граффити есть также в аркосолиях, на стенах и столбах церкви. Временной интервал написания граффити — конец XII – 30-е годы XIX в. Но, если мы рассмотрим столбы церкви как место для нанесения надписей, то увидим, что по времени написания и характеру надписей граффити размещаются неравномерно. Так, например, юго-восточный и северо-восточный столбы были местом нанесения граффити клирошанами храма. На юго-западном столбе находятся, преимущественно, более поздние надписи на латинице, датируемые периодом с конца XVI в. по XVIII в. Граффити северо-западного столба имеют некоторые отличия, однако их совокупность еще не рассматривалась в специальной литературе. Данная статья — первая попытка обобщения изученных граффити.

Столбы Спасо-Преображенской церкви представляют собой в разрезе правильные восьмигранники. Каждая грань покрыта штукатуркой, по которой в XII в. производилась фресковая роспись. В частности, на гранях северо-западного столба находятся изображения преподобных жен. Низ столбов утратил штукатурку, а, следовательно, и надписи, если таковые там находились, были утрачены. Оставшаяся поверхность столбов заполнена надписями довольно интенсивно.

Граффити северо-западного столба можно объединить в несколько устойчивых групп по цели нанесения надписи. Самые ранние граффити представлены поминальными записями, которые обычно содержат дату смерти определенного человека в виде числа и месяца или ссылки на церковный праздник. Наиболее полная надпись такого рода находится на юго-восточной грани столба и читается как «месяца ноября на Введение Пресвятой Богородицы преставился раб Божий Михайла...». В граффито говорится о смерти некоего Михаила, который умер на праздник «Введения во храм Пресвятой Богородицы». Граффито можно датировать XIV в. по палеографическим данным. Остальные надписи такого рода фрагментарны. Они располагаются на восточной грани столба. Так одно из граффити читается как «месяца ... Труфон на память Козмы и Домияна»,

т.е. «в месяце (?) преставился Труфон (Трифон) на память святых Козьмы и Дамиана». Надпись датируется XV в. по палеографическим данным середина граффито утеряна. Фрагмент следующего граффито может быть условно отнесен к поминальным записям. Надпись читается как «месяца дека(бря)». Она может быть как началом поминальной записи, так и началом надписи о посещении церкви каким-либо человеком. Такого рода надписи есть, например, на северо-восточном столбе. Там упоминание о своем посещении церкви оставили Фомич и Онисифор. Также чаще встречаются на северо-восточном столбе поминальные записи.

Поминальные надписи обычно представлены именами, записанными в родительном падеже. Таких граффити на северо-западном столбе несколько. Они читаются как «Петра». К таким надписям, вероятно, относится имя «Макси» — «Максим» или «Максима» (но возможно, также, что это часть автографа).

Некоторые граффити, процарапанные кириллицей, могут быть истолкованы и как поминальные записи, и как автографы. Это, например, имя Иван, записанное дважды: на западной и северо-западной грани. На западной грани в имени Иванъ написана большая заглавная буква, к концу слова буквы уменьшаются. На северо-западной грани надпись сильно испорчена глубокими выбоинами в штукатурке. Датировка обеих надписей XVII в. Фрагмент мужского имени: Мики (вероятно, Микита или Микифор) есть на западной грани. Окончание надписи утрачено вместе со штукатуркой. Также на восточной грани сохранился фрагмент надписи, начало которого утеряно вместе со штукатуркой. Он читается как «...брял» с выносным «л». Возможно, это окончание имени «(Га)брял» - «Габриэль». Женское имя, записанное кириллицей, встречается только один раз. Это имя Матрена. Оно находится на западной грани.

Граффити, которые действительно являются автографами людей, посетивших Спасо-Преображенскую церковь в разное время, представлены кириллицей и латиницей. Кириллических граффити такого рода меньше, чем надписей на латинице. Но в процентном соотношении на северо-западном столбе их больше, чем в других местах храма.

В надписи может быть только фамилия. Так, надпись на южной грани прочерчена в ряде мест очень тонкими линиями и, учитывая обилие на штукатурке царапин и потертостей, читается сложно. Тем не менее, граффито сохранилось целиком и читается как «Федоров». Фамилия «Нарышнин» записана на западной грани столба.

Некоторые кириллические граффити более распространены. Надпись может включать имя и имя по отцу. Такая надпись находится на юго-восточной грани. Она читается как «Богдан Иванович». Надпись на юго-западной грани читается как «Ян Бережецкий». Граффито процарапано одинаковыми по высоте буквами, выполненными довольно глубокими и широкими царапинами с гладкими краями. Палеографические признаки свидетельствуют в пользу датировки граффито XVII в. Граффито на северо-западной грани читается как «Иван Степанькович» и тоже датируется XVII в.

Один из авторов граффити повторил на столбе свой автограф трижды. Его надписи встречаются также на восточной стене прохода из диаконника в алтарь. Первая надпись процарапана небольшими буквами, ровно «поставленными» одна к другой. Все буквы имеют одинаковую высоту, некоторые из них образуют лигатуры. Граффито читается как «Антони Сієнкієвичъ» — «Антоний Сенкевич». Вторая надпись не окончена. Она читается как «Антони Сієнкієв» — «Антони Сенкев(ич)». Третье граффито читается как «Ант ω ни Сіє» — «Антони Се(нкевич)». Буква *o* имени передается через ω . В этой надписи, как и в других граффити этого человека присутствуют лигатурные написания *ни* и *десятеричное и* в фамилии. Надписи можно датировать XVII в.

Граффито на кириллице на юго-восточной грани состоит из трех слов, записанных в одну строку: «Шостаковски з Берестья». Эта надпись — одна из немногих, где упоминается принадлежность человека к определенному месту жительства. Граффито датируется XVII в.

Надписи на латинице также представлены именами и фамилиями. Граффити могут быть датированными и недатированными. Часть надписей на латинице сокращена. Например, две буквы: *Io*, достаточно глубоко процарапанные по штукатурке на юго-восточной грани — предположительно, недописанное начало или сокращение имени «Иоанн». На той же грани находится автограф, где сокращения обозначены двоеточиями. Надпись предполагает наличие имени и фамилии: *Ther: Jure:*, предположительно, «Те(одо)р Юре(вич)». По палеографическим данным граффито можно датировать XVIII в.

Граффити могут состоять только из имени или фамилии. Например, на южной грани надпись в одну строку процарапана тонкими буквами, которые теряются среди дефектов штукатурки. Граффито читается как *Z ykinowski* — «Жыкиновски» и датируется XVII в. Надпись на юго-западной грани зачеркнута тремя широкими горизонтальными линиями.

Тем не менее, ее содержание восстанавливается. Это автограф — имя *Matiasz* — «Матиас». Палеографические данные дают возможность датировать граффито XVII в. На той же грани записано имя *Stefan* — «Стефан». Граффито также датируется XVII в.

Большинство автографов состоят из имени и фамилии. Это, например, одно из граффити северо-восточной грани. Надпись выполнена в две строки. Буквы изначально прорезаны очень широко и глубоко, но затем надпись была тщательно зачеркнута. Поэтому буквы скорее угадываются по углублениям. Граффито читается как *Marcyuk Duda(r/c)* — «Марцынок дуда(р/ч)». «Марцынок» — просторечное употребление имени Мартин. Далее указана его профессия или прозвище, а, может быть, и то, и другое вместе. Последняя буква может быть прочитана в разных вариантах. Это может быть *r*, написанная лигатурой с буквой *a*, а может быть, написанная отдельно *s* или *ś*. Граффито датируется XVII в. Надпись на юго-западной грани записана в одну строку и читается как *Stephanus Molodz(es)zka Ao* — «Стефанус Молодзешка, год». Надпись выполнена довольно глубоко процарапанными линиями, однако конец граффито испорчен. Надпись можно датировать XVII в. Там же записано в две строки тонкими, но довольно глубокими линиями граффито, которое читается как *Bazyli Niedzwiedzki* — «Базыли Недзведзки». Надпись можно датировать XVII в. Надпись на западной грани процарапана буквами, нанесенными поверхностными широкими царапинами. Граффито читается как *Fiedor Krupski* — «Фёдор Крупски». Надпись также датируется XVII в. надпись, которая датируется тем же периодом, находится на северо-западной грани, она читается как *Theodorus // Łazarowicz* — «Теодорус Лазарович». К XVII в. можно отнести и граффито *Krz istoph Poreksz a* — «Кжистоф Порекша», процарапанное на небольшую глубину бегло написанными под небольшим наклоном буквами.

На северо-западном столбе есть и датированные автографы XVII в. Надпись на западной грани состоит из двух строк: в первой записаны имя и фамилия, во второй — год нанесения надписи: *Teodor Łazarowicz // A□ 1609* — «Теодор Лазарович, год 1609». Эта надпись дублирует недатированное граффито того же автора. Сокращенный автограф с недописанным годом читается как *H Sz e mp // 16* — «Хелиаж Шевердзич собственной рукой (*manum propria*), год 16..». Сокращение имени и фамилии довольно легко восстанавливаются, т.к. Шевердзич оставил свои автографы на каждом столбе по несколько раз.

На столбе есть несколько датированных автографов XVIII в. Так, на юго-восточной грани есть надпись на латинице, которая состоит из двух строк. Это датированный автограф, буквы которого настолько глубоко процарапаны в стену, что штукатурка между ними иногда скалывается. Граффито читается как *Mikołai Butrimo//wicz Roku 1721* — «Миколай Бутримович, год 1721». Граффито на западной грани записано в три строки буквами, прорезанными довольно глубоко. Надпись читается как *Leon Jure//wicz // Roku 1723* — «Леон Юревич, год 1723». Датированная надпись на северо-западной грани читается как *Michaj Jankow/ski/ // Roku 1736* — «Михай Янковски, год 1736». К особенностям надписи относятся вынесение слога *ski* над всей остальной фамилией, а также написание цифры 6 в обратную сторону. На той же грани в две строки написано граффито, в первой строке которого указаны имя и фамилия, во второй — год написания: *Antoni Nowogurski // Roku 1776* — «Антони Новогурски, год 1776». Надпись выполнена неглубокими и тонкими линиями с неровными краями. Единственная надпись на северо-восточной грани выполнена в три строки довольно глубоко врезанными буквами. Однако сверху надпись была зачеркнута горизонтальными линиями, что вызвало некоторые трудности при прочтении. Тем не менее, надпись хорошо восстанавливается, ее можно прочитать как *Andzei // Jankowski // Roku 1724* — «Анджей Янковски, год 1724».

Смешанный автограф, первая строка которого написана на кириллице, а вторая на латинице, есть на западной грани столба. Граффито читается как *П. Азаровичь // Auditor* — «П. Азарович аудитор». Надпись, аналогичная вышеуказанной, только полностью записанная на латинице, есть на северной стене алтаря. Она переводится как «Филиппус Азарович — аудитор поэтики». Буква П, обозначающая имя в кириллическом граффито, возможно, вызвана произношением имени как «Пилип» либо по аналогии с латинской надписью, где ф передается как *ph*.

В граффити есть также молитвенные прошения, которые обычно записываются по устойчивой «формуле»: «Господи, помози рабу своему (имя)». Фрагмент молитвенного прошения находится на краю южной грани столба, оно не поместилось полностью и не было продолжено ниже. Граффито читается как «ги помоз» — «Господи, помоз(и)». Надпись на кириллице в одну строку на западной грани столба представляет собой часть молитвенного прошения «гопомозир» — «Го(споди) помози р(абу или рабе)». Граффито на юго-восточной грани читается как «ги помози

раб». Имен в этих надписях нет, хотя в алтаре, например, встречаются полностью записанные граффити такого рода с упоминанием имен.

Одни из самых интересных надписей те, которые отличаются от общепринятых, т.е. записанных по определенным канонам. К таким надписям можно отнести граффито, написанное на юго-западном столбе и состоящее из одного слова. Надпись на кириллице тщательно зачеркнута несколькими широкими горизонтальными линиями. Несмотря на это, граффито хорошо читается как «прокажень» — «прокажен». Еще одна интересная надпись отражает состояние человека: «помощи не мочи и с помхелья» — «помочь не мог и с похмелья». Причем, в слове «похмелье» буквы «м» и «х» поменялись местами.

Пока единственная загадка, найденная среди граффити храма, находится на юго-восточной грани. Она не дописана, тем не менее, смысл ее хорошо понятен: «отец меня родил, я родил себе родил жену же(на родила мне детей)». Это загадка про первочеловека Адама.

Встречаются на северо-западном столбе и рисунки. Среди них — круги. Практически идеально прочерченный при помощи какого-то приспособления (циркуля) круг имеет внутри точку, что показывает место закрепления этого приспособления. Подобные рисунки встречаются в диаконнике. Мы не можем дать точную датировку таких рисунков, т.к. они начерчены безотносительно к надписям. Приспособлениями для рисования кругов могли пользоваться для оформления книг в более ранний период (с XII до XVI в.), так и школяры иезуитского коллегиума в более позднее время. Датировка таких рисунков широка с XII по 30-е гг. XIX в. Верхняя часть круга, прочерченного двойной линией, выполнена не очень ровно. Но в предполагаемом центре есть точка, значит, была сделана попытка начертить круг с помощью инструмента. Эти круги находятся на восточной грани.

На юго-восточной грани есть два треугольника, соединенных между собой так, что вертикальная линия выходит из середины основания нижнего и заканчивается в вершине верхнего, по всей видимости, представляет собой геральдический знак либо знак собственности. Точная его датировка не представляется возможной, т.к. он точно не соотносится ни с какой из надписей. Изображение на юго-западной грани, возможно, также представляет собой знак собственности. Графически он походит на букву Х, к нижней левой перекладине которой добавлена черта, параллельная правой. Датировка рисунка может быть широка XII в. — 30-е гг. XIX в.

На южной грани находится рисунок со значительными утратами, от него сохранилась только верхняя правая часть, которая представляет собой голову с двумя ушами и глазом под дугообразной бровью. Судя по тому, что от шеи в сторону отходят черточки, обозначающие гриву, на рисунке изображена лошадь.

Рисунок, расположенный над изображением лошади, на наш взгляд, представляет собой изображение древнерусского щита: овал, заостренный снизу и перекрещенный посередине двумя диагональными линиями. Левое поле имеет три диагональные линии. Вполне вероятно, что человек, изобразивший лошадь, хотел нарисовать на ней всадника со щитом в руке. Так, например, изображение всадника на лошади есть на южной стене жертвенника. Вероятно, что-то помешало автору данного рисунка, а, может быть, он просто не рассчитал свои силы, и над рисунком лошади осталось только изображение щита. Интересно, что изображение щита на фреске у святого Георгия также четырехчастно разделено диагональными линиями.

На северо-западном столбе есть изображение креста. Четырехконечный крест на западной грани прочерчен тонкими линиями, посередине — еще одна. Возможно, это равносторонний крест, но утверждать это мы не можем, т.к. нижняя часть утрачена вместе со штукатуркой. Концы креста расширены.

Антропоморфные изображения представлены на северной грани. Это, предположительно, два человека: мужская фигура слева и очертания другой, недорисованной фигуры справа. Фигура, изображенная слева, может быть дьяконом, т.к. она перечеркнута двойными линиями по диагонали. Так мог изображаться оран.

На столбе есть также отдельно записанные буквы: малый юс, е, б, д. Все они могут быть началом имени. Однако совершенно точно можно указать на ряд букв «а», записанных в одну строку на юго-восточной грани, как на упражнения человека в письме.

На юго-восточной грани записаны и начала прокимнов — частей вечернего богослужения, а именно тех, которые должны петься на богослужении в понедельник, среду и четверг. Это своеобразная памятка.

Таким образом, на гранях северо-западного столба представлены практически все группы надписей. Столб расположен справа от входа в храм. По-видимому, этим и обусловлено небольшое количество кириллических надписей, подавляющее большинство которых находится в алтаре — месте проведения богослужений и на восточных столбах — месте,

где находился клирос. Граффити более позднего времени, а именно XVII–XVIII вв., т.е. «школярского периода», составляют большинство надписей столба, вероятно потому, что он оказался незанятым большим количеством надписей, в отличие от столбов восточных.

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ КОМПЛЕКСА
ОРИГИНАЛОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ АКТОВ 1387–
1601 ГГ. АРХИВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

**THE STATE ARCHIVE OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA,
THE COMPLEX OF ITS ORIGINAL DOCUMENTS FROM 1387 – 1601:
THE RESTORATION IN ELECTRONIC FORM AS A WHOLE ONE**

А. Н. Латушкин,
кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный университет (БГУ)
кафедра источниковедения

A. Latushkin,
PhD, associate Professor.
Belarusian state University (BSU)
The Source Studies Department

Ключевые слова: государственный архив Великого Княжества Литовского, акты уний Великого Княжества Литовского и Польши, общеземские привилеи, мировые соглашения, буллы, бреве, Архив Несвижской ординации князей Радзивиллов, восстановление целостности архива, Национальный архивный фонд Республики Беларусь.

Keywords: the State Archive of the The Grand Duchy of Lithuania (GDL), complex of original documents, peace agreements with neighboring states, the acts of the Union of the GDL and the Kingdom of Poland, documents regarding the relationship between the GDL and the Holy See (papal bulls, breve), archives of the Radziwill family, the reconstruction of the list of documents of the State Archive GDL, the restoration of complex of originals in electronic form as a whole one body.

Резюме: В статье рассматривается история создания и современное состояние одной из частей государственного архива Великого Княжества Литовского, Русского и Жемайтского (ВКЛ) — комплекса оригиналов важнейших государственно-правовых актов ВКЛ периода 1387–1601 гг. На основании сохранившихся описей утверждается, что данная часть архива представляла собой целостный самостоятельный комплекс наравне с Метрикой ВКЛ и хранилась в казне государства как наиценнейшее

достояние. Автор утверждает, что за время своего существования некогда единый комплекс оказался раздроблен. Основная его часть — около 70 % — в настоящее время хранится в Главном архиве древних актов в Варшаве (Польша), в состав которого она была включена в 1946 г. вместе с документами Архива Несвижской ординации князей Радзивиллов. Около 30% актов попала на хранение в другие архивы и библиотеки Польши, Литвы, Российской Федерации. Отдельные акты были утрачены в период Второй Мировой войны и сохранились лишь в виде фотокопий.

Учитывая большое значение данного комплекса для истории Беларуси и государств, входивших ранее в состав ВКЛ, а также отсутствие подобного рода актов в составе современного Национального архивного фонда Беларуси, обосновывается необходимость реконструкции состава и восстановления целостности в электронной форме комплекса оригиналов актов архива ВКЛ 1387–1601 гг. В приложении приводится список утраченных актов архива ВКЛ, выявленных автором в различных хранилищах зарубежных стран.

Summary: The State Archive of the The Grand Duchy of Lithuania (GDL) is an object of significant importance for the study of the foreign and domestic policy of this state and some others country. One of the most valuable parts of the State Archives was complex of important original documents of the GDL, about 100 units for period 1387–1601, issued mostly on parchment: peace agreements with neighboring states; the acts of the Union of the GDL and the Kingdom of Poland; documents regarding the relationship between the GDL and the Holy See (papal bulls, breve); and other groups of acts. These part of the GDL State Archive at present day don't form a one body. This complex was broken up and moved to storage in different archives and libraries of Poland, Russia, the Republic of Lithuania. Some documents have been destroyed during the Second World War and now they can be seen only in the form of photos.

The purpose of the research and the expected final result is: on the basis of the identified archive inventories of GDL and archives of the Radziwill family, as well as on the basis of already accumulated scientific data – to make the reconstruction of the list of documents of the State Archive GDL, find the lost acts and the restoration of complex of originals of State Archive in electronic form as a whole one body.

Великое Княжество Литовское, Русское и Жемайтское (далее ВКЛ) — государство, которое играло решающую роль в судьбах народов Центральной и Восточной Европы во второй половине XIII–XVIII вв. В его

состав почти в полном объеме входили территории современной Беларуси, Украины, Литвы, а также регионы ряда других соседних государств. Оно стало своеобразным рубежом цивилизаций — западной и восточной, было площадкой смешения и взаимодействия народов, религий, культур. Его история неразрывно связана с историей многих современных государств, и прежде всего Польши, Литвы, Украины, Германии, Латвии, Эстонии, Швеции, Финляндии, России, Молдавии, Турции и др.

История Великого Княжества Литовского является неотъемлемой частью истории государственности современной Беларуси, территория и население которой после 1569 г. составляли основу ВКЛ. В XXI веке наша страна сохраняет своё геополитическое значение в данной части Старого Света, продолжая играть ключевую роль во многих межгосударственных процессах.

Приоритетное место в изучении истории внешней и внутренней политики Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой занимает государственный архив ВКЛ. Основу архива составляли два комплекса актов: I) архив канцелярии великого князя литовского, так называемая Метрика ВКЛ, который включал преимущественно копии изданных за подписью великого князя актов; II) оригиналы важнейших государственно-правовых актов ВКЛ, представленные в виде таких основных видовых групп как: 1) акты уний ВКЛ и Королевства Польского; 2) общеземские привилегии ВКЛ, устанавливающие основы государственного устройства и социально-правовых отношений; 3) дипломатические акты, соглашения о мире с соседними государствами (Российским государством, Молдавией и др.); 4) привилегии великим князям литовским от римских пап и иные акты отношений ВКЛ с Ватиканом (буллы, бреве).

Первая часть государственного архива — книги Метрики ВКЛ (свыше 600 единиц) до конца XVIII в. находилась под контролем государства. После последнего раздела Речи Посполитой в 1795 г. она, вместе с Метрикой и грамотами государственного архива Королевства Польского, так называемым Коронным Архивом была вывезена в Российскую Империю и ныне хранится в составе Российского государственного архива древних актов в Москве (ф. 389).

Вторая часть государственного архива ВКЛ лишь за период 1387–1601 гг. насчитывала около 100 единиц оригиналов государственно-правовых актов, преимущественно на пергаменте. Существование её как отдельного целостного и самостоятельного в архивоведческом значении комплекса подтверждается сохранившимися учётными документами —

описями государственного архива. В частности, состав ее фиксирует опись, оформленную при передаче архива ВКЛ от воеводы виленского Льва Сапеги (1557–1633) канцлеру Альбрэхту Станиславу Радзивиллу (1593–1656) от 26 ноября 1623 г. [1]. В обеих своих частях — в виде книг Метрики ВКЛ и комплекса оригиналов государственно-правовых актов — архив находился тогда “в хранилище казны в королевском замке в Вильне” (польск. “w skarbowym sklepiu zamku krolaj(ego) m(oś)ci Wilenskim”). Опись выявлена впервые польским исследователем, архивистом Главного архива древних актов в Варшаве Вальдемаром Микульским в 1997 г. В 2012 г. она была опубликована, но лишь в части состава книг Метрики ВКЛ, литовским ученым Дарюсом Антанавичюсом [6; 10; 11].

Во второй половине XVII в. комплекс оригиналов актов архива ВКЛ попал во владение влиятельного рода князей Радзивиллов. Причинами чего стали особенности государственного устройства ВКЛ, а также важная роль знатных родов во внутривластной жизни страны [7; 8; 9; 11]. В частных руках данная часть архива находилась до начала Второй Мировой войны. Данный комплекс актов стал единственным из частей государственных архивов ВКЛ и Королевства Польского, который не был вывезен завоевателями с территории Речи Посполитой после третьего её раздела в 1795 г. С конца XVIII в. он хранился в резиденции Радзивиллов в Неборове под Варшавой, с начала XX в. — в Несвиже, в период 1919 — нач. 1920-х гг. — был вывезен в Варшаву. В 1946 г. комплекс государственных актов ВКЛ в составе польской части архива Несвижской ординации князей Радзивиллов был включен в фонды Главного архива древних актов Польши в Варшаве (Archiwum Główny Akt Dawnych, далее — AGAD).

За свою историю архив ВКЛ понёс значительные утраты. В период второй половины XVII — первой половины XX вв. при различных обстоятельствах в мирное время, а также в период войн было утрачено около 30% актов. Кроме того, ещё в период хранения в составе частных архивов Радзивиллов XIX в. единый комплекс актов архива ВКЛ был расформирован и включен в состав отдела пергаментных документов. После того, как документы поступили на хранение в AGAD, они стали частью коллекции пергаментов «Zbiór dokumentów pergaminowych».

Таким образом, в настоящее время оригинальная часть архива Великого Княжества Литовского не существует как единый комплекс. Архив был расформирован и сейчас хранится в виде разрозненных документов в составе коллекции пергаментов AGAD. Значительная часть

актов — около 30% — попала на хранение в другие архивы и библиотеки. Отдельные акты были уничтожены в период Второй Мировой войны. В частности, во время антигитлеровского восстания в Варшаве в августе 1944 г. исчезли акты уний Люблинской 1569 г. и Городельской 1413 г. В настоящее время они существуют в виде фотокопий периода 1900–1939 гг. Кроме того, в архивах и библиотеках, где в настоящее время находятся сохранившиеся акты, их провениенция и связь с архивом ВКЛ либо остаётся неизвестной, либо не отражается в научно-справочном аппарате.

В 1997 г. польский исследователь В. Микульский попытался выявить в составе коллекции пергаментов AGAD сохранившиеся оригиналы государственных актов архива ВКЛ из состава Архива Несвижской ординации князей Радзивиллов. В результате, исследователем был составлен список сохранившихся на конец XX в. актов. Помимо оригиналов грамот, которые стали основой его содержания, в список были включены и иные акты государственно-политического, экономического характера из варшавской части архива Радзивиллов, в том числе книги Метрики ВКЛ [11]. Статья В. Микульского и подготовленный им список стали значительной вехой в историографии вопроса. Исследователь по сути впервые в послевоенной истории попытался идентифицировать акты архива ВКЛ из состава Архива Несвижской ординации Радзивиллов в составе уже государственного архивного учреждения Польши, в котором указанные акты получили новые архивные шифры, отличавшиеся от шифров частного фамильного собрания.

Данный список, несмотря на свою безусловную ценность для изучения проблемы, не содержит однако подокументного сопоставления с описями архива ВКЛ и архивов Радзивиллов, не даёт представления о том, в какой полноте дошел до нас комплекс оригиналов, в какой степени он соотносится с составом, отраженным, например, в вышеуказанной описи «оригинальной» части архива ВКЛ от 26 ноября 1623 г., каково количество утраченных документов и их современное местонахождение. По нашим подсчётам, состав списка В. Микульского отражает лишь около 70% от общего числа актов 1387–1601 гг., зафиксированных в описи от 26 ноября 1623 г. Некоторые документы, фигурирующие в описи, находятся в других известных собраниях, в том числе польских, о чём не сообщается. Ряд документов, зафиксированных в описи и хранящихся в AGAD не были учтены В. Микульским. Например, конфирмационный привилей Сигизмунда II Августа от 3 ноября 1551 г. или так называемая «бархатная книга» — копиярий актов уний и общеземских привилеев великих князей

литовских предыдущего периода [2]; привилей Сигизмунда II Августа от 20 сентября 1559 г. на второй Статут ВКЛ [3]; акты с пунктами соглашения между депутатами Королевства Польского и ВКЛ принятые на элекционном сейме в Варшаве 4 августа 1587 г. [4; 5; 1, к. 8, 12].

Таким образом, очевидно, что список В. Микульского не отражает всего состава комплекса оригиналов актов архива ВКЛ, даже в части сохранившейся в AGAD и не исчерпывает проблемы, хотя трактовка материалов исследователя, как таковых, наметилась в научной литературе вопроса.

Состояние раздробленности некогда единого комплекса ценнейших государственно-правовых актов, отсутствие точных сведений о его составе, степени сохранности, о судьбе и современном местонахождении утраченных документов не соответствует как научной, так и историко-культурной значимости данного объекта.

В связи с последним аспектом следует отметить следующее. Государственный архив Великого Княжества Литовского имеет первоочередное значение для отечественной истории, отражает основные этапы становления государственности на белорусских землях. На основании этого он занимает важнейшее место в документальном наследии белорусского народа, которое в значительной степени утрачено. В настоящее время в составе Национального архивного фонда Беларуси (далее — НАФ Беларуси) не имеется ни одного оригинала из указанного комплекса актов, равно как и иных оригиналов актов государственно-правового характера периода ВКЛ. Исключение составляет копия Метрики ВКЛ, хранящаяся в Национальном историческом архиве Беларуси в форме микрофильмов (НИАБ, КМФ-18).

Таким образом, актуальной задачей является научно-обоснованная реконструкция состава, а в перспективе, восстановление целостности в электронной форме комплекса оригиналов государственно-правовых актов периода 1387–1601 гг., как одной из наиболее ценных частей государственного архива Великого Княжества Литовского, что создаст предпосылки для всестороннего научного изучения данного объекта, междисциплинарного по своей сути. В области поиска и сохранения культурного наследия страны наличие качественных электронных копий документов архива ВКЛ даст возможность включить их в состав НАФ Беларуси на правах оригиналов. Закон Республики Беларусь “Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь” от 25 ноября 2011 г. содержит положения о необходимости выявления за границей и

возвращения (в том числе в виде копий) важнейших документов, связанных с историческим прошлым Беларуси и возможности включения их копий на правах оригиналов в состав Национального архивного фонда Республики Беларусь (статья 11) [12]. Это будет способствовать повышению информационного патенциала НАФ Беларуси, росту его научного, историко-культурного значения. Разработка данной проблемы будет содействовать процессу укрепления белорусской государственности.

В качестве задач, решение которых является необходимым для достижения подобной цели, можно указать следующие:

1) изучение истории хранения актов в составе государственного архива ВКЛ в конце XIV – середине 50-х гг. XVII вв.

2) выяснение обстоятельств включения актов в состав Архива Несвижской ординации князей Радзивиллов и изучение истории их хранения в документальных собраниях княжеского рода в период второй половины XVII – конца XVIII в.;

3) изучение истории хранения части государственного архива ВКЛ в архиве Радзивиллов в Неборове (под Варшавой) в конце XVIII – начале XX вв., исследование истории неборовской линии рода с целью установления роли Радзивиллов данной линии в сохранении архива и выяснения обстоятельств утраты отдельных актов в данный период;

4) выявление всех описей государственного архива ВКЛ, а также описей архивных собраний рода Радзивиллов, которые содержат описание комплекса оригиналов государственно-правовых актов ВКЛ и восстановление полного списка документов данной части архива ВКЛ (создание так называемой «идеальной архивной описи»);

5) разработка методики идентификации актов, которые входили в состав комплекса оригиналов государственного архива ВКЛ: выявление характерных для данных актов признаков провениенции (происхождения) – архивных учётных номеров, которыми они были обозначены в разные периоды хранения в государственном архиве и в частных архивах кн. Радзивиллов; формирование базы иных признаков происхождения (записи на актах, схемы их расположения, почерки архивариусов, экслибрисы кодексов, куда могли быть подшиты акты, и др.);

6) выявление и идентификация актов и грамот из государственного архива ВКЛ, которые сохранились в составе фондов AGAD в Варшаве;

7) составление списка утраченных актов и выяснение времени и обстоятельств утрат документов;

8) поиск утраченных актов в составе фондов архивов и библиотек Польши (Краков), Литвы (Вильнюс), России (Санкт-Петербург, Москва) и других государств;

9) качественное копирование выявленных актов (копии лицевой и оборотной сторон документов, копии печатей);

10) формирование электронного архива копий и восстановление целостности указанной части государственного архива ВКЛ в электронной форме.

Одним из важнейших достижений последних лет стало выявление автором данной статьи 13 единиц актов, входящих ранее в состав комплекса оригиналов архива ВКЛ, и считавшихся утраченными либо имевших неустановленную провенienzцию (см. приложение, принадлежность к архиву установлена на основании описи от 26 ноября 1623 г. и описей архивов рода кн. Радзивиллов 1685–1935 гг., материалы исследований — в публикации). Это свидетельствует о перспективности реализации цели по восстановлению целостности «оригинальной» части архива ВКЛ.

Приложение

Утраченные акты из состава комплекса оригиналов актов архива ВКЛ 1387–1601 гг., выявленные в фондах зарубежных хранилищ (за исключением фондов AGAD в Варшаве)

1. Акт присяги князя Семёна Дмитриевича Друцкого королю польскому Владиславу-Ягайле. Бирштаны, [26 января] 1401 г. — Российская государственная библиотека (Москва), Фонд 191 “Коллекция грамот Муханова [П.А.]”, ед. хр. №101; оригинал.

2. Акт присяги князя Дмитрия Фёдоровича Воротынского в верности королю польскому и великому князю литовскому Казимиру за держание замка и города Козельска. Вильня, 17 (?) марта 1488 г. — Российская государственная библиотека (Москва), Фонд 191 “Коллекция грамот Муханова [П.А.]”, ед. хр. №102; оригинал.

3. Акт Городельской унии 1413 г. Экземпляр польской стороны данный боярам ВКЛ. Городля, 2 октября 1413 г. — Кафедра вспомогательных исторических наук Института истории Ягеллонского университета (Краков), единицы хранения 2568 II; 1966 III; фотокопия

периода 1900 – 1939 гг. на правах оригинала (оригинал утрачен в период Варшавского восстания 1944 г.).

4. Акт короля польского Владислава-Ягайлы и великого князя Александра-Витовта о подтверждении Городельской унии. Городля, 2 октября 1413 г. – Кафедра вспомогательных исторических наук Института истории Ягеллонского университета (Краков), единицы хранения 2610 I; 1574 III (4517 III); фотокопия периода 1900–1939 гг. на правах оригинала (оригинал утрачен в период Варшавского восстания 1944 г.).

5. Договорная грамота великого князя тверского Бориса Александровича с великим князем литовским Витовтом. 3 августа 1422 г. / 1427 г.(?) – Российский государственный архив древних актов, Фонд 27 “Приказ Тайных дел”, Оп. 1, ед. хр. 2; оригинал.

6. Договорная грамота великого князя литовского Казимира с Великим Новгородом о мире. 1440–1447 гг. – Российский государственный архив древних актов, Фонд 27 “Приказ Тайных дел”, Оп. 1, ед. хр. 3; оригинал.

7. Общеземский привилей короля польского и великого князя литовского Казимира. Вильня, 2 мая 1447 г. – Библиотека князей Чарторыйских в Кракове (Bibliotekaks. Czartoryjskich w Krakowie), Pergamen 528, volumin. VIII/42, оригинал.

8. Привилей короля польского и великого князя литовского Казимира о замене печати на общеземском привилее 1447 г. Троки, 14 февраля 1457 г. – Кафедра вспомогательных исторических наук Института истории Ягеллонского университета (Краков), ед. хр. 2598 II; фотокопия периода 1900–1939 гг. на правах оригинала (оригинал утрачен не ранее 1935 г.).

9. Акт великого князя литовского Аляксандра о наделении полномочиями паслов ВКЛ к королю польскому Яну Альбрэхту для заключения унии. Городня, 9 января 1499 г. – Кафедра вспомогательных исторических наук Института истории Ягеллонского университета (Краков), единицы хранения 2120 II; 2597 I; фотокопия периода 1900–1939 гг. на правах оригинала (оригинал утрачен не ранее 1935 г.).

10. Акт перемирия между великим князем московским Иваном Васильевичем “Грозным” и королем польским, великим князем литовским Сигизмундом II Августом на 6 лет. Москва, [7 февраля] 1556 г. – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург), Отдел рукописей, Ф. 532 “Основное собрание актов и грамот”, Оп. 1, № 141; оригинал.

11. Абщеземский привилей Сигизмунда II Августа на распространение прав и свобод католиков на представителей всех христианских конфессий ВКЛ. Вильня, 6 июня 1563 г. – Национальная библиотека Литвы им. Мартина Мажвыдоса (Lietuvos nacionalinė Martyno Mažvydo biblioteka), f. 101, b. 31; оригинал.

12. Абщеземский привилей Сигизмунда II Августа на распространение прав и свобод католиков на представителей всех христианских конфессий ВКЛ. Городня, 1 июля 1568 г. – Национальная библиотека Литвы им. Мартина Мажвыдоса (Lietuvos nacionalinė Martyno Mažvydo biblioteka), f. 101, b. 33; оригинал.

13. Акт Люблинской унии, данный послами ВКЛ послам Королевства Польского (несвижский экземпляр). Люблин, 1 июля 1569 г. – Кафедра вспомогательных исторических наук Института истории Ягеллонского университета (Краков), ед. хр. 2569 II; фотокопия периода 1900 – 1939 гг. на правах оригинала (оригинал утрачен в период Варшавского восстания 1944 г.).

В статье и приложении представлены результаты исследования проводившегося автором в рамках программы стажировки Erasmus Mundus, WEBB, Action II в 2013–2014 гг., а также стипендии Музея истории Польши ((Muzeum Historii Polski w Warszawie) за 2016 г. (материалы, выявленные в Ягеллонском Университете и Российской национальной библиотеке).

Литература

1. Archiwum Główny Akt Dawnych (далее – AGAD). – ArchiwumRadziwiłłów, t. zw. Warszawski. – Dz. XXVII. – Sygn. 11. Regestr przywilegów W.X.Lit. oddanych do zamku Xiążąt Radziwiłłów 26.11.1623 r.

2. AGAD. – Zbiór dokumentów pergaminowych. – Sygn. 7675 Zygmunt August, król polski, wielki książę litewski, powtarza i potwierdza dokumenty swoje i swoich poprzedników nadające przywileje panom litewskim. 1551.11.03. łac., oryg., pergamin, 1 k. o wym. 31 x 37,5 cm; księga perg. oprawna w czerw. aksamit.

3. AGAD. – Zbiór dokumentów pergaminowych. – Sygn. 7744 Zygmunt August, król polski, wielki książę litewski, wystawia stanom Wielkiego Księstw Litewskiego przywilej na spisanie statutu. 1559.09.20. Rus. 1 k. oryg., pergamin, 1 k. o wym. 68,5 x 39,5 + 8,5 cm; b. uszkodzony, nieczytelny, nacięcie.

4. AGAD. – Zbiór dokumentów pergaminowych. – Sygn. 7929 Dokument wystawiony przez deputatów koronnych wyznaczonych do traktowania z deputatami W. Ks. Litewskiego dotyczący gravamin i exorbitancji, które podały stany W. Ks. Litewskiego na konwokacji. 1587.08.04. Pol. 1 k. oryg., papier, 1 k. o wym. 43 x 56,5 cm; 4 piecz. wyciśn. przez papier.

5. AGAD. – Zbiór dokumentów pergaminowych. – Sygn. 7930 Namowy Ichmość Panów Deputatów Koronnych na sejmie elekcyjnym z Panami Deputatami W. Ks. Litewskiego dotyczące gravamin i exorbitancji, które podały stany W. Ks. Litewskiego na konwokacji. 1587.08.04. Pol. oryg., pergamin [papier!], 1 k. o wym. 43 x 56.5 cm.

6. Антанавичюс, Д. Найден реестр оригинальных книг Литовской Метрики XVI в. / Д. Антанавичюс. // Новости Литовской Метрики. – № 12. /Инст. ист. Литвы. – Вильнюс: Leidykla, 2011. – С. 18–25.

7. Латушкін, А.М. Дзяржаўныя акты Вялікага княства Літоўскага ў складзе Нясвіжскага архіва князёў Радзівілаў: стан і накірункі даследавання праблемы / А.М. Латушкін // Мінчулае і сучаснасць: архівы ў сістэме гуманітарных ведаў: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвеч. 100-годдзю Віцебскай вучонай архіўнай камісіі (Мінск, 20 мая 2009 года) / рэд.кал. Н.М. Дзятчык, С.У. Жумар, В.С. Пазднякоў [і інш.]. – Мінск: БелНДІДАС, 2010. – С. 31–37.

8. Латушкін, А.М. Аб гісторыі ўключэння граматаў і актаў дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ў склад архіва Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў у другой палове XVII ст. / А.М. Латушкін // Беларускі археаграфічны штогоднік. – Вып. 16. – Мінск: БелНІІДАД, 2015. – С. 292 – 309.

9. Латушкін, А.М. Князь Мікалай Радзівіл Чорны і пытанне захоўвання дзяржаўных актаў Вялікага княства Літоўскага Радзівіламі нясвіжскай галіны роду / А.М. Латушкін // Мікалай Радзівіл Чорны (1515–1565 гг.): палітык, дыпламат, мецэнат: зборнік навук. прац / уклад. З.Л. Яцкевіч; рэд.кал.: С.М. Клімаў, А.І. Мальдзіс, З.Л. Яцкевіч; Мін-ва культуры Рэсп. Беларусь, Нац. гіст.-культурны музей-запаведнік “Нясвіж”. – Нясвіж: НГКМЗ “Нясвіж”, 2016. – 218 с. іл. – С. 82–91.

10. Antanavičius, D. Originalių lietuvošmatikos XVIa. knygų sąrašas/ D. Antanavičius // Istorijos šaltinių tyrimai. / sudarė A. Dubonis. – T. 4. – Vilnius: Leidykla, 2012. – S. 157–186.

11. Mikulski, W. Dokumenty z archiwum WXL w archiwum warszawskim Radziwiłłów / W. Mikulski // Miscellanea historico-archivistica. – 1997. – T. 7. – S. 71–83.

12. Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2011 г. № 323–З «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2011 г., № 136, 2/186.

О ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСАХ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

THE DISCUSSION QUESTIONS ABOUT THE FORMATION OF THE OLD RUSSIAN STATE

С. Л. Луговцова,
кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный университет (БГУ)
кафедра истории России

S. Lougovtsova,
PhD, associate Professor
Belarusian state University (BSU)
The Department of history of Russia

Ключевые слова: государственность, потестарная организация, восточные славяне, Киевская Русь, феодализм, рабовладение.

Keywords: statehood, Potestarian organization, the Eastern Slavs, Kievan Rus, feudalism, slavery.

Резюме: В статье рассматривается освещение в научной и учебной литературе ряда дискуссионных вопросов древнерусской истории: о времени происхождения государства у восточных славян, характере политических и экономических отношений на территории Восточной Европы в VI– IX вв., существовании феодального, рабовладельческого и родоплеменного укладов в восточнославянском обществе.

Summary: The article discusses the coverage of scientific and educational literature about controversial issues of ancient Russian history. The issue of state creation time of the Eastern Slavs, the question of the nature of political and economic relations in Eastern Europe in the VI–IX centuries, the issue of existence of feudal, slave-owning and clan and tribal ways of life in the East Slavic society.

На историческом факультете Белорусского государственного университета преподается целый ряд общих и специальных курсов, в частности «История Беларуси», «История России и Украины», «История и современная организация государственных учреждений Беларуси», «Система политических институтов России и Беларуси: сравнительно-исторический

анализ», в рамках которых рассматриваются проблемы становления Древнерусского государства и формирования его органов власти. Первый, и возможно, наиболее сложный вопрос, который встает на пути изучения названных проблем — вопрос о времени появления государственности на тех просторах, которые сегодня принято называть восточноевропейскими.

Устоявшейся в научной и учебной литературе точкой зрения является утверждение о появлении государственности у восточных славян в IX в. Названная хронология основывается на легендарном свидетельстве о варяжском призвании, изложенном в «Повести временных лет». Самые авторитетные учебные пособия традиционно придерживаются названной версии [14, с. 38–39; 4, с. 148–149; 15, с. 34–35; 12, с. 30]. Правда, в некоторых учебных пособиях XXI в. встречаются новые трактовки обозначенного вопроса, однако они слабо проработаны, не представляют некую новую концепцию, скорее запутывают, чем проясняют ситуацию. Так в учебном пособии под редакцией А.Н. Сахарова (2008 года издания) в параграфе под названием «Появление государства у восточных славян» речь традиционно идет о событиях IX в. н.э. [15, с. 34–35]. Вместе с тем, существует отдельный параграф «Анты и первое восточнославянское государство», в котором говорится о событиях V–VI вв. н.э. [15, с. 24–25]. Авторский коллектив оставляет названное противоречие без каких-либо комментариев. В результате остается не ясным, с какого же исторического периода следует начинать отсчет государственности на территории Восточной Европы.

Вместе с тем, ещё дореволюционные исследователи высказали предположения о том, что государственность у восточных славян сформировалась значительно ранее IX в. Одним из первых вопрос о формировании элементов государственности на этапе, предшествующем собственно возникновению Киевского государства, поставил М. Ф. Владимирский-Буданов. По его мнению, время происхождения государства «должно быть отнесено к эпохе доисторической, что славянские племена еще до начала летописных сказаний образовали княжения-земли и что «князья варяги застали везде готовый государственный строй» [1, с. 12–13]. Однако более конкретно о времени появления государственного строя у восточных славян Владимирский-Буданов не высказался. Историк русского права М. А. Дьяконов также считал объединения полян, древлян, дреговичей, кривичей и других племенных образований, перечисленных в Повести временных лет, государственными и сравнивал эти восточноевропейские государства с государствами Галлии до завоевания

её Цезарем. Ссылаясь на Фюстеля де Куланжа, Дьяконов на просторах между Пиренеями и Рейном насчитывал около 90 государств с населением в 50–400 тыс человек [11, с. 60–61]. Аналогичная картина, по его мнению, наблюдалась на просторах Европейской России, где существовало множество небольших государств, «границы которых были подвержены постоянным колебаниям [11, с. 62].

Украинский исследователь М. С. Грушевский в своем фундаментальном труде «Історія України-Руси» изложение истории украинского народа начал со времени антов, т.е. с IV в. н.э. [8, с. 177]. Правда, вопрос о том, существовала ли у антов государственность, им разработан не был. Ключевой в концепции Грушевского стала его критика официальной российской схемы истории Восточной Европы, которую он сформулировал в статье «Общепринятая схема “русской” истории и дело рационального построения истории восточного славянства» [9]. Исследователь отверг концепцию так называемой «общерусской» народности. М.С. Грушевский доказывал, что нет «общерусской» истории, а тем более народности. Он считал, что утвердившаяся к началу XX в., в российской историографии концепция не выдерживает научной критики и поэтому должна быть отвергнута и заменена новой, в которой будет объективно объяснен этногенез и историческое развитие восточноевропейских народов. По мнению, Грушевского украинский исторический процесс развивался как в государственный, так и бесгосударственный периоды; Московское государство не являлось преемником Киевского, а выросло на своем корне; в объективной реконструкции истории Восточной Европы следует исследовать отдельно национальные истории украинцев, белорусов и русских [9, с. 298–304].

Ведущие советские исследователи Б. Д. Греков и Б. А. Рыбаков пришли к выводу, что условия для создания государственности у восточных славян созрели значительно ранее IX в. [7, с. 451–452; 20, с. 13–14]. Наиболее полно предыстория Киевской Руси изложена в исследованиях Б. А. Рыбакова. Последние имеют явную антинорманскую направленность. По мнению Рыбакова, предыстория Киевской Руси до 860 г. пережила три эпохи мощного подъема и два периода нашествия степняков и упадка. Первый подъем исследователь связывал ещё с VII–III вв. до н.э., когда греческие авторы зафиксировали царства скифов на Днепре и Днестре. Скороты экспортировали хлеб через Ольвию, праславянская знать ввозила предметы роскоши, украшала свои доспехи золотыми деталями; над вождями насыпали огромные курганы [20, с. 13].

Отметим, что точка зрения о существовании на рубеже V–IV вв. до н.э. у скифов раннеклассового государства во главе с царями является устоявшейся в исторической науке. Это сильное в военном отношении государство могло противостоять войскам Александра Македонского (IV в. до н.э.). С III в. до н.э. скифское государство испытывало натиск сарматов (живших в степях бассейнов Волги и Дона и в Южном Приуралье), которые во II–I вв. до н.э. завоевали значительную часть территории Скифии [14, с. 29].

Первоисточником информации о скифах является, в первую очередь, сочинение Геродота, который в четвертой книге своей «Истории» под названием «Мельпомена» рассказал о скифах-кочевниках и скифах-земледельцах [3, с. 235–302]. В сюжете о военном походе персидского царя Дария на Скифию в 513 г. до н.э. Геродот перечисляет племена, к царям которых скифы обратились за помощью: геллонов, будинов, савроматов, агафирсов, невров, андрофагов, а также меланхленов и тавров [3, с. 273]. В большей степени нас интересует информация о племенах будинов и невров, как возможно, первое упоминание о населении, которое проживало на территории современной Беларуси [23, с. 48]. И хотя споры профессионалов о том, где конкретно локализовать племена будинов и невров (последних, в частности, размещают как в Поднерповье, так и на берегах Березины) далеки от завершения, очевидно, что они располагались на территории современной Восточной Европы и имели политическую организацию во главе с руководителями, которые могли представлять свой народ на международной арене [3, с. 273]. По мнению Я.А. Юхо, про наличие у невров политической организации свидетельствует рассказ Геродота о том, что у невров «нравы скифские», т.е. у них обычаи и политическое устройство такое же, как и у скифов. А у скифов в это время существовало рабовладельческое государство [23, с. 48].

Таким образом, в исторической науке признается существование государственности у скифов и ряда соседних племен на территории современных Украины, России и Беларуси. Однако отмечается, что эта государственность была уничтожена сарматским нашествием III до н.э. При этом остается абсолютно не ясным, каким образом в результате завоевания государственность может не трансформироваться, а исчезнуть. Исследователи наиболее древнего периода восточноевропейской истории единодушно обходят вниманием этот вопрос.

По мнению Б. А. Рыбакова, второй мощный подъем в предыстории Киевской Руси наблюдался в II–IV вв. н.э., в так называемые «трыановы

века», когда славяне широкими потоками колонизировали Причерноморье вплоть до Дуная, восприняли многие элементы античной культуры римской эпохи, возобновили активный экспорт хлеба в римские города (причем, римская зерновая мера просуществовала в России до 1924 г.). Этот подъем оставил в славянских землях сотни кладов римских серебряных монет («черняховская» археологическая культура). Рыбаков осторожно высказался о том, что славянское общество находилось «на грани развития государственности» [20, с. 13]. Второй подъем был прерван нашествием гуннов и других тюркских и угорских племен в IV–V вв. н.э. [20, с. 14]. Таким образом, в работе ведущего советского исследователя отражена труднообъяснимая ситуация, когда на одной и той же территории в период с VII до н.э. до IV в.н.э. государственность фактически дважды складывается, и дважды исчезает в результате нашествия кочевников. С такой логикой изложения трудно согласиться. Более логичным выглядит утверждение Я. А. Юхо: «от потеснения государственность не исчезает» [23, с. 69].

Так широко, как она представлена в специальном исследовании Б. А. Рыбакова, предыстория Киевской Руси не рассматривается на страницах учебных пособий по истории Беларуси, России и Украины, а также по истории государства и права названных стран. Как правило, авторы начинают изложение с VI в. н.э., обозначая общественную организацию славянских племен как догосударственную. Используется также термин «потестарные политические объединения» [17, с. 8–12]. Собственно под «потестарной организацией» (от лат *potestas* — власть) понимают систему властно-управленческих институтов в доклассовом или дополитическом (предгосударственном) обществе. Как правило переходную эпоху VI–IX вв. обозначают термином «военная демократия» [10, с. 92]. По определению Г. Штыхова, военная демократия повсеместно была формой переходного периода к классовому обществу, к созданию государства. Место военной демократии в общей периодизации первобытного общества находится на его заключительном этапе, накануне возникновения государства [4, с. 134]. Реже для обозначения потестарно-политических структур во главе с вождями у восточных славян используются термины «княжение» [17, с. 10–11], «племенные княжения», «сложные вождества» [21, с. 11]. Причем следует ли понимать названные термины как синонимы или различать (в таком случае по каким признакам), не только в учебной литературе, но и научных монографиях не поясняется.

Считается, что в VI–IX вв. восточнославянское общество на стадии «военной демократии» имело трехступенчатую структуру: племя — союз племен — суперсоюз племен [13, с. 28]. На стадии «военной демократии» потестарная элита (знать) у восточных славян имела горизонтальную структуру: её составляли волхвы (жрецы), концентрировавшие в своих руках сакральную власть; совет старейшин (старцы градские), определявшие внутриплеменную жизнь; военный предводитель — вождь с дружиной. Их власть регулировалась племенными традициями в форме обычая, ритуалов, этикета [13, с. 29]. По мнению С. В. Юшкова, в военно-политических целях племенные союзы объединялись в «союзы союзов» — крупные по территориальным масштабам, но очень слабо организованные протогосударственные (предгосударственные) системы. Историческая наука выделяет следующие: Куяб (Куявию), Славию, Артанию (Арсанию) [24, с. 18].

Авторы учебного пособия «Истории государственного управления в России» под редакцией В. Г. Игнатова считают, что если первичные союзы объединяли родственные племена, то вторичные составляли уже суперсоюзы, т.е. объединяли несколько союзов племен. Вызванные к жизни внешней угрозой суперсоюзы являлись многоплеменными (и не только восточнославянскими) образованиями с противоречивыми и менявшимися интересами, что создавало предпосылки для возникновения публичной власти, зарождения государственности. По мнению, В. Ф. Патраковой (автора соответствующей главы из названного учебника), переходную форму от племенного строя к государству наиболее точно определяет понятие «вождества». Если «военная демократия» — горизонтально организованная структура, то вождество — иерархически построенная форма управления, которая организует военную, экономическую, редиистрибутивную, судебную-медиативную, религиозно-культовую деятельность общества [13, с. 30]. В состав потестарной элиты постепенно включаются племенные дружины, статус и функции которых меняются: они начинают эпизодически осуществлять во внутрисоюзных отношениях насилие как одну из функций власти. В собственном племени князь и дружина оберегали соплеменников, а у союзников выступали носителями зарождающейся принудительной, публичной власти [Там же].

С одной стороны, можно только поблагодарить авторов учебного пособия «Истории государственного управления в России» под редакцией В.Г. Игнатова за то, что они четко изложили свою позицию по отношению к употреблению терминов «военная демократия» и «вождество». Как

правило, авторы учебных пособий по аналогичной тематике не уделяют внимание этой проблеме, что затрудняет понимание материала студентами, вызывает вопросы в ходе подготовки к семинарским занятиям. С другой стороны, остается не выясненным, на наш взгляд, ключевой вопрос о том, когда именно происходит переход от потестарных отношений к государственным. И есть ли у привязки к IX в. какое-либо иное основание кроме свидетельства Повести временных лет.

Общепринятая точка зрения состоит в том, что «Повесть» была создана не ранее XII в. От событий, с которых в ней начинается рассказ, автора произведения отделяли два с половиной века. Никакими достоверными источниками, которых мы не знали бы сегодня, летописец не располагал. Мы разделяем мнение, высказанное современным украинским исследователем А.П. Толочко в работе «Очерки начальной руси», что Повести временных лет — это выдающееся литературное произведение, но совершенно недостоверная история [21, с. 10]. Только её свидетельства явно недостаточно для решения важнейшего вопроса о времени появления государственности у восточных славян.

В процессе политогенеза политическое общение близких по родственным и соседским отношениям людей, еще относительно равных по потестарному статусу и влиянию, сменяется отчужденными отношениями господства и подчинения, опирающихся на административный аппарат принуждения и насилия, т.е. на государство. Очевидно, что в реализации функции принуждения князь (вождь) в первую очередь опирался на свою дружину. По мнению исследователей, в потестарный период (в отличие от государственного) дружины не были стабильным элементом зарождающейся политической структуры, так как общество ещё не обладало необходимыми ресурсами для их содержания [13, с. 30]. Названные рассуждения находятся в русле марксистского подхода к исторической науке, который подразумевает соответствующий уровень развития производительных сил любой из общественно-экономических формаций. На наш взгляд, марксистский подход направляет исследователей на поиски того исторического периода, когда произошел такой скачок в уровне развития производительных сил, который позволил бы выделить ресурсы, необходимые для содержания государственного аппарата (пусть даже примитивного). Определить этот период в рамках VI–IX вв. сложно, скорее всего, невозможно. Во-первых, в связи с отсутствием источников. Во-вторых, резко увеличить свое благосостояние для того, чтобы сделать дружину «стабильным элементом

зарождающейся политической структуры» любой вождь (князь) мог только путем удачных войн, грабежей и торговли. Однако исследователи сходятся во мнении, что вся эпоха «военной демократии» — это время непрерывных войн, которые заканчивались грабежом и реализацией награбленного [4, с. 134]. Формирование как первичных племенных союзов, так и вторичных суперсоюзов происходило в упорной межплеменной борьбе за господствующее положение в них [13, с. 30].

На наш взгляд, логичными и имеющими возможность дальнейшего развития являются рассуждения Я. А. Юхо. Белорусский исследователь однозначно высказался за необходимость искать начала государственности на территории Восточной Европы значительно ранее VI в. н.э. [23, с. 71–73]. На самом деле, единственным известным скачком в развитии производительных сил на территории Европы на протяжении значительного хронологического промежутка от начала I тыс. до н.э. до летописных событий IX в. н.э. являлся переход к производству и обработке железных изделий. Археологические находки показали, что уже в VII–V вв. до н.э. на всей территории Беларуси существовало производство железных орудий труда и оружия. Кроме того, ещё в 70-е гг. XX в. белорусские археологи доказали, что в тот же период на территории Беларуси уже было распространено земледелие (ранее считалось, что можно говорить об этом не ранее VI в. н.э.) [19, с. 43]. В нижнем культурном слое Банцеровского городища, который относят к III в. до н.э. – IV в. н.э., были обнаружены железные серпы, ножи, шила, бритвы, наконечники копий, бронзовые и железные колечки, подвески, многочисленная лепная керамика [4, с. 293]. Уже в этот период на территории Беларуси большое значение имели земледелие и скотоводство, были развиты разнообразные домашние ремесла — металлургия железа и бронзы, гончарное дело, обработка дерева и кости, прядение, ткачество и плетение [19, с. 43]. Находки, обнаруженные в верхнем горизонте Банцеровского городища (VI–VIII в. н.э.) не расширяют вышеперечисленный ряд [4, с. 293]. На наш взгляд, они скорее подтверждают отсутствие некоего нового скачка в развитии производительных сил. Я.А. Юхо утверждает, что если историки «вопреки фактам и разуму отрицают существование государств у наших предков в дохристианский период, то тем самым они считают наших предков политически и морально недоразвитым народом» [23, с. 73].

Оригинальную точку зрения о формировании древнерусского государства высказал А. П. Толочко. По его мнению, ведущую роль в

экономической жизни Восточной Европы IX–X вв. играла работорговля, и именно группа скандинавских работорговцев, известных из источников как русы, положила начало Киевскому государству. Таким образом, в Восточной Европе политическая власть возникла не путём эволюции традиционных институтов в государство, а в результате преобразования экономического и организационного доминирования одного из торговых сообществ в политическое господство [21]. Работа «Очерки начальной руси», в которой высказана данная точка зрения, привлекает свежестью взгляда, изяществом стиля, отточенной критикой источников. В частности, автор предлагает новые ответы на вопросы, как возникла Повесть временных лет, каков был метод работ летописца XII в. По мнению А.П. Толочко, пространство X в. летописец разбил на более мелкие фрагменты при помощи трех византийско-русских договоров: 911, 944 и 971 годов. За пределами дат договоров летописец ничего не знал о судьбе подписавших их князей и решил «убивать» их на следующий год после подписания (+1): 912, 945 и 972. Напротив, походы князей на Византию летописец по какой-то причине решил датировать по четыре года назад от дат договоров (-4): 907, 941 и 967 [21, с. 60]. Вышеперечисленные примеры характеризуют революционность рассуждений украинского историка на фоне устоявшихся рассуждений о «Повести» и её авторе (авторах).

А. П. Толочко считает, что уже в середине VIII в. н.э. скандинавы открыли путь на восток. К 790-м годам торговля с Востоком приняла постоянный и налаженный характер и уже не прерывалась несмотря на взлеты и падения до самого конца X в. [21, с. 173]. По мнению автора, хронологически первой и, вероятно, более мощной была торговая магистраль вдоль Волжского пути — в Булгарию, Хазарию и страны халифата. Она была разведана в середине VIII в., а с конца IX в. начала работать «с регулярностью конвейера, выкачивая на север Европы арабское серебро в промышленных масштабах» [21, с. 176]. На столетие позже, в конце IX века, другая часть русов разведала новый маршрут — вниз по Днепру, через степи кочевников, в Черное море, Византию и Средиземноморье. Именно с этой днепровской группой русов было связано возникновение политической организации в Восточной Европе [21, с. 176]. Если речь идет о создании именно Киевского государства, то рассуждения А. П. Толочко представляют новый взгляд на время и пути его формирования, если автор говорит о появлении государственности на территории Восточной Европы, то остается не ясным, почему на Днепровском пути существовали города, а на Волжском —

«протогородские центры» [21, с. 175]. По большому счету, работа украинского исследователя, несмотря на оригинальность представленной версии происхождения Руси, находится в русле традиционного в исторической науке деления европейского пространства на «цивилизованный» Запад и «отсталый» Восток. Зарождение и эволюцию снисходительного отношения интеллектуалов Западной Европы к населению Европы Восточной на протяжении XVIII столетия проследил в своей работе Ларри Вульф [2]. Для А.П. Толочко внешняя граница между «миром христианства» и миром варваров проходила по Эльбе, верховьям Дуная, Балканам, рассекая Европу с севера на юг. К югу и западу от условной границы сохранялись традиции и авторитет христианской церкви, престиж императорской власти, иерархическая структура управления. К северу и востоку от воображаемой границы лежала «ничейная земля», где

Немногочисленное население, разбросанное по необозримой территории лесов, жило в примитивных поселениях вдоль рек, прячась в случае опасности в небольших укрепленных городищах. Каков был социальный строй этого населения, были ли у него вожди или царьки, чья власть простиралась бы дальше одного дня пути или охватывала несколько городищ, можно только гадать: «киммерийская мгла» лежала над Восточной Европой. Из неё возникали и по широкому клину степей, тянущемуся от Волги до Паннонии, одна за другой накатывались на христианский мир волны кочевников: аваров, болгар, печенегов, венгров [21, с. 306].

Концепция «цивилизованности» Запада и «отсталости» Востока Европы на протяжении столетий так прочно утвердилась в историографии, что превратилась в своеобразное увеличительное стекло, сквозь призму которого возможна любая реконструкция событий близкого и далекого прошлого. Именно такой подход рождает на страницах исторических работ относительно VII–V вв. до н.э. греческие «города-государства» на западе и «племена культуры штрихованной керамики» на востоке Европы. На протяжении XX в. попытки интеллектуалов бороться с «пренебрежением Запада к Центральной и Восточной Европе» [18, с. 92] остались гласом вопиющего в пустыне и не оказали заметного влияния на исторические концепции ни на Западе, ни на Востоке.

Остается открытым вопрос о характере общественных отношений в древнерусском государстве. В советской исторической науке, базирующейся на формационной методологии, ведущее место занимала позиция изначального формирования древнерусского общества как

общества феодального типа, которое миновало рабовладельческую стадию развития. Её основоположником считается Б. Д. Греков. Фактически на протяжении длительного времени шло лишь уточнение названной позиции, что привело к обозначению общественных отношений в IX в. как «раннефеодальных». Высказывать иную точку зрения позволили себе лишь несколько исследователей.

Так, В. И. Горемыкина пришла к заключению, что до конца XI в. в хозяйстве Руси преобладал рабовладельческий уклад [5, с. 67]. Исследовательница провела широкий сравнительно-исторический анализ общественных отношений в государствах средневековой Европы и сделала вывод о повсеместном существовании классов-сословий свободных общинников и рабов. Причем, среди рабов, эксплуатировавшихся в частных хозяйствах, она выделяла королевских рабов, рабов из среды галло-римлян и бриттов, рабов свободных полноправных, рабов на оброке (включая галло-римских колонов, положение которых приближалось к рабскому) и, наконец, рабов, эксплуатировавшие труд рабов [6, с. 168]. В. И. Горемыкина считала, что на протяжении VII– IX вв. н.э можно было говорить не об уменьшении, а об увеличении роли труда рабов и полусвободных в частных хозяйствах, о чем, в частности, свидетельствовали законы англосаксов. В частности, по законам Уитреда (VII в.), эсне не должен был работать по религиозным соображениям после «захода солнца в субботу и до захода (накануне) понедельника». Если он работал он приказу господина в указанное время, то последний наказывался штрафом в 80 шиллингов. А законы Альфреда (IX в.) нерабочие дни устанавливали только для свободных; лишь четыре среды и четыре поста в году «несвободные» могли использовать по своему усмотрению. Все это, по мнению исследовательницы, свидетельствовало об усилении частнособственнической эксплуатации рабов и полусвободных [6, с. 168].

А. А. Зимин и А. П. Пьянков полагали, что в Древней Руси практиковалось использование пленников в земледелии путем предоставления им рабского пекулия. По мнению Пьянкова, такая практика появилась в VI в., по мнению Зимина, — в X в. В.И. Горемыкина пришла к заключению, в VI–X вв. на Руси отсутствовало крупное землевладение. Наоборот, крупное землевладение стало формироваться на основе эксплуатации труда рабов к XI в., в первую очередь за счет незанятых земель, на которые князья сажали пленных [6, с. 164–165]. Таким образом, по мнению В. И. Горемыкиной древнерусское общество не

только не миновало стадию рабовладельческого строя, но носило именно рабовладельческий характер. И только в конце XI и в начале XII в. в хозяйстве Руси столкнулись два основных уклада — старый, рабовладельческий, носителем которого являлись князья, и новый, феодальный, все более распространявшийся в частных, боярских имениях через закупничество [5, с. 67].

Как бы промежуточную ступень между «рабовладением» и «феодализмом» занял В.В. Мавродин, утверждавший, что в Древней Руси развитие общественных отношений шло от патриархального рабства к феодализму [16, с. 80].

Самостоятельную точку зрения высказал И. Я. Фроянов. По его мнению, вплоть до X в. на Руси эксплуатация рабов в производстве не прослеживается. С X в. появляются первые признаки использования труда рабов-пленников в княжеских селах. Причем восточнославянские рабы указанного времени — в подавляющей массе бывшие пленники. Внутренне рабство едва только прорастало, будучи практически не приметным. В целом, рабский труд не играл сколько-нибудь заметной роли в экономике восточнославянского общества, и потому едва ли можно говорить о наличии у восточных славян в VIII–X вв. рабовладельческого хозяйственного уклада [22, с. 103]. Общественную организацию древнерусского общества Фроянов характеризовал как родоплеменную и считал, что рабовладение никоим образом не нарушало ее социальную структуру и не имело сколько-нибудь серьезного экономического значения. Более того, по мнению исследователя, «функционально рабство укрепляло родоплеменную организацию, особенно в сфере религиозной, а также военной» [22, с. 73].

Таким образом, в советской историографии существовали три основных подхода к определению характера древнерусского общества в качестве феодального, рабовладельческого и родоплеменного, т.е. доклассового. Информация, которую представляют письменные источники относительно VI–IX вв. н.э., столь не полна и отрывочна, что практически не ограничивает творческую фантазию исследователей. К сожалению, вопрос о характере общественных отношений в древнерусском обществе не может быть решен и на основании археологических данных. Совершенно ясно, что вещевой комплекс захоронений может продемонстрировать лишь социальную дифференциацию в древнерусском обществе, а не раскрыть характер общественных отношений. Авторы современных учебных пособий в связи с отсутствием новых концепций, стараются примирить

существующие старые, обозначая экономические и общественные отношения древнерусского общества как многоукладные [4, с. 239], «переходного типа, феодального по своей основе» [12, с. 33] либо как раннефеодальные [14, с. 47]. Подчеркивая, при этом, что в раннефеодальном обществе характерные черты феодальной формации ещё не развились до зрелого состояния, существовали многие явления, присущие предшествующим формациям. Профессор В.Б. Кобрин даже предложил говорить не столько о преобладании того или иного уклада, сколько о тенденции развития, о том, какой из укладов развивается, а какой постепенно сходит на нет [Там же]. Современные научные поиски находятся в русле изучения древнерусского общества в цивилизационном контексте, в рамках которого критерии систематизации материала ещё более широки и размыты.

Таким образом, в современной исторической науке остаются нерешенными вопросы о времени появления и характере древнерусского государства. Использование в научной и учебной литературе относительно VI–IX вв. терминов «военная демократия», «княжения», «племенные княжения», «вождества» без их дифференциации (не ясно, возможна ли она в принципе) не проясняют понимание вопроса, а лишь придают ему видимость разработанности. Существующие концепции основаны на фрагментарных сведениях. И как в квантовой физике, поведение частицы зависит от позиции наблюдателя, так и в изучении древнерусской истории от позиции исследователя зависит, какую картину он сложит из обрывков далекого прошлого. В современную эпоху постмодернизма возможности появления новых методологических подходов в исторических исследованиях не ограничены. На наш взгляд, для того, чтобы привлечь молодые умы к решению «нерешаемых» исторических задач, необходимо убрать однозначность изложения по всем вопросам древнерусской истории из вузовских и даже школьных учебников. За редким исключением, в учебной литературе базисные вопросы древнерусской истории излагаются, как давно и успешно решенные. На самом деле твердый фундамент отсутствует в зданиях национальных историй всего восточноевропейского региона. Историческое сообщество не имеет возможности вслед за математическим предложить сегодня миллион долларов за решение «задач тысячелетия» (Millennium Prize Problems). Однако отказ от столь внушительной премии Г. Я. Перельмана за решение гипотезы Пуанкаре внушает надежду, что материальная заинтересованность по-прежнему не является единственным двигателем научной мысли, и появление новых

концепций исторического прошлого может стать делом ближайшего будущего.

Литература

1. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / [Соч.] Проф. М. Ф. Владимирского-Буданова. – 7-е изд. – Пг.; Киев : Н. Я. Оглоблин, 1915. – 699 с.
2. Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Ларри Вульф. Пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 560 с.
3. Геродот. История / Геродот. – М. : АСТ, 2006. – 699 с.
4. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Т. 1. Старажытная Беларусь: ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. / Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектива, 2000. – 351 с.
5. Горемыкина, В. И. К проблеме истории докапиталистических обществ [Текст] : (На материале Древней Руси) / В. И. Горемыкина. – Минск : Вышэйш. школа, 1970. – 79 с.
6. Горемыкина, В. И. Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе / В. И. Горемыкина. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – 246 с.
7. Греков, Б. Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков. – М. : Госполитиздат, 1953. – 569 с.
8. Грушевський, М. Історія України-Руси. В 11 т., 12 кн. / М. Грушевський – Т. 1. До початку IX віка. – Київ : Наукова думка, 1991. – 736 с.
9. Грушевський, М. Звичайна схема «русскої» історії й справа раціонального укладу історії Східного Слов'янства / М. Грушевський // Статті по славянознавству. За ред. В. И. Ламанського. – СПб., 1904. – Вип. 1. – С. 298–304.
10. Дзюндзюк, В. Б. Теорія та історія державного управління / В. Б. Дзюндзюк, Н. И. Мельтюхова, Г. С. Одинцова [та ін.]. – К. : Видавничий дім «Професіонал», 2008. – 288 с.
11. Дьяконов, М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси / М. Дьяконов. – СПб. : Тип. А. Г. Розена, 1908. – 527 с.
12. История государственного управления в России: учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям, по специальности «государственное и муниципальное управление» / Под ред.

А. Н. Марковой, Ю. К. Федулова. – 3-е изд., перераб и до. – М. : Юнити-Дана, 2007. – 319 с.

13. История государственного управления в России: Учебник / Отв. ред. В. Г. Игнатов. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – Ростов н/Д : Феникс, 2005. – 640 с.

14. История России с древнейших времен до 1861 г. : Учеб. пособие для вузов / Под ред Н. И. Павленко. – 2-е изд, испр. – М. : Высшая школа, 2000. – 560 с.

15. История России с древнейших времен до начала XXI века / [А. Н. Сахаров и др.] – Москва : Астрель, 2008. – 1262 с.

16. Мавродин, В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности: учебное пособие для студентов исторических факультетов университетов / В. В. Мавродин. – Москва : Высшая школа, 1971. – 190 с.

17. Мазарчук, Д. В. История русской государственности и права (до октября 1917 г.) : курс лекций / Д. В. Мазарчук, С. Н. Темушев. – Минск: Эдит ВВ, 2007. – 392 с.

18. Милош, Ч. Порабощенный разум / Чеслав Милош. Пер. с польск., предисл., примеч. В.Л. Британишского. – М. : Издательство «Летний сад», 2011. – 285 с.

19. Митрофанов, А. Г. Железный век средней Белоруссии / А. Г. Митрофанов. – Мн. : Наука и техника, 1978. – 159 с.

20. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII– XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – 2-е изд. – М. : Академический проект, 2014. – 624 с.

21. Толочко, А. П. Очерки начальной руси / А. П. Толочко. – Киев ; Санкт-Петербург : Лаурус, 2015. – 336.

22. Фроянов, И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.) / И. Я. Фроянов. – СПб., 1996. – 512 с.

23. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: Вучэбны дапаможнік. У 2 ч. / Я. А. Юхо. – Ч. 1. Мн.: РіВШ БДУ, 2000. – 352 с.

24. Юшков, С. В. История государства и права России (IX–XIX вв) / С. В. Юшков. – Ростов н/Д : Феникс, 2003. – 736 с.

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ РОССИИ ПОСЛЕДНЕЙ
ЧЕТВЕРТИ XV–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI В.**

**DOCUMENTARY SOURCES FOR THE HISTORY OF THE RUSSIAN
DIPLOMATIC PRACTICE
(THE END OF XV CENTURY – 1st HALF OF XVI CENTURY)**

Ю. В. Ситкевич,
магистр исторических наук
УО «МГПЛ №14 деревообрабатывающего
производства и транспортного
обслуживания», г. Минск

Y. Sitkevich,
Master of History
Minsk State Vocational Lyceum № 14 of
Woodworking Production and
Transport Services, Minsk

Ключевые слова: документальные источники, дипломатическая практика, международные отношения, Россия, делопроизводственная документация, актовые материалы.

Keywords: International relations, documentary sources, diplomatic practice, Russia, clerical records, books of acts.

Резюме: Основой для изучения дипломатической практики России последней четверти XV–первой половины XVI в. служат как опубликованные, так и хранящиеся в архивных собраниях документальные источники. В них сконцентрирована ценная информация о характере, динамике развития внешнеполитических связей, об основных элементах посольского церемониала, о методах, применяемых российской дипломатией на международной арене и основных формах ее осуществления. Документальные источники позволяют со значительной степенью достоверности реконструировать процесс развития международных контактов России, выявить методы, использовавшиеся в дипломатической практике, определить в какой форме происходило становление и развитие дипломатических связей.

Summary: Unpublished and published sources provide an opportunity to explore the diplomatic practice of Russia (the end of XIV century – I half of

XVI century). They contain information about the nature and dynamics of international relations, the main elements of the embassy ceremony and basic methods of the Russian diplomacy. Documentary sources help to reconstruct the development of Russia's international contacts. Moreover, they allow to define methods that have been used in diplomacy as well as forms of diplomatic relations.

Последняя четверть XV – первая половина XVI в. — это время утверждения дипломатии Московского великого княжества, однако, уже в масштабе внешнеполитических интересов формирующегося Российского государства. Рубежом в его истории считают 1480 год, когда государство освободилось от двухвековой ордынской зависимости и стало укреплять свои позиции в восточно-европейском регионе. Важнейшим инструментом для осуществления внешнеполитического курса формирующегося государства стала дипломатия.

С учетом хронологического периода представляется целесообразным использовать термин дипломатическая практика. Он позволяет комплексно представить весь накопленный московской великокняжеской властью практический опыт ведения международных отношений мирными средствами до появления в России Посольского приказа в середине XVI в.

Большое значение для изучения дипломатической практики имеют документальные источники, значительная масса которых начала публиковаться в XIX в. Вопросами издания исторических источников на протяжении 1834–1917 гг. активно занималась Петербургская Императорская Археографическая комиссия. Под ее руководством из российских, иностранных архивов и библиотек был извлечен и опубликован ряд источников, относящихся к истории международной жизни России. В результате работы дореволюционных археографов вышли в свет следующие сборники документальных материалов: 1) Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым [1]; 2) Дополнения к Актам историческим, относящимся к России: собраны в иностранных архивах и библиотеках и изданы Археографической комиссией [14]; 3) Акты, относящиеся к истории Западной России [2]; 4) Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России [4]; 5) Сборник П.А. Муханова [18];

К наиболее значимым публикациям источников по истории внешней политики России следует отнести II том «Актов, относящихся к истории Западной России» [2]. Следует отметить, что основной для данной

публикации послужили материалы Литовской Метрики (далее – ЛМ). Хронологически второй том охватывает время княжения в ВКЛ Сигизмунда I (1506–1544 гг.) и содержит разнородную информацию. В сборнике опубликованы документы посольств Сигизмунда I к Василию III [2, с. 16, с. 67, с. 136], позволяющие понять, какие средства использовались для решения назревших межгосударственных проблем [2, с. 83, с. 85].

Обширные данные о международной жизни как ВКЛ, так и России, включает в себя «Сборник П.А. Муханова»[18]. П.А. Муханов, попечитель Варшавской учебной округа с 1851 по 1861 г., опубликовал в 1866 г. документы из ЛМ. Делопроизводственные и актовые источники данного сборника освещают вопросы взаимоотношений ВКЛ с Россией, Молдавией, Крымским ханством.

На протяжении 1851–1871 гг. при содействии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии была издана серия архивных документов XV–XVII вв. из фонда Посольского приказа под названием «Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными» [20].

Наиболее значительный вклад в публикацию источников по истории России конца XV –XIX вв. внесло Императорское Русское историческое общество, которое функционировало более 50 лет (1866–1917 гг.). Инициаторами создания этого общества были высокопоставленные сановники Министерства иностранных дел, что свидетельствовало о государственной важности проекта по извлечению и изданию архивных материалов. Особую значимость представляют тома сборника, в которых опубликованы материалы из Посольских книг [21–24]. В состав книг входила различного рода дипломатическая документация, связанная с отправлением своих и приёмом иностранных посольств, с деятельностью посольских миссий. К ним относятся грамоты главам государств, «наказы» («памяти») послам, посольские речи, ответы на них, донесения («отписки») московских дипломатов о посольствах. Кроме, того Посольские книги включают в себя материалы актового характера: «верительные», «опасные», «докончальные», «просительные» грамоты.

Таким образом, в документах делопроизводства Посольского приказа содержится ценная информация, отражающая процесс, характер и динамику развития внешнеполитических связей России, а также позволяющая выявить методы и основные формы, применяемые московской дипломатией на международной арене. Вместе с тем,

посольская документация дает представление о структурных элементах дипломатической службы и посольского церемониала.

Большое количество источников по истории внешнеполитических связей России со странами Восточной и Центральной Европы опубликовано в 1894 г. в V томе «Собрания государственных грамот и договоров» [25]. Наличие в сборнике большого количества грамот свидетельствует об интенсивности дипломатических контактов между московскими государями и правителями государств Восточной и Центральной Европы, а также о характере и предмете дипломатических отношений.

В 1887 г. В.У. Уляницким на основании источников, извлеченных из Московского главного Архива Министерства иностранных дел и Краковского архива, был издан сборник документов «Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV–XVI вв.» [26]. Благодаря их анализу, можно проследить процесс развития российско-молдавских и польско-молдавских отношений.

В 1903 г. Ф.Ф. Вержбовским в V выпуске «Материалов к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях» [5] были изданы источники по московским посольствам в Польшу в 1510–1585 гг. В них сконцентрированы сведения о хозяйственной и церемониальной части посольской деятельности: приведены данные о том, сколько денег уходило на проезд и содержание посольских миссий. В связи с этими затратами, указывается и численность посольств вместе со свитой. Информация о церемониальной составляющей дипломатической деятельности позволяет проследить, как происходил прием послов, какие подарки привозились в дар польскому королю и принимались от него.

Более полно историю международных отношений в Восточной и Центральной Европе помогают раскрыть документы Литовской Метрики. Следует отметить, что информация о внешнеполитических делах сосредоточена в посольских книгах и книгах записей Метрики. По мнению М.В. Довнар-Запольского, сведения о внешней политике попали в книги записей случайно в конце XVI в. во время создания копий книг Метрики [13, с.1]. Остановимся на их публикациях подробнее.

В 1838 г. в «Сборнике князя Оболенского» была издана книга посольская Великого Княжества Литовского за 1506–1507 гг. [19]. В основном в книге сконцентрированы источники, отражающие ход переговоров между великим князем литовским Александром, а затем

Сигизмундом I с крымским ханом Менгли-Гиреем по вопросу создания антимосковского союза в период обострения противоречий из-за Казанского ханства.

Также при участии М.А. Оболенского, сотрудника Министерства иностранных дел, и профессора И.Н. Даниловича в 1843 г. была опубликована «Книга посольская Метрики Литовской (1545–1572 гг.)» [16]. Материалы «посольской» книги Литовской Метрики за 1545–1572 гг. представляют интерес в связи с тем, что в ней содержится информация об отношении ВКЛ с Россией за 1545–1548 гг., которая отсутствует в Польско-Литовской Посольской книге Московского государства за эти годы.

В советское время издание книг Метрики было приостановлено. Только в 80-е гг. XX в. была создана международная совместная редакционная коллегия российских, польских, литовских ученых, работа которой была направлена на возобновление публикации книг. Однако деятельность комиссии прекратилась одновременно с развалом СССР.

Характер взаимоотношений Московского государства с Молдавским княжеством в последней четверти XV – начале XVI в. раскрывают источники, изданные в 1965 г. при участии исследователей из АН СССР, Академии Румынской народной республики, Академии наук Молдавской ССР в сборнике «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. (1408–1632 гг.)» [15].

В данный сборник вошел материал политического и экономического характера, ранее хранящийся в государственных архивах СССР (ЦГАДА — современный Российский государственный архив древних актов, далее РГАДА) и Румынской народной республики. Публикуемые источники освещают процесс и характер развития трёхсторонних российско-литовско-молдавских отношений, а также позволяют выяснить точки соприкосновения общих внешнеполитических интересов московских князей и молдавский господарей.

С 90-х гг. XX – начале XXI в. изданием книг Литовской Метрики на постсоветском пространстве занимаются историки Института истории Литвы, Института истории Национальной академии наук Беларуси (далее НАНБ), Института российской истории Российской академии наук.

Так, Институтом истории Литвы были опубликованы пятая (1993 г., 2012 г.) [29, 30], шестая (2007 г.) [31] и седьмая (2011 г.) [32] книги «записей» Литовской Метрики, в которых содержатся материалы внешнеполитического характера. Седьмая книга «записей» Метрики

(1506–1539 гг.) является копией оригинальной книги, хранящейся в 389 фонде Российского государственного архива древних актов. В ней опубликованы источники, помогающие раскрыть характерные черты и особенности дипломатических отношений ВКЛ с Россией.

Институтом истории НАНБ в 2000 г. была издана двадцать восьмая книга записей Литовской Метрики, которая в свою очередь является первой современной белорусской публикацией данного собрания актов [17]. Хронологический период книги — 1522–1552 г. Рукопись книги хранится в 389 фонде Российского государственного архива древних актов. В состав книги вошло небольшое количество документов дипломатического характера (глейтовный лист великого князя московского для послов Сигизмунда I [17, с. 88], верительная грамота послам на заключение вечного мира с московским княжеством [17, с. 132].

Институтом российской истории Российской академии наук в 2012 г. была опубликована шестая книга записей ЛМ (из Ф. 389РГАДА) под названием «Акты, относящиеся к истории Западной России» [3]. Книгу составили источники разнопланового содержания: от записей частного характера (пожалований земельных владений, подтверждений купли-продажи имений) и судебных решений до посольских материалов, дающих представление об основных направлениях и задачах внешней политики великого князя литовского Александра, а также подтверждающих непреходящий характер противоречий между ВКЛ и Россией.

Таким образом, книги посольские и книги записей Литовской Метрики являются уникальными сборниками источников не только по истории международной жизни ВКЛ, но и России, с которой тесны были переплетены внешнеполитические интересы княжества. Историческая ценность опубликованных материалов Метрики состоит в том, что они позволяют сопоставить сведения с посольскими книгами российского происхождения, глубже изучить историю российско-литовских противоречий, а также, в свою очередь, дополнить недостающие сюжеты, характеризующие дипломатическую практику России.

Нельзя также оставлять без внимания материалы внешнеполитического характера, опубликованные в иностранных изданиях. Среди них выделяются сборники документов «Acta Tomiciana», образованные на основе дипломатической документации королевской канцелярии. Документы были собраны Станиславом Горским, секретарем польской королевы Боны Сфорцы, а названы по фамилии вице-канцлера Петра Томицкого. Всего было издано 29 томов, которые охватывают 1512–

1535 гг. В них были включены важнейшие источники по истории дипломатии Короны Польской и ВКЛ. В частности, в III томе содержится посольская документация о польско-молдавских отношениях [27, с.120] и польско-венгерских отношениях [27, с.164–168], охватывающая период 1512–1522 гг. Обозначенные источники позволяют оценить характер и состояние международных отношений в Восточной и Центральной Европе в начале XVI в., а также роль России в этом регионе.

Материалы по истории дипломатии России опубликованы в VIII томе «*Elementa ad fontiu meditationes*». В нем на латинском языке содержится текст договорной грамоты императора Священной Римской империи Максимилиана I с великим князем московским Василием III от 3 августа 1514 г. о совместной борьбе против короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I [28, р. 15–17]. Изданием документов, входящих в сборник, занимался на протяжении 32 лет с 1960 по 1992 гг. Римский институт польской истории. Благодаря деятельности Института из архивов Испании, Великобритании, Италии, Дании, были извлечены и опубликованы документы, касающиеся не только истории Польши, но и российского государства.

Ряд документальных источников, свидетельствующих о дипломатической практике России, хранится в фондах Главного архива древних актов в Варшаве (AGAD), а также в Государственном архиве Калининградской области (ГАКО).

Многие аспекты российско-литовских взаимоотношений раскрываются в материалах фонда «Архив Варшавский Радзивиллов» «Собрание пергаментных документов» Главного архива древних актов. Преимущественно они представлены источниками актового характера. Среди них следует назвать ряд подлинников договоров (написанных скорописью XVI в.), заключенных между Россией и ВКЛ в 1537 г., 1542 г. и 1549 г. [6–8].

Ценность для исследования **дипломатической практики России последней четверти XV – первой половины XVI в.** имеют и источники, сохранившиеся в фонде 55 Государственного архива Калининградской области «Прусские дела. 1516–1520». Источники представлены фотокопиями документов, написанных скорописью XVI в., оригиналы которых находятся в РГАДА в Москве. «Верительные», «докончальные», «отпускные» грамоты, «наказы» послам позволяют судить о характере взаимоотношений между государствами, проанализировать общие тенденции развития международной жизни России в первой четверти XVI

в., а также раскрыть влияние Тевтонского ордена на исход войны между Россией и ВКЛ в 1512–1522 гг. [9–12].

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что значительный объем изданных материалов из фондов современного РГАДА (Ф. 389, Ф. 123, Ф. 79, документы бывшего Московского главного Архива Министерства иностранных дел) позволяет проводить исследование дипломатической практики России на основе опубликованных источников.

В целом, опубликованные и выявленные в архивах документальные источники достаточно информативны и репрезентативны. Они позволяют со значительной степенью достоверности реконструировать процесс развития международных контактов России, определить в какой форме происходило становление дипломатических связей, а также выявить какие методы использовались в дипломатической практике.

Литература

1. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым: в 2 т. / ред. А.И. Тургенев. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1841–1842. – Т. 1. Выписка из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов, с 1075 по 1584 год. – 1841. – 399 с.

2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. / ред. И. Григорович. – СПб. : типография II Отделения Собственная Е.И.В. Канцелярии, 1846–1853. – Т. 2: 1506–1544. – 1848. – 405 с.

3. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т.1. Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 / под ред. С. М. Каштанова. – М.; СПб. : Нестор-История, 2012. – 664 с.

4. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 15 т. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1863–1892. – Т. 1 : 1361–1598. – 1863. – 301 с.

5. Вержбовский, Ф. Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях: в 5 вып. / Изд. Ф. Вержбовский. – Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1896–1903. – Вып. V. Московские посольства в Польшу, Ч. 1 (1510–1585). – 1903. – 72 с.

6. Главный архив древних актов в Варшаве (AGAD). – Фонд 354. Оп. 1. Д. 7670.

7. Главный архив древних актов в Варшаве (AGAD). – Фонд 354. Оп. 1. Д. 7599.
8. Главный архив древних актов в Варшаве (AGAD). – Фонд 354. Оп. 1. Д. 7623.
9. Государственный архив Калининградской области (ГАКО). – Фонд 55. Оп. 1. Д. 1.
10. Государственный архив Калининградской области (ГАКО). – Фонд 55. Оп. 1. Д. 2.
11. Государственный архив Калининградской области (ГАКО). – Фонд 55. Оп. 1. Д. 3.
12. Государственный архив Калининградской области (ГАКО). – Фонд 55. Оп. 1. Д. 4
13. Довнар-Запольский, М.В. Заметка о крымских делах в Метрике Литовской / М. В. Довнар-Запольский. – Симфереполь : б.и. – 13 с.
14. Дополнения к Актам историческим, относящимся к России: Собранные в иностранных архивах и библиотеках и изданы археографической комиссией / ред. И. Григорович. – СПб. : Типография Э. Праца, 1848. – 543 с.
15. Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Документы и материалы: в 3 т. / редкол Я.С. Гросул [и др.]. – М.: Наука, 1965–1970. – Т 1. 1408–1632 / редкол. В.А. Костакэл [и др.]. – 1965. – 363 с.
16. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические отношения Литвы в государственование короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год) / Изд. М.Оболенским и И. Даниловичем. – М.: Университетская типография, 1843. – 480 с.
17. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга запісаў 28 (1522–1552 гг.) / Падрыхтоўка тэкстаў да друку і навук. апарат: В. Мянжынскі, У. Свяжынскі – Менск: ATHENAЕUM, 2000. – 312 с.
18. Муханов, П.А. Сборник Муханова / П.А. Муханов. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1866. – 780 с.
19. Оболенский, М.А. Сборник князя Оболенского / М.А. Оболенский // Книга посольская Великого Княжества Литовского за 1506–1507 гг. – М. : б/з, 1838. – С.5–105.
20. Памятники дипломатических сношений с империей Римской. Ч. 1 (1488 по 1594 г.) / Изд. II Отделением Собственной Е.И.В. Канцелярии. – СПб., 1851. – Т 1. – 1620 с.

21. Сборник Императорского русского исторического общества: в 148 т. – СПб., 1867 – 1916. – Т. 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским. Ч. 1. (с 1487 по 1533 год) / ред. Г.Ф. Карпов. – СПб. : Тип. Ф. Г. Елеонского и К, 1882. – 869 с.
22. Сборник Императорского русского исторического общества: в 148 т. – СПб., 1867 – 1916. – Т. 41 : Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией. Ч. 1 (с 1474 по 1505 г.) / ред. Г.Ф. Карпов. – СПб. : Тип. Ф. Г. Елеонского и К, 1884. – 558 с.
23. Сборник Императорского русского исторического общества: в 148 т. – СПб., 1867 – 1916. – Т. 95: Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Нагаями и Турцией. Ч. 1 (с 1474 по 1505 г.) / ред. Г.Ф. Карпов, Г.Ф. Штендман. СПб.: печатня С.И. Яковлева, 1895. – 706 с.
24. Сборник Императорского русского исторического общества: в 148 т. – СПб., 1867 – 1916. – Т. 59: Памятники дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским. Ч. 2. (с 1533 по 1560 год) / ред. Г.Ф. Карпов. СПб. : Тип. Ф. Г. Елеонского и К, 1887. – 869 с.
25. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел: в 5 т. – М. : Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1813–1894. – Ч. 5. – 1894. – 202 с.
26. Уляницкий, В. А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV–XVI вв. / В. А. Уляницкий. – М. : Унив.тип. (М. Катков), 1887. – 244 с.
27. *Acta Tomiciana : 29 t. Tomus tercius. Epistolarum. Legationum. Responsorum. Actionum et Rerum Gestarum (1514 –1515).* 1853. – 449 p.
28. *Elementa ad fontium editions : vol. 76 / Institutum Historicum Polonicum Romae. – Romae: Institutum Historicum Polonicum Romae, 1960 – 1992. – vol VIII. – Documenta Polonica ex archive generali Hispaniae in Simancas /edidit V. Meysztowicz. – P.207*
29. *Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Uzrasymuknyga 5 / Parengė Egidijus Banionis. – Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. – 403 p.*
30. *Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Uzrasymuknyga 5 / Parengė Algirdas Baliulis, Arturas Dubonis, Darius Antanavicius. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2012.– 586 p.*

31. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Metryka Litewska. Uzasymu knyga 6 / Pareng Algirdas Baliulis. – Vilnius : LIIleidykla, 2007. – 515 p.

32. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Uzasymu Knyga Nr. 7 (1506–1539) / Pareng Ingallariene, Laimontas Karalius, Darius Antanavicius. – Vilnius : Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2011. – 1012 p.

**“А КНИГЪ НЕ ПРИГОВОРИШЬ — МЫ ЧЕЛОВЕКА ТВОЕГО
ОБЕСИМЪ”: КНИЖНАЯ МИГРАЦИЯ НА ЗЕМЛЯХ УСХОДНЬИХ
ЕВРОПЫ В ЧАС ВОЙН И КОНФЛИКТОВ XVI–XVII СТОЛЕТИЙ.**

**“AND IF YOU DO NOT PREPARE THE BOOKS, YOUR SERVANT
WILL BE HANGED”: BOOK MIGRATION IN EASTERN EUROPE
DURING THE WARS AND CONFLICTS OF XVI–XVII-th CENTURIES**

П. Д. Скурко,
аспірантка гістарычнага факультэта,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (БДУ),
супрацоўніца Цэнтральнай навуковай бібліятэкі НАН Беларусі,

P. Skurko,
PhD student at History faculty,
Belarusian State University (BSU),
Central Scientific Library of NAS of Belarus

Ключавыя словы: кніжная міграцыя, гісторыя чытання, запісы на кнігах, гісторыя Расіі, гісторыя Рэчы Паспалітай, гісторыя бібліятэк, гісторыя войн, антрапалогія канфліктаў.

Keywords: book migration, history of reading, notes in the books, history of Russia, history of the Polish-Lithuanian Commonwealth, history of libraries, history of wars, anthropology of conflicts.

Рэзюмэ: Мала даследаваны шлях кніжнай міграцыі — перасячэнне кнігай мяжы і рух кніг у крызісныя часы, такія як час канфліктаў і войнаў. Кожная крыніца, што пралівае святло на гэта пытанне, — унікальная. Асноўныя крыніцы тут — запісы ў кнігах, судовыя акты, мемуары. Кожны выпадак, зафіксаваны ў крыніцах, з’яўляецца, з аднаго боку, праявай індывідуальнага стаўлення да кнігі, з іншага боку — грамадскіх тэндэнцый. Нароўні з рабаўніцтвам і рэквізіцыямі мела месца і дабравольнае перамяшчэнне кніг з мэтай зберагчы іх ад уплыву вайны, і сапраўднае паляванне на кнігі. Можна выказаць гіпотэзу, што грамадская вага і каштоўнасць кнігі вырастала ў крызісны, ваенны час.

Summary: The most unexplored book migration’s way is crossing borders and the movement of the book in crisis such as conflicts and wars. Each source that sheds light on this question is unique. The main sources are inscriptions in the books, judicial acts and memoirs. Each example recorded in the sources is the expression of individual attitudes to the book as well as the expression of the

social trends. In parallel with the robbery and requisitions, purposeful relocation of books took place with the aim to protect them from the influence of the war. Real hunting for books also took place during the crisis. It is can be noticed that social weight and value of the book increased during the crisis and wars. The most unexplored book migration's way is crossing borders and the movement of the book in crisis such as conflicts and wars. Each source that sheds light on this question is unique. The main sources are inscriptions in the books, judicial acts and memoirs. Each example recorded in the sources is the expression of individual attitudes to the book as well as the expression of the social trends. In parallel with the robbery and requisitions, purposeful relocation of books took place with the aim to protect them from the influence of the war. Real hunting for books also took place during the crisis. It is can be noticed that social weight and value of the book increased during the crisis and wars.

Рух кніг у час канфліктаў і войнаў, то бок у часы крызісу, застаецца мала даследаваным пытаннем. Пра такі рух распавядае нязначная колькасць крыніц, кожная з якіх унікальная. У адрозненні ад, напрыклад, такой масавай крыніцы, як запісы пра продаж і уклад кнігі, па гэтых адзінкавых крыніцах цяжка ўбачыць цэласную карціну пэўных практык. Тым не менш, запісы ў кнігах, актавыя крыніцы, лісты і дзённікі часоў вайны дапамагаюць пабачыць ролю, якую выконвала кніжная міграцыя ў часы крызісу ва ўсходнееўрапейскім рэгіёне.

Кнігі, друкаванае слова ў XVI ст. сталі важным інструментам інфармацыйнай вайны. Наўпрост прапагандысцкую задачу выконвалі летапісы, хронікі і лятучыя лісткі, якія пры падтрымцы дзяржаўных уладаў вывозіліся і распаўсюджваліся за мяжой і мелі вялікае значэнне для дзяржавы на міжнароднай арэне, паколькі транслявалі для замежжа пэўны погляд на краіну. Распаўсюджванне “лісткоў” і гістарычных твораў становілася справай дзяржаўнай важнасці і атрымала вялікае значэнне, напрыклад, для стварэння вобразу бітвы пад Оршай [13, с. 16–17, 36, 83–84]. Расказваючы пра разгром маскоўскага войска колькасцю 80 тысяч, завывшаючы колькасць і свайго войска, ВКЛ імкнулася паказаць еўрапейцам бітву як надзвычай велічную, а змаганне насельніцтва ВКЛ з нашмат мацнейшым супернікам — надзвычай гераічным [13, с. 135]. Для падмацавання эфекту ад лятучых лісткоў сталі з’яўляцца выданні гераічнай паэзіі, што праслаўлялі перамогу [13, с. 168–169; 4, с. 95].

Тое ж адбывалася і ў часы Лівонскай вайны. Але вырасла роля менавіта кніг, кодэксаў. Так, значную ролю ў час шматлікіх канфліктаў

Рэчы Паспалітай і Масковіі адыгрывала “Хроніка” А. Гваньіні, якая выйшла фактычна пад замову ўладароў Рэчы Паспалітай і мела на мэце прэзентаваць гісторыю РП у Еўропе. Сімвалічны таксама той факт, што аўтар прысвяціў і падараваў сваю кнігу каралю Стафану Баторыю падчас аблогі Пскова 1581 г. Ёсць звесткі і пра паказальную перасылку кніг з Рэчы Паспалітай у Масковію: у час аблогі Пскова Баторый, у адказ на ліст з варожага боку, нібыта вырашыў даслаць Івану Грознаму дзве кнігі, “пра звычаі яго (цара. — *аўт.*), пісанья замежнікамі: італьянцам Гваньіні і Краўцыем”, “даючы знаць, што ўвесь свет знаёмы з яго зладзействамі” [5, с. 35–36]. Сярод вядомых твораў (“Запіскі пра Масковію” С. Герберштэйна, “Хроніка Еўрапейскай Сарматы” А. Гваньіні) быў дасланы і іншы твор, прычым яго высылка, верагодна, таксама мела ідэалагічныя падставы. Даследчыкі па-рознаму ідэнтыфікуюць “Краўцыя”. Гэта мог быць ганзейскі пісьменнік Альберт Кранц, аўтар твору “*Vandalia seu Vandalorum origine etc libri XIV*” (выданні 1519 і 1575 гг.), дзе ў XXI главе XIII кнігі і ва ўрыўку I было напісана пра спусташэнне Лівоніі войскамі Івана III. Таксама пад “Краўцыем” маглі разумець Элерта Краузэ, аўтара “Ліста гетману Я. Хадкевічу аб тыраніі Івана Васільевіча”, апублікаванага, аднак, пазней, у 1582 г. Таму найхутчэй, што ішлося пра першага аўтара і ўрыўкі з яго твору “Вандалія” [19, с. 118].

Перасылка кніг праз мяжу заўжды была публічным актам, пэўнага кшталту дэманстрацыяй, і была звязаная найперш з палітычнымі задачамі: дасылаліся кнігі, якіх, на думку адпраўніка, не было і не магло быць у прадстаўнікоў процілеглага боку. Аднак гэта была і своеасаблівая дэманстрацыя сілы і пагрозы, якую нясе друкаванае слова. Абароназдольнасць краіны стала звязвацца і са станам яе друкарняў.

У час вайны адны бібліятэкі — знішчаліся, іншыя, наадварот, папаўняліся. Падчас вяртання Полацка ў 1579 г. у перыяд Лівонскай вайны для некаторых удзельнікаў падзей найбольшую цікавасць прадстаўляла бібліятэка Сафійскага сабора, у якой захоўвалася мноства рукапісаў, летапісаў, твораў айцоў царквы. Бібліятэка, верагодна, была вывезеная ўглыб Рэчы Паспалітай. Адным са знаўцаў, якія вывозілі кнігі са спустошанага Полацка, быў каронны гетман Ян Замойскі. У спіску Пскоўскага летапісу захаваліся запіс пра тое, што кнігі адразу па захопе полацкага Верхняга замка былі перададзеныя кароннаму гетману. Акрамя летапіса, у бібліятэцы Замойскіх апынулася яшчэ прынамсі тры кнігі з Полацка: “Златаструй” 1460–70-х гг. (пра прыналежнасць яго полацкаму сабору захаваліся маргінальны запіс манаха Аляксея, верагодна, пісара і

бібліятэкара сабора, прычым мясцовага паходжання), “Палея тлумачальная” 1520-х гг. (утрымлівае памінальны запіс пра манаха Аляксея) і канвалюст са “Златавустам” ды “Шастадневам” першай чвэрці XVI ст., укладзеныя ў Полацкі сафійскі сабор іераманахам Аляксеем. Яшчэ адна славянская кніга з бібліятэкі Замойскіх — “Златавуст” з жыціем Марыі Егіпецкай, які ў 1568 ці 1569 г. быў укладзены ў полацкі Вакрасенскі манастыр, што знаходзіўся ў ніжнім замку. Гэта кніга, верагодна, таксама трапіла да Замойскіх як трафей. Некаторыя кірылічныя кнігі былі па смерці Яна перададзеныя Замойскай акадэміі, створанай у 1594 г. Ужо праз два гады пасля заснавання акадэміі ў Замосці існавала бібліятэка [1, с. 66; 19, с. 840; 22, с. 262–266, 273–275].

У Расійскім дзяржаўным архіве старажытных актаў зберагаецца рукапісная кніга, што захоўвалася да Лівонскай вайны ў Вялікіх Луках. А падчас аблогі горада войскам Стафана Баторыя ў 1580 г. кнігу здабыў «желнер татарин», які пазней прадаў непатрэбнае яму Евангелле купцу — «славному пану Якубу Богдановичу з Великое Армении ормянину», а той уклаў кнігу ў храм у «богоспасаемом граде Вильни». Адтуль кніга ў XVIII ст. трапіла да старавераў ВКЛ, а пасля падзелаў Рэчы Паспалітай — да расійскіх старавераў [9, с. 96–97].

Эпістальярныя крыніцы расказваюць пра ўдзельніка і ахвяру Лівонскай вайны князя Андрэя Курбскага, які падчас уцёкаў з Расіі ў ВКЛ у 1564 г. страціў бібліятэку і пасля скаргамі спрабаваў яе вярнуць. Свой кнігазбор Курбскі пакінуў у Юр’еве, пра што вельмі шкадаваў. Літоўскі ваявода А. І. Палубенскі прапаноўваў памяняць бібліятэку на рускіх палонных: “Здесь у нас, Яковъ, твои человекъ взятъ, а Игнатьева жена, да сынъ, да сноха; и будетъ тебе, Яковъ, человекъ надобенъ, и ты бы допытался книгъ княжъ Андреевыхъ Курбского, которые остались въ Юрьеве”. Курбскі настолькі перажываў за кнігі, што пагражаў павесіць слугу Якава Шчаблыкiна, на якога ўсклалі адказнасць за захаванне і дастаўку бібліятэкі: “будет тебе, Яковъ, человекъ твои надобенъ, и ты бы те книги приготавилъ да срокъ учинилъ, какъ будутъ книги готовы; а мы человека твоего приготавимъ, приведемъ его из Вильны въ Волмеръ. А будетъ книгъ не допытаешься и не приготавишь их, и мы человека твоего обесимъ”. Аднак з-за разгортвання вайны бібліятэка была страчана. Вядома, што яна складалася з рукапісаў жыццiй, Апостала, твораў Аўгусціна Блажэннага — князь Курбскі надыхтаваў Палубенскаму падрабязнае апісанне страчанага: “Книга одна в полдестъ, писана скорописью, а кожа на ней не на всеи, лише на пяте кожа клеена; а тетратей въ ней съ шестьдесят и съ

семьдесятъ; а словеса в ней писаны: слово Іосифа Евреенина о Макковейхъ, да слово о Аавраме и о Мелхиседеке и Оригене, да и иные многіе словеса, Максима Философа да и иныхъ святыхъ. А другая книга — мучение князя Михаила Черниговского да боярина его Феодора, житіе Августія Ипанискаго да и иные словеса, а переведено изъ Латынского языка, а переплетено ново, а кожи на ней еще не положено. Да книга Апостоль, а писанъ в дестъ, а писмо доброе, а переплетень по Немецки”. У канцы прыпіска з інструкцыяй, датычнай кампенсацыі кнігі, наяўнасць якой у Курбскага, відаць, выклікала падазрэнні: “А будетъ, Яковъ, тутъ не допытаешься въ Юрьеве Августинова житія, и ты бы велель списать у старца у Васьяна у Муромца въ Печерскомъ монастыре да и явленіе чудесь Августиновыхъ” [21, с. 67; 3, слуп. 495–496].

Падчас ваеннай кампаніі пачатку XVII ст. — інтэрвенцыі Рэчы Паспалітай у Расію — войскі РП вывозілі дастаткова каштоўнасцяў, сярод якіх былі і кнігі, заўважае мемуарыст і ўдзельнік аблогі Масквы Самуіл Маскевіч [7]. Ён, аднак, не ўспамінае пра друкаванае віленскае Евангелле 1600 г., якое ў 1611 г. было ўкладзенае ў маскоўскую царкву: «В дом преподобному Сергію в Пушкарях», а ўклалі “Яков Григорев сын Мыльник да жена его Дарья да сын ей Андрей ... при попе Иванне и при дияконе Василии или по смерті нашей нас и родители поминати и по них которые служители будут им поминати. А из церкви не вынести, а хто вынесет, с тем нас судит Бог». Кніга прабыла ў Расіі нядоўга і праз 15 гадоў ужо функцыянавала на ўсходніх землях Рэчы Паспалітай сярод праваслаўнай (але ўжо польскамоўнай) шляхты. Пра гэта сведчыць допіс 1626 г. ў канцы кнігі: дзве жанчыны пакінулі звесткі, верагодна, пра свой сыход у манастыр. Гальшка Маскевіч запісала: “Ja Halszka Zienkiewiczowna Maskiewiczowa ... wziała siestrzenstwo z Jej miłością Panią Halszką Michaliewiczowną Grotowską obiecnie were Panu Bogu w troycy jedynemu w tey wierze Prawoslawney greckiey az do smierci ... Ręką swą własną” [8, арк. 3, 5–12, 14–15, 17–18, 392 адв.]. Практычна невядомыя выпадкі, калі кніга з Рэчы Паспалітай, трапіўшы ў Расію, вярталася назад ў краіну выдання. Магчыма, гэты асобнік Евангелля з маскоўскай царквы быў забраны войскам Рэчы Паспалітай пры адступленні летам-восенню 1612 г. Прычым вельмі верагодна, што кнігу на беларускія землі прывёз нехта са шляхецкай сям’і Маскевічаў з-пад Наваградка: або знакаміты мемуарыст Самуэль (актыўны ўдзельнік “маскоўскай кампаніі”, які ў сваім дыярыушы падрабязна апісаў жыццё Масквы пад акупацыяй і быт літоўска-польскага войска), або яго брат Даніэль, памерлы неўзабаве пасля вяртанне з Расіі.

Адзін з іх мог рэквізаваць або купіць кнігу з царквы Сергія ў Пушкарах, у перакупшчыка ці злодзея — і прывезці ў сям’ю. Гальшка Маскевіч з Зянкевічаў, згаданая ў запісе, можа быць маці Самуэля і Даніэля, пра якую пакуль вядома мала: толькі тое, што нарадзіла чатырох сыноў і што была яшчэ жывая ў 1621 г. [7, с. 142].

Падчас той жа “маскоўскай кампаніі” ў Рэч Паспалітую трапіў рукапісны зборнік — своеасаблівы дакументальны даведнік “Выписки из посольских книг” 1487–1572 гг. Ён быў вывезены з Крамля, з сяр. XVII ст. стаў капіявацца, а назад у Расію трапіў у форме копіі ў час Паўночнай вайны [14, с. 14–15].

Вялікая група крыніц, што дае інфармацыю пра рух кніг у час войнаў, гэта судовыя скаргі. Шэраг такіх скаргаў часоў казацка-сялянскай вайны і вайны Расіі з РП 1654–1667 гг. захоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі ў актавых кнігах Пінскага земскага і гродскага судоў. Гэта, напрыклад, судовая справа Пятра Дастаеўскага з Янам Мікалаевічам Дастаеўскім аб збіцці і абрабаванні чалавечка аднаго з іх на ляхавіцкай дарозе. Сярод скрадзеных рэчаў, здабытых падчас “казацкай рэбеліі” ў 1651 г., былі кнігі польскія і “рускія” [18].

8 жніўня 1655 г. расійскія войскі захапілі сталіцу ВКЛ. Пры набліжэнні расійскага войска месцічы, шляхта, каталіцкае духавенства кінуліся ўцякаць са сваімі асноўнымі скарбамі. Аднак уцёкі не ўсім дапамаглі. Віленскія езуіты, уцякаючы ад расійскіх войскаў у Кёнігсберг, вывезлі з сабой і самую каштоўную частку бібліятэкі езуіцкай акадэміі. Аднак частка бібліятэкі была захоплена шведскімі войскамі і так і асела ў Швецыі, нягледзячы на ўмовы Аліўскай мірнай дамовы 1660 г., паводле якой абвешчалася рэстытуцыя каштоўнасцяў [2, с. 218].

Пасля захопу расійскімі войскамі Вільні у Маскву тысячамі павозак павезлі скарбы, пачынаючы з самых нязначных: шарсцяныя і канапляныя тканіны, волава, свінец, мэбля... Падарожнік Павел Алепскі згадвае, што “волава, медзь і званы з цэркваў ... прадавалі на маскоўскіх рынках на працягу цэлага года”, а “што тычыцца гадзіннікаў, рэдкасцяў і зброі з упрыгожваннямі, то гэтага безліч”. Салдаты бралі “ўсё, што траплялася на вочы”, і сярод трафеяў напэўна меліся і кнігі, якія везліся на продаж ці падарунак у Маскву і іншыя гарады [2, с. 216–217]. У адной з іх быў зроблены запіс: “Сия книга глаголемая Слогъ великого святильника и Богоносного отца Василия Кисария Каппадокия именуется шестодневъ взята за саблюю посреди Литовскаго государства в столномъ граде Вилне. А взяли сѣ е книгу Пантелей Макаровъ Бахтѣев, а поднесъ челом ударит

другу свому и приятелю Григорию Тарасевичю Сумарокову а подписаль сію Богодухновенную книгу аз Пантелей своею рукою” [12, с. 15]. Адзін з першых даследчыкаў усходнеславянскіх інскрыпцый А.Лебедзеў адзначыў гэты запіс як “адзін з характэрных надпісаў XVII стагоддзя” [12, с. 15]. Кніг, у якіх адлюстраваліся наўпростыя сведчанні перавозу праз мяжу падчас гэтай вайны, да нашага часу захавалася мала. Адна з такіх — Ірмалагіён, напісаны манахам віленскага Свята-Троіцкага ўніяцкага манастыра ў студзені 1655 г. для адпраўлення служб, быў вывезены і ў 1663 г. укладзены Мікітам Іванавічам Казловым ў памяць бацькоў у Амвросіеў Дудзін манастыр. У Вільню кніга не вярнулася [2, с. 222–223].

Судовыя скаргі часоў вайны і расійскай акупацыі, відаць, давалі пацярпеламу хоць малое адчуванне справядлівага свету, а таксамам невялікую надзею на вяртанне — нейкім цудам — асабістых рэчаў. Характэрныя прыклады надаюць вышэй згаданыя пінскія гродскія актавыя кнігі. У ліпені 1660 г. пінскі «школьнік» Леў Ёзафовіч ад імя пінскага кагала паскардзіўся на напад на горад 4 ліпеня 1660 г. маскоўскага войска з казакамі, забойства і мардаванне яўрэяў; узяцце іх у палон, спаленне школы, дамоў, крамаў, гаспадарчых пабудов і захоп каштоўных рэчаў: “roznych blawatow, matery, sukien, jedwabiow, sznurkow, plocien, futor sobolich, gysich, lisich”, розных тавараў, у т.л. узятых у крэдыт і арэнду, а таксама “вялікіх і малых кніг” [16, арк. 304–305].

Пра той жа ліпеньскі напад сведчыў і змянін з маёнтку Месткавічы Самуэль Аляхновіч Лапацкі. Ён скардзіўся на зруйнаванне мястэчка, захоп жывёлы (17 свіняў), маёмасці (каберцы, кілімы, сукні) і чоўнаў на Прыпяці, знішчэнне дакументаў, а таксама забранне значнай колькасці польскіх кніг («Саксонскі парадак», «Новы Тэстамент», «Люстэрка справядлівасці», «Сеймавыя канстытуцыі», пераплеценыя «Артыкулы вайсковыя»: “porozrzucali xsiegi Polskie saxon porządek, Nowy Testament, zwiercadlo sprawiadliwosci, Constitucya seimowe, Artykuly Intreligowane Woyskowe”, усе разам за 150 польскіх злотых [15, арк. 300 адв.–302].

Фіксацыя скаргаў з падрабязным пералікам страчанага давала надзею, што некалі гэтыя рэчы вернуцца да ўласніка. І такая магчымасць урэшце рэшт надалася: паводле Андрусаўскага перапісу 1667 г. усе вывезеныя дакументы, бібліятэкі, царкоўныя рэчы і каштоўнасці павінны былі быць вярнутыя Рэчы Паспалітай. Царскія ўказы разаслалі ў 76 гарадоў. Але ніхто не хацеў аддаваць набытае. Напрыклад, жыхары Казлаўца адказвалі, што хоць і маюць кнігі “церковные, печатные, а печатаны в Киеве, Вильне и иных городех русским языком”, аднак іх купілі за ўласныя грошы — а не

вывезлі. Месцічы тлумачылі таксама, што ўзялі кнігі на ўкраінскім Левабярэжжы (якое перайшло ў падпарадкаванне да Расіі), а таксама ў “черкас” (казакаў). А даследчыкі адзначаюць, што ў 1656–1658 гг. вырас прыток тавараў, якія прывозіліся “черкасамі” з украінскіх земляў у памежныя рэгіёны. Дакументы і вопісы рэчаў, забраных у жыхароў Расіі для вяртання ў РП пакуль не знойдзеныя. Але, відавочна, вяртанне не было масавым: цяжка было даказаць былую прыналежнасць кнігі і шлях яе міграцыі — “а войною ли ... ис Польши взяты – про то неведомо” [2, с. 220–221, 224].

Вайна абвастрала супярэчнасці ўнутры грамадства, заахвочвала на гвалт нават у дачыненні да “сваіх” і давала магчымасці для яго ажыццяўлення. За чатыры месяцы да нападу на Пінск расійскіх войскаў святар сяла Глінна Андрэй Дружылоўскі паскардзіўся на шкоды ад палкоўніка Аляксандра Русецкага з кампаніяй. Тыя ў ноч на 7 сакавіка 1660 года, “*naiachawszy gwałtownie na wies Hlinna, w powiecie Piskim leżącą tamże do cerkwi drzwi u kłódką odbiwszy w cerkwi*” сталі забіраць тканіны, а таксама “*xiążkę lekarską ruskim pismem za złotych piotnascie*”, а потым абрабавалі таксама і дом святара (забралі кажухі, фартухі, панчохі, тканіны, хусткі і шапкі) [17].

Прыклад сяла Глінна паказвае на абвастрэнне ў час вайны ўнутранага канфлікта ў грамадстве Рэчы Паспалітай, выкліканага найперш рэлігійнымі супярэчнасцямі. Ярка праявіўся гэты канфлікт на паводзінах паслушнікаў Куцеінскага манастыра (цяпер у межах горада Орша Віцебскай вобласці). Не знаходзячы падтрымкі і разумення ў сваёй дзяржаве, праваслаўныя шукалі яе ў суседзяў. У 1653 г. манахі з куцеінскага Багаяўленскага манастыра, пры якім працавала друкарня, “скудости ради” прывезлі на вазах прынамсі 530 кніг Новага завету, выдадзенага ў 1652 г. да расійскага цара (“богомольцы твои из литвы”) і папрасілі купіць: “Нам, богомольцам твоим, продаваючи те книги врознь, на Москве забавитца. Вели у нас те книги взять в государеву казну и вели деньги нам за те книги выдать”. Цар даў загад набыць у манахаў усю партыю кніг. У наступным годзе, калі Расія пайшла з вайной на землі Рэчы Паспалітай, куцеінскія манахі вельмі лаяльна паставіліся да расійскага войска і нават падалі прашэнне пра перасяленне іх у Расію, падалей ад мяжы вайсковага канфлікту. Мужчынскі манастыр перасялілі на Валдай, у новы Іверскі манастыр, а жанчын у Маскву, у Новадзявочы. Перасяленне ў Масковію і вяртанне назад у ВКЛ працягвалася да к. XVII ст. [11, с. 61–63; 22, 217–221, 227].

Беларускае духавенства прывозіла ў Расію мноства кніг: са жніўня па кастрычнік 1654 г. манахіні Куцеінскага Успенскага манастыра і іх свецкія сваячкі, на 100 падводах пераязджаючы ў Новадзявочы манастыр, везлі з сабой маёмасць, у тым ліку і кнігі. У куцеінскім Евангеллі 1652 г. захаваўся ўладальніцкі запіс “Сия книга, глаголемая Тестament общежительного монастыря Кутеинского паненского, инокини Анастасии Хоцковски” (Анастасія Фёдараўна Хацкоўска была ігуменняй Новадзявочага манастыра ў 1690–1693 гг.) [22, с. 221–227].

Больш за 80 кніг, якія папоўнілі бібліятэку Новадзявочага манастыра дзякуючы куцеінскім манахіням, можна падзяліць на тры групы: прывезеныя з Куцейна, набытыя ў Маскве, атрыманыя як уклад. Сярод прывезеных найперш кнігі куцеінскага друку: Псалтыр і Новы Завет 1652 г., які належаў Настассі Хацкоўскай, два асобнікі Трыфалагіёна 1647 г., адзін з якіх тры разы мяняў уласніц, судзячы па запісах у кнізе (першыя ўласніцы былі куцеінскімі старыцамі: Панфілія Якаўлеўна і Алімпіяда Пятроўна, а яшчэ адна — “Магдалына Семеновна” — названа проста старыцай Новадзявочага манастыра). З сабой манахіні, відаць, прывезлі і рукапісны зборнік жыццй святых, у якім захаваўся фрагмент запісу “...монастыря Кутеинского”, а таксама рукапісныя Ірмалоі (кнігі богаслужбовых тэкстаў для спеваў у царкве, бываюць з нотамі і без нот). Ірмалоі сталі дапаможнікамі ў засваенні новага і незвычайнага для масквічоў храмавага напеву, такія спеўныя рукапісы пазначаліся ў Маскве пазнакай “віленскі” [2, с. 280]. Сярод набытых у Маскве кніг былі кнігі кіеўскага друку, напрыклад, “Ключ разумения” Іанікія Галятоўскага ў 1659 г. належала ігуменні Меланіі, якая па смерці перадала кнігу “на общу”. Таксама ў Маскве манахіні набылі Пролаг, Трыодзі постныя – пра пакупку засталіся запісы ў кнігах. У пачатку 1690-х гг. пры ігуменні Настассі Хацкоўскай у манастыр было набыта 39 кніг: творы Сімяона Полацкага, кнігі для келейнага чытання і іншыя маскоўскія выданні 1680–1690-х гг. Але і «старыя», даваенныя выданні траплялі да манахінь у Маскве: кіеўскі Трэбнік 1646 г. перадаў па тастаменце Георгій Катранскі на карысць “куцеінскіх старыц” дзеля памінання душы яго. Пра палітычную сітуацыю, вагу манахінь могуць сведчыць уклады ад уплывовых асоб, найперш царскай сям’і: яе члены ў другой палове XVII ст. ахвяравалі 7 кніг “кутеинским старицам на церковное и на келейное чтение” [22, с. 222–227].

Цікавая гісторыя тычылася і мужчын-манахаў, якія таксама паступова і ці то добраахвотна, ці то пад прымусам пераехалі ў Расію, у Іверскі

манахы на Валдайскім возеры, і перавезлі свае рэчы, у тым ліку бібліятэку, а таксама друкарскае абсталяванне і наклад азбукі. На патрабаванне Нікана ў 1665 г. абсталяванне было аддадзенае ва Уваскрасенскі манахы “для образа”, аднак назад друкарскі варштат ужо не вярнуўся, а ў 1676 г. быў перададзены ў Маскву [11, с. 194–197, 204–205].

Цікава, што беларускія манахі і манахіні ў Расіі захоўвалі сваю ідэнтычнасць, памяталі сваё паходжанне. Так, куцеінскія манахі на Валдаі хавалі палонных з ВКЛ і дапамагалі ім вярнуцца на радзіму; патрыярх пісаў ім: “Уж и нам здесь от огласки не стало житья, что де старцы иверские с москвы полон литовской крадут и опять в Литву отсылают тайно”. А святар Варфаламей выбраў спосаб падтрымання ідэнтычнасці, звязаны з кнігамі: ён зрабіў уклад з 10 кніг у Новадзявочы манахы “по душе своей детям своим духовным, старицам кутейным, на общу”. Характэрна, што Варфаламей ахвяруе кнігі не на карысць усіх манахіняў Новадзявочага манахы, а менавіта на карысць беларускіх старыц. Кнігі ў гэтым выпадку сталі сродкам падтрымання, узнаўлення, вытворчасці ідэнтычнасці [11, с. 197–198; 22, с. 220–221].

Адваротны рух кніг, якія з’яўляліся стрыжнем пабудовы і зберажэння ідэнтычнасці, можна назіраць на прыкладзе супольнасці расійскіх старавераў. Цэлымі вёскамі ў другой палове XVII ст. яны эмігравалі разам са сваімі святынямі, хаваючыся ад рэпрэсій і “не хочучы падпарадкоўвацца” новаму парадку богаслужэння, новай богаслужбовай традыцыі [6, с. 4]. Калекцыі, перавезеныя стараверамі ў РП, былі багатымі: у 1690 г. сакратару Яна Сабескага паказалі стараверскую царкву, дзе на стала ляжала Евангелле ў кармазынавым аксаміце і срэбры, а таксама шмат кніг маскоўскага і кіеўскага друку, “усе кнігі адобраныя (approbatos) і друкаваныя, а не пісаныя” [6, с. 4]. Большая частка кірылічных кніг XVI–першай паловы XVII ст. захаваліся менавіта дзякуючы стараабрадцам, найперш расійскім. Найбуйнейшым сховішчам кніг беларускіх стараабрадцаў з’яўляецца Веткаўскі музей народнай творчасці імя Ф. Р. Шклярава. У багатай калекцыі ёсць і шэраг друкаваных ды рукапісных кніг XVI–XVII стст. Гэта кнігі, што ацалелі падчас барацьбы з рэлігіяй у савецкай Беларусі 1930-х гг., выцягнутыя з вогнішчаў і ўратаваныя ад закопвання ў кар’ерах. Шляхі іх міграцыі на беларускія землі былі рознымі. Напрыклад, Заблудаўскае вучыцельнае Евангелле 1569 г. было ўкладзена ў віленскі храм Сергія і Вакха ў 1647 г., а ў другой палове XVII ст. вывезенае (магчыма, яго вывезлі казакі ў вайну 1654–1667 гг.). Кніга

трапіла на землі паўночнай Украіны, у Чарнігаўскую ці Ноўгарад-Северскую епархію, дзе магло быць куплена кімсьці з веткаўскіх старавераў [10, с. 72–73]. А першую ўкраінскую друкаваную кнігу, львоўскі Апостал 1574 г., верагодна, чыталі і перачытвалі многія пакаленні адной сям’і старавераў, якая прывезла кнігу ў эміграцыю і пільна захоўвала да XX стагоддзя [10, с. 84–85].

Прыведзеныя прыклады паказваць, што кніжная міграцыя ў час вайны інтэнсіфікавалася, але асноўнай яе праявай стаў вываз кніг: за мяжу або, наадварот, углыб краіны. У час вайны роля кнігі ў жыцці грамадства набывала новыя рысы. Застаючыся духоўнай каштоўнасцю, яна таксама станавілася зброяй ідэалагічнай вайны; матэрыяльнай каштоўнасцю, якая магла каштаваць і чалавечага жыцця; нават “найлепшым падарункам” у асяроддзі воінаў; сродкам падтрымання ідэнтычнасці – рэлігійнай, этнічнай, лакальнай; сямейнай рэліквіяй – трэба меркаваць, кніга была тым даражэйшай, чым большай цаной яна была здабыта.

Літаратура

1. Гейденштейн, Р. Записки о Московской войне (1578–1582). – Санкт-Петербург, 1889. – LXXXVI, 309, 27 с.
2. Герасимова, И. В. Под властью русского царя: социокультурная среда Вильны в середине XVII века / Ирина Герасимова. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 334 с.
3. Грамота Полубенского // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. – Сочинения князя Курбского. Том 1. – Санкт-Петербург : Тип. М.А. Александрова, 1914. – Стлб. 495–496.
4. Дарашкевич, В. И. Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы : первая половина XVI в. / В. И. Дорошкевич; [под редакцией В. А. Чемерицкого] ; Академия наук Белорусской ССР, Институт литературы им. Я. Купалы. – Минск : Наука и техника, 1979. – 206 с.
5. Дневник последнего похода Батория на Россию. Дипломатическая переписка того времени (1581–1582) / М. Коялович. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1867). – VI, 832 с.
6. Довгяла, Д. И. Могилевская старина. Къ истории Ветки / Д. И. Довгяла // Сборник статей “Могилевских губерских ведомостей”. – 1900. Выпуск 1. – Могилев, 1900. – С. 1–5.

7. Дыярыушы XVII стагоддзя (1594–1707 гады): Самуэль Маскевіч, Багуслаў Маскевіч, Піліп Абуховіч, Міхал Абуховіч, Тэадор Абуховіч / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры, Інстытут літаратуразнаўства ім. Я. Купалы; [укладальнік, перакладчык з польскай мовы А. У. Бразгуноў; рэдкалегія: А. У. Бразгуноў (старшыня) і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2016. – 464 с.

8. Евангелле. – Вільня : друкарня Мамонічаў, 1600. – Нацыянальная бібліятэка Беларусі. – Шыфр: 096/4071К.

9. Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов / [Федеральное архивное агентство ; составители: О. В. Беляков и др. ; под редакцией Л. В. Мошковой]. – Москва : Древлехранилище, 2005–. – Вып. 1: Апостол – Кормчая. – 2005. – 589 с.

10. Книжная культура. Ветка / [авторы текста: С. И. Леонтьева, Г. Г. Нечаева ; фото: А. П. Дрибас]. – Минск : Беларуская Энцыклапедыя, 2013. – 526 с.

11. Лаўрык, Ю. М. Кнігі і кнігазборы куцеінскага Богаяўленскага манастыра ў сярэдзіне XVII ст. / Ю. М. Лаўрык; Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь. — Мінск : Тэхналогія, 2012. – 254 с.

12. Лебедев, А. Н. Надписи на старинных книгах : (памяти брата и друга И. М. Остроглазова): из журнала «Книговедение» 1896 г. / А.Н. Лебедев. – Москва : Печатня А.И. Снегиревой, 1896. – 34 с.

13. Лобин, А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года : к 500-летию сражения / А. Н. Лобин. – Санкт-Петербург : Общество памяти игумении Таисии, 2011. – 262 с.

14. Морозов, Б. Н. “Выписка из посольских книг” о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. / Подгот. Б.Н. Морозов // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. – Т. 2. Москва; Варшава, 1997. – С. 13–25.

15. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1733. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 300 адв.–302. Арыгінал.

16. НГАБ. – Ф. 1733. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 304–305. Арыгінал.

17. НГАБ. – Ф. 1733. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 96 адв.–97. Арыгінал.

18. НГАБ. – Ф. 1777. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 347–353. Арыгінал.

19. Подберёзкин, Ф. Д. «Вандалия» Альберта Кранца как источник по истории Ливонии: история одного послания // Книжное наследие А.П. Сапунова. Материалы республиканской научно-практической

конференции к юбилеям издания А.П. Сапуновым книг «Витебская старина» (т.1, 1883) и «Река Западная Двина» (1893). 23 декабря 2013. – Минск : Национальная библиотека Беларуси, 2014. – С. 261–264.

20. Славянамоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага XVI–XVIII стст. / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мовы і літаратуры імя Я. Коласа і Я. Купалы ; [укладанне, прадмова і каментарыі А. У. Бразгунова ; рэдкалегія: В. А. Чамярыцкі (старшыня) і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – 901 с.

21. Филюшкин, А. И. Андрей Михайлович Курбский : просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному / А. И. Филюшкин ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. – 620 с.

22. Чистякова, М. В. Монахини с “Белой Роси” / М. Чистякова // Белорусы Москвы. XVII век: [книга-альбом / составители: О. Д. Баженова, Т. В. Белова ; научный редактор О. Д. Баженова]. – Минск : Беларуская Энцыклапедыя, 2013. – С. 216–229.

23. Щапов, Я. Н. Библиотека Полоцкого Софийского собора и библиотека Замойских / Я. Н. Щапов // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. – Москва : Наука, 1976. – С. 262–282.

ДЕТИ БОЯРСКИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ВЛАСТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО В XIV–XVI ВВ.

THE LANDOWNING CAVALRYMEN AND THE RISE OF THE GRAND PRINCE OF MOSCOW IN XIV–XVI CENTURIES

А. А. Самойлов,
Магистрант
Исторического факультета
Белорусский государственный университет (БГУ)

A. Samoylov,
Graduate student of
History department
Belarusian State University (BSU)

Ключевые слова: дети боярские, вотчина, поместье, военная служба, знать, Иван III, Иван IV.

Keywords: landowners, votchina, pomestie, military service, the nobles, Ivan III, Ivan IV.

Резюме: В XIV–XVI вв. московское государство находилось в состоянии постоянных войн. Основу войска составляли дети боярские. Дети боярские делились на две группы: дети боярские на службе великого московского князя и дети боярские удельных князей. Последние беднели и теряли свои вотчинные владения в результате дробления земель. Поскольку они более не могли служить в войсках своих сеньоров, они стали переходить на службу великому князю под именем «вольных слуг». Вместо того чтобы собрать всех новоприбывших вольных слуг в своем личном войске, великий князь рассредоточивает их среди отрядов удельных князей. Это меняет положение великого князя, усиливая его власть и влияние.

Summary: Muscovy was in a state of permanent wars in XIV–XVI centuries. The largest component of the muscovite army was the landowning cavalrymen. They were called “boyar’s children”. There were two types of the boyar’s children: the boyar’s children of the Grand Prince of Moscow and the boyar’s children of other Princes. The latter were losing their votchina and becoming poor in the result of distribution of their estates between many members of the family. Being unable to serve in the army of their former feudal

seniors, they entered the army of the Grand Prince. They served the Grand Prince under the name of “free servants”. Instead of gathering them under his own banners, the Grand Prince dispatched all his free servants among the armies of other Princes. Owing to it, the balance of power started to shift and the Grand Prince of Moscow was gaining more influence.

Бояре занимали высшее положение в феодальном обществе России XVI–XVII в. Но, как бы высоко не было их положение в обществе, их численность была слишком мала, чтобы сформировать хоть сколь-нибудь полноценный боевой отряд. Во времена царствования Ивана IV бояре, наряду с другими представителями высшей знати, окончательно стали ассоциироваться с управлением страной. Основу же боевых отрядов составляли дети боярские и дворяне.

Согласно В.О. Ключевскому, в удельном княжестве не существовало идеи подданства: «господствовали договорные отношения свободных обывателей удела к его князю, основанные на обоюдных выгодах» [4, с. 188].

Общество XIV–XV вв. делилось на три категории: 1) бояре, дети боярские, слуги вольные — служили ратную службу; 2) «дворные слуги» князя, будущее дворянство, — служили по дворцовому хозяйству князя и были его дворовыми людьми; 3) тяглые люди — использовали княжескую землю, за что платили ему подать, тягло.

Дворяне и дети боярские появились одновременно, и в течении трех веков (XIII–XV вв.) сосуществовали друг с другом. Эти две группы служилых людей отличались своим происхождением и обязанностями. Дети боярские были вольным элементом средневекового общества. Основной обязанностью детей боярских было несение военной службы. Дворянами же считались дворцовые слуги князя, вольные и невольные. Изначально дворяне выполняли хозяйственные обязанности при дворе князя и являлись невоенным элементом общества. Во второй половине XV в. эти дворцовые слуги стали получать от московского государя земли наравне с военно-служилыми людьми, детьми боярскими, и вошли в один разряд с ними, отбывая по земле ратную службу. Процесс становления дворянства и поместной системы требует отдельного изучения. В данной статье рассматривается положение детей боярских, свободных вотчинников, составлявших основу русских армий XIV–XVI вв.

Самое раннее известие о детях боярских содержит статья, помещенная в Новгородской летописи под 1259 г. В лето 6767, просили «окаянные» татары у Александра Невского выделить им отряд охранников. «И повелел

князь стереги их сыну посадницу и всемъ детямъ боярскимъ по нощемъ» [7, с. 222].

В «Задонщине», памятнике 80-х гг. XIV столетия, накануне Куликовской битвы, великий князь московский обращался к детям боярским сразу вслед за боярами и воеводами: «И сказал князь великий Дмитрий Иванович своим боярам: «Братья, бояре и воеводы, и дети боярские, здесь ваши московские сладкие меды и великие места! Тут-то и добудьте себе места и женам своим» [3, с. 393].

Докончание Василия II Васильевича с Василием Ярославичем Серпуховским и Боровским подтверждает наличие свободных договорных отношений между служилыми людьми в 1433 г. Оно гарантировало право детей боярских выступать в поход с тем князем, которому они служили, вне зависимости от расположения их вотчин на землях союзников. Но им запрещалось покидать район проживания в случае осады местного города. Тогда служилые люди должны были сражаться на стороне оборонявшихся [2, с. 77]. Кроме того, до конца XV в. Рюриковичи подтверждали вольность службы детей боярских: право на отъезд от господина в любое время и при любых обстоятельствах [5, с. 33].

С конца XV в. и до начала XVI в. дети боярские были ударной силой московской рати. Они участвовали в войнах с Литвой, Ливонским орденом, казанскими и крымскими татарами.

Принимали дети боярские активное участие и в войнах Ивана IV, который оказывал им особые милости. Сигизмунд Герберштейн описывал их следующим образом: «Всех одинаково гнетет он жестоким рабством, так что, если он прикажет кому-нибудь быть при дворе его или идти на войну или править какое-либо посольство, тот вынужден исполнить это за свой собственный счет. Исключение составляют дети бояр, т.е. знатных лиц, с более скромным достатком (таких лиц, придавленных бедностью, он обыкновенно ежегодно принимает к себе и содержит, назначив им жалованье, но ни одинаковое)» [1, с. 72, 73].

В ответ на эти милости дети боярские обязаны были отчитываться о своей боеспособности. Лучшими формами контроля были смотры, с составлением переписей: «Каждые два или три года Государь производит набор по областям и переписывает детей Боярских с целью узнать их численность и сколько у кого лошадей и служителей...» [1, с. 113]. Кроме несения чисто военной службы, дети боярские привлекались к исполнению царских поручений, несению придворных обязанностей и к участию в столичных торжествах. С начала XVI в. всех городских и дворовых детей

боярских обязывали предоставить дочерей, достигнувших брачного возраста, на царский смотр невест.

Административная служба детей боярских на местах была не менее ответственна, чем военная, агентурная и дипломатическая. Здесь служилые люди обеспечивали порядок и спокойствие вверенного им населения. Некоторые дети боярские жаловались кормлениями в небольших городах и волостях, где они судили местное население и решали финансово-административные вопросы. Иногда расследование тяжб поручалось городовым служилым людям, которые не являлись кормленщиками, но отличались безупречной репутацией и верностью престолу. Другие дети боярские служили мелкими судебными исполнителями — приставами, недельщиками и доводчиками.

В истории сложилось устойчивое представление о детях боярских как о мелких и средних помещиках. Однако до создания поместной системы, которая начала складываться только в 80-е гг. XV в., условных держаний было не много и для формирования боеспособного войска их числа не хватало [5, с. 58]. Другое дело мелкие вотчинники. Мелких и средних вотчинников — детей боярских — было много, и они вполне могли обеспечить государство многочисленным войском.

Если в XIV в. процесс распада территориальных общин и разбора их земель частными лицами, сдерживался внешними факторами — необходимостью собирать ордынский «выход» и противостоять возможному вторжению, то с начала XV в., с переходом к более наступательной стратегии, Калитовичи могли более не считаться с подобными ограничениями и начать массовый перевод общинных земель в частные руки. Часть этих земель получили дети боярские. Ослабление городских «миров», позволило ликвидировать городские ополчения общины, как силы, способной сопротивляться княжеской власти организованным военным путем и сформировать из служилых вотчинников — детей боярских — вооруженную опору формировавшегося самодержавия.

Интересно в этом отношении мнение И.Б. Михайловой, согласно которому, «полки мелких и средних вотчинников — детей боярских — являлись переходной ступенью от городских ополчений к поместному войску» [5, с. 58].

Таким образом, формирование поместного войска происходило в несколько этапов. Необходимые предпосылки появились в XIV в., когда часть удельных князей и бояр добровольно перешли на службу

московскому великому князю. Дети боярские, утратившие свои земли в результате войн и разделов, переходили на службу московскому государю в качестве «слуг вольных». Московские князья поощряли поступавших к ним на службу значительными земельными пожалования на вотчинном праве. Это привело к двум последствиям.

Во-первых, к сокращению свободных земель и росту владений на вотчинном праве. Исследуя земельные владения служилых людей Волока Ламского XIV–XV вв., С. З. Чернов установил, что преобладали крупные вотчинные владения [9, с. 305–307]. Размер подобных владений позволял каждому сыну боярскому хорошо вооружиться, приобрести дорогой доспех и привести с собой значительное количество конных слуг.

Во-вторых, начался процесс разрушения традиционной феодальной системы сюзеренитета. Войска князей более не были относительно равны друг другу. Появление явного лидера, великого князя московского, концентрация на его службе значительного числа бояр и детей боярских, привели к созданию новой политической системы, в которой служба в войске московского князя становилась самой привлекательной для служилых людей.

Феодальная война 1425–1453 гг. была последней попыткой удельных князей сохранить прежнее равновесие сил. Победа в войне закрепила доминирующее положение московского государя, но поставило его перед необходимостью разрешить две задачи: заполнить вакуум в отношениях с князьями и боярами, образованный разрушением феодального сюзеренитета и остановить дробление земель.

Что касается первой из названных задач, то ко второй половине XV в. традиционная феодальная организация армии, уже не соответствовала имевшей сложившейся обстановке и тем задачам, которые ставились перед армией. Походный строй, когда каждый удельный князь вел своих бояр и детей боярских в отдельных отрядах, полностью отражал принцип сюзеренитета, но плохо подходил для длительных маршей русского войска.

Причиной тому был переход значительного числа детей боярских на службу великого князя московского. Поход Ивана III на Новгород 1477 г. ярко иллюстрирует сложившуюся ситуацию, когда дети боярские, не входившие во двор великого князя, но служившие ему со своих вотчин, попадали в состав отрядов удельных князей: «...дети боарьские...◇... со княземъ Борисом Можайцы, Волочане и Звенигородцы и Ружане, которые служатъ великому князю» [6, с. 311–312]. Летописец описывает ситуацию,

при которой князья и бояре командуют уже не своими детьми боярскими, а отрядами, имеющими смешанный состав: личных детей боярских князя или боярина и детей боярских великого князя. К сожалению, летописец не раскрывает подробностей о пропорциональном соотношении этих двух групп.

Наличие детей боярских великого князя в княжеско-боярских отрядах свидетельствует о смене добровольно-договорного сюзеренитета новой системой военно-политического компромисса. Князья и бояре сохранили за собой право лично возглавлять отряды и иметь определенное количество личных воинов. При этом, власть и командная роль великого князя значительно увеличилась. Великий князь не стремился сосредоточить всех своих детей боярских в своих личных отрядах. Поступая наоборот, он позволял им продолжать ходить в поход с их прежними командирами, благодаря чему, великий князь получал доступ к информации о состоянии боеготовности и лояльности княжеско-боярских отрядов, и гарантировал надлежащее исполнение своих приказов.

Второй задачей великого князя было решение земельного вопроса. Как только возможность захватывать новые земли уменьшилась, сразу появилась тенденция к дроблению земельных владений. Эта тенденция прослеживается на примере Сестринского стана: если в 1480–1490-х гг. доля крупных и средних вотчин на этой территории составляла 40%, а мелких вотчин всего 4,5%, то в 1500–1530-х гг. мелкие вотчины составляют уже 20% [9, с. 314–319]. Микрорегиональное исследование С.З. Чернова убедительно доказывает, что процесс дробление земель начался до начала Ливонской войны 1558–1583 гг.

К 1540-м гг. размеры вотчин часто становятся слишком малы, чтобы вести господское хозяйство, обеспечивавшее содержание воина. Если дети боярские не могли получить достаточную прибыль с зависимых от них крестьян, то по бедности своей они не могли прийти на службу в надлежащем вооружении.

По мнению С.З. Чернова, с 1540-х гг. земли детей боярских даже начинают выводить из хозяйственного оборота [9, с. 321]. Это значит, что Ливонская война не спровоцировала, а лишь усилила уже существовавшую тенденцию к дроблению земельных наделов. Следовательно, хозяйственный кризис носил системных характер, который нельзя объяснить только тяготами Ливонской войны.

В XV–XVI вв. на территории Германии власть успешно справлялась с угрозой дробления земель с помощью майората, системы наследования,

при которой деление земли между наследниками запрещалось и все недвижимое имущество переходило в собственность старшего сына. При этом, младшие сыновья, становились наемными воинами — «military entrepreneurs». Давид Пэрротт, в монографии «Бизнес Войны», пришёл к заключению, что все наемники и завербованные участники имперских армий XVI–XVII вв. были созданы «младшими сыновьями» и «младшими братьями принцев» [12, с. 57]. В частности, самый знаменитый тип кавалерии XVI в. — «reiters», рейтары, являлся военной формой организации младших сыновей.

Но великие князья московские в XV–XVI вв. не стали прибегать к майорату. Первая попытка применить майорат и замедлить дробление земель была предпринята лишь указом Петра I «О порядке наследований в движимых и недвижимых имуществах» только в 1714 г.

Вероятно, что причины столь разной правительственной политики в Германии и России на протяжении XV–XVI вв. следует искать в экономической сфере. Американский исследователь Г. Мискимин, изучая экономику Европы на протяжении 1460–1600 гг., пришел к выводу, что для этого периода был характерен сильнейший экономический подъем. Появлялись новые технологии в сельском хозяйстве и промышленности, росло городское население, увеличился товарооборот, развивалось банковское дело [10, с. 22]. Именно экономический рост в разных сферах жизнедеятельности позволял безземельным младшим сыновьям феодалов найти себе заработок.

Иначе складывалась ситуация в Московии. Более двух веков великие князья московские вели непрерывную борьбу за лидерство. К концу XV в. непокоренными остались новгородские земли и Рязанское княжество, хотя последнее часто разорялось в результате набегов. Пограничные города были в состоянии перманентной войны: на юге Коломна, на востоке Нижний Новгород, на западе Тверь. Москва находилась в значительной близости от границ и была стратегически уязвима. На рубеже XV–XVI вв. в московском государстве активно развивается кирпичная фортификация [11, с.23]. Типичным оборонительным сооружением становится кремль. В начале кремлем обзаводится Москва (1482–1495 гг.), затем Нижний Новгород (1505–1515 гг.) и Коломна (1525–1531 гг.). Примечательно, что обозначенная монументальная и величественная военная фортификация значительно опередила появление гражданских жилых и административных построек.

Войны и угрозы набегов влияли не только на внешний облик страны, но и деформировали ее внутреннее развитие, в первую очередь экономическое. В Европе XVI в. наблюдалось становление новой концепции частной собственности, защищавшей право состоятельных буржуа покупать земли рыцарей в сельской местности, далеко за городской чертой [10, с. 2–19]. В это же время в Московском царстве наблюдался противоположный процесс — привязка вотчинного владения землей к военной службе. Статья 85 Судебника 1550 г. ограничивала право распоряжения вотчинами [8, с. 256–257]. Кто владел землей в Московском государстве на вотчинном праве, тот должен был способен нести военную службу лично или через своих вооруженных слуг. Таким образом, пока в Западной Европе наблюдалось бурное экономическое развитие, Великое княжество Московское было вовлечено в бесконечные войны, которые привели к военной ориентации всей экономики. В результате, когда начался процесс дробления земельных владений, ослабленная войнами экономика не смогла обеспечить заработком беднеющих младших сыновей детей боярских, так, как это произошло на немецких землях в отношении немецких младших сыновей.

Дробление вотчин в Великом княжестве Московском имело три последствия: во-первых, в результате дробления общее число детей боярских значительно увеличилось; во-вторых, обеднев, дети боярские приблизилось по своему положению к рядовым конным воинам, не имевшим дорогостоящих доспехов и вооружения; в-третьих, масса детей боярских попала в зависимость от милости московских государей.

Таким образом, накануне воцарения Ивана IV, в 1547 г., основой вооруженных сил московского государства были дети боярских, вотчины которых в результате многочисленных дроблений сокращались до размеров, не дававших возможности вести на них господское хозяйство. Экономика страны была военно-ориентированной, защита государства требовала значительных инвестиций на возведение оборонительных фортификаций. Личные качества и военные походы Ивана III и Василия III позволили создать ситуацию военно-политического компромисса с князьями и боярством. С началом XVI в. наблюдается распространение пороха и усложнение осадного дела, что требует создания регулярной пехоты. Ивану IV было необходимо: установить свое видение военно-политического компромисса с князьями и боярами; решить земельную проблему детей боярских; и создать пехоту, вооруженную огнестрельным оружием.

Литература

1. Герберштейн, С. Записки о Московии / С. Герберштейн. – Москва : Изд-во МГУ, 1988. – 429 с.
2. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 587 с.
3. Изборник: Сборник произведений литературы Древней Руси / Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1969. – 799 с.
4. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. – Москва : Мысль, 1987. – Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. – 447 с.
5. Михайлова, И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси XIV – первой половине XVI века : Очерки социал. истории / И.Б. Михайлова – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. – 639 с.
6. Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание Русских летописей. – Т. 25. М.; Л. : Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1949. – 464 с.
7. Новгородская пятая летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 4. Ч. 2. – Петроград : Башмаков и К., 1917. – 264 с.
8. Памятники права периода укрепления русского централизованного государства. XV–XVII вв. / Сост. А. А. Зимин, С. М. Каштанов, А. И. Копанев и А. Г. Поляк; Под ред. проф. Л. В. Черепнина. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. – 632 с.
9. Чернов, С. З. Волок Ламский в XIV – первой половины XVI в.: структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации (акты Московской Руси: микрорегиональные исследования. Т. 1) / С. З. Чернов. – М. : Ин-т археологии РАН, 1998. – 543 с.
10. Miskimin, H. A. The economy of later Renaissance Europe 1460–1600 / H. M. Miskimin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – 222 p.
11. Nossov, K. Russian Fortress 1480–1682 / K. Nossov, P. Dennis. – New York: 2006. – 64 p. – (Osprey Publishing Limited. Fortress; № 39).
12. Parrott, D. The Business of war. Military Enterprise and Military Revolution in Early Modern Europe / David Parrott. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. – 448 p.

**МОДЕЛИ И ПУТИ РАЗВИТИЯ РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ VIII–XI ВВ.: НОВЕЙШИЕ ДИСКУССИИ И
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ**

**MODELS AND WAYS OF EARLY STATE FORMATION IN EASTERN
EUROPE, 8TH TO 11TH CENTURIES: RECENT DISCUSSIONS AND
SOME GENERAL ISSUES IN SOURCE STUDIES**

Вяч. С. Кулешов,

аспирант исторического факультета,
Белорусский государственный университет (БГУ),
научный сотрудник Отдела нумизматики
Государственного Эрмитажа (РФ, г. С.-Петербург)

Viacheslav Kuleshov

PhD student at History faculty,
Belarusian State University (BSU),
researcher at Numismatic department
of the State Hermitage Museum (Saint Petersburg, Russia)

Ключевые слова: политогенез, государственность, славяне, русы, Древняя Русь, историография, «антропологический поворот», источниковедение.

Keywords: state formation, statehood, the Slavs, the Rus, Old Rus', historiography, the anthropological turn, source studies.

Резюме: В статье предложен набор признаков, на основании которых можно классифицировать системы взглядов на пути развития раннесредневековой государственности народов Восточной Европы в новейшей историографии, и очерчен круг вопросов, наиболее обсуждаемых в современном источниковедении раннедревнерусской истории. Общий контекст восточноевропейского политогенеза VIII–XI вв. представляет собою многоуровневый политический, экономический и культурный диалог ранних государств, развивающихся на пересечении влияний больших цивилизаций (исламской, византийско-христианской, европейско-христианской и кочевой).

Summary: The article suggests a set of features which make it possible to classify systems of views on the ways of early state formation in Early Medieval Eastern Europe according to the recent historiography. The article outlines a

range of issues of Old Rus' history most discussed in contemporary source studies. The general context of Eastern European state formation of the 8th to 11th centuries is that of a multi-level political, economic and cultural dialogue of early states at the intersection of influences of Islamic, Byzantine-Christian, European-Christian and Nomadic civilizations.

Широкий круг вопросов, связанных с историческим, политическим, экономическим и культурным развитием восточноевропейских обществ эпохи раннего средневековья, постоянно находится в фокусе внимания специалистов и не теряет актуальности. В последние полтора-два десятилетия вопросы этого типа всё чаще обсуждаются в рамках общей и поэтому удобной системы взглядов, получившей название теории политогенеза (термин восходит к идеям Л. Е. Куббеля в области потестарно-политической этнографии). Под термином «политогенез» понимают процесс возникновения и историю ранних этапов развития государственности — иначе говоря, верховной власти, административного аппарата и государственных институтов (в самом широком и неспециальном смысле слова государственный). Использование термина «политогенез», уже прочно вошедшего в научный обиход, позволяет, во-первых, удачно избежать споров о сути, функциях, формах и признаках государства вообще и, во-вторых, не останавливаться на противопоставлении «догосударственных», «протогосударственных», «предгосударственных» и «раннегосударственных» образований и отысканию трудноуловимых или мнимых различий между ними. Несмотря на немалое количество взглядов (в том числе и взаимоисключающих), высказанных в историографии XIX — начала XXI в. относительно специфики государственности раннесредневековых обществ Восточной Европы, многие противоречия могут быть сняты указанием на тот факт, что в последние века I тысячелетия и на рубеже II тысячелетия н. э. все общества Восточной Европы пребывали на ранних стадиях сложения и трансформации своих государственных институтов — как при сколь угодно узком, так и при сколь угодно широком понимании структуры и функций государства вообще.

Тем не менее, сохраняется и развивается немалое количество авторских концепций, направлений и целых школ, весьма по-разному трактующих общие или частные аспекты и сюжеты истории и политогенеза обществ Восточной Европы VIII–XI вв. С новой силой и в рамках более широкой аудитории разгорелись споры вековой и

двухвековой давности. Многие авторы и школы претендуют на то, чтобы их системы взглядов считались ведущими, предпочтительными, респектабельными и перспективными, при этом формулируемые системы систематически противоречат друг другу: от абсолютизации и модернизации ролей и функций государства и государственности в домонгольской Руси сейчас приходят к решительному отрицанию государственного статуса древнерусского общества и рисуют его архаичным и «общинным». Некоторое представление о современной палитре исследований и интересов может дать объёмный, хотя и поразительно тенденциозный обзор, предложенный А. Ю. Дворниченко по материалам российской и отчасти зарубежной историографии [8].

Дать даже краткий обзор концепций, взглядов и точек зрения на политогенез раннедревнерусского общества в историографии последних полутора столетий (не говоря уже о памятниках историографии более раннего времени) — задача исключительной сложности и ответственности. Не приходится сомневаться в том, что для её выполнения на современном уровне требуются особые и чрезвычайно трудоёмкие исследования. Вопросы политогенеза рассмотрены в историографических экскурсах и полемических пассажах новейших монографий [59; 71; 35; 54; 63; 16; 62]. Что касается историографии экономической истории, тесно связанной с историей политических институтов, то она хорошо суммирована в книгах М. Б. Свердлова, М. М. Шумилова и В. Б. Перхавко [60; 74; 49; 48] (важно при этом, что работы последних двух авторов ориентированы узко тематически).

На протяжении XIX–XX вв. отношение историков к оценке и трактовке фактов, факторов и тем ранней древнерусской истории и политогенеза было отмечено значительным плюрализмом объяснений и подходов и не лишено острых противоречий. Попробуем экономно описать эти противоречия в терминах бинарных оппозиций.

Прежде всего, введённое А. В. Головнёвым *противопоставление локальных и магистральных культур* (и сформулированные им на этом основании замечательные реконструкции фрагментов русской истории) [2; 3] могут быть обобщены в историографическом ключе. Системы взглядов историков прошлого можно классифицировать по признаку признания/непризнания ими локальных и магистральных компонентов (и их соотношения в структуре) средневековой восточноевропейской экономики и политики на *локально ориентированные* (в своём крайнем виде — изоляционистские, наивно-автохтонистские, славянофильские) и

магистрально ориентированные (в своём крайнем виде — миграционистские, наивно-западнические, «норманофильские»). Это противопоставление оказывается полезным для всех этапов развития исторической науки, особенно же для понимания дискуссий второй половины XVIII — середины XIX в., но сохраняется и в наши дни, особенно в сфере популярной историографии и литературной публицистики. Авторы, придерживающиеся локально ориентированных схем, склонны видеть экономические основы общественного и политического развития главным образом в земледелии и динамике так называемого «племенного строя» (налицо редукция истории Восточной Европы к истории славянского общества), а авторы, реконструировавшие историю раннего средневековья в магистральном ключе — главным образом, в торговле и динамике «дружинного строя» (редукция к истории русского общества, со всех точек зрения более приемлемая, но, взятая сама по себе, тоже неполная).

Второе важнейшее противопоставление, ещё не столь резкое в наследии авторов XIX в., но с особой силой и драматизмом проявившееся в последние десятилетия, — это противопоставление *источниковедческих баз и источниковедческих компетенций* отдельных авторов и целых «школ». Дело в том, что самый ранний этап древнерусской истории и политогенеза освещён исключительно в памятниках иноязычных письменных и устных традиций (арабской, византийской, латинской, еврейской, персидской, древнеисландской) и в вещественных памятниках (археологических и нумизматических), тогда как формирование устойчивой летописной традиции на Руси относится ко времени не ранее середины и конца XI в. Тексты даже древнейших летописных сводов имеют ограниченную ценность для периода VIII–XI веков, отражённого в них только фрагментами устных традиций, и нуждаются в тонкой и многослойной источниковедческой критике. Однако до сих пор весьма широко распространены исследования, в которых проблематика VIII–XI веков рассматривается в видимом отрыве от базы синхронных иноязычных источников, с опорой только лишь на более поздние древнерусские письменные памятники (иногда, но не обязательно, в комбинации с археологическими реконструкциями — как правило, устаревающими или уже устаревшими), дедукцию и определённые «теоретические» и/или «историографические» положения. Наибольшее распространение подобная стратегия получила в работах И. Я. Фроянова [61; 64; 65; 66; 67; 68; 69], для раннего этапа, хронологически предшествующего XII–XIII векам, без

каких-либо существенных изменений продолжающих построения Б. Д. Грекова [7; 5; 6; 4] и В. В. Мавродина [22; 25; 24; 23] (которые, как сейчас очевидно, маркируют драматический регресс советской исторической науки о Древней Руси по сравнению с российской исторической наукой последней трети XIX — первой трети XX в.). Работы учеников и последователей Фроянова — А. Ю. Дворниченко, В. В. Пузанова [57; 56; 58] и некоторых других — не демонстрируют в этом отношении принципиальных изменений.

С конца 1960-х годов в Москве успешно развивается иная традиция, связанная с именами В. Т. Пашуто и А. П. Новосельцева и их младших коллег и сотрудников, в исследовательской стратегии которых строго нормативен совершенно иной подход (эпистемологически индуктивный), предполагающий стремление к всемерному учёту данных всех групп источников (включая эпиграфические, археологические и нумизматические) и их предварительный филологический анализ. Именно с этим направлением в современной исторической науке о Древней Руси связаны лучшие источниковедческие работы (ср., в частности, [9]) и концептуальные обобщения в сопоставительном и сравнительно-типологическом плане. Здесь помимо монографий самого В. Т. Пашуто [47; 45], должны быть названы работы Е. А. Мельниковой [38; 39; 40; 33; 34; 35; 36; 37], В. Я. Петрухина [51; 52; 55; 50; 53; 54] и А. В. Назаренко [43; 41; 44; 42]. В Петербурге примыкают к ним исследования Д. А. Мачинского [30; 32; 29; 26; 27; 28; 31], Г. С. Лебедева [1; 15; 17; 18; 19; 20; 21] и других представителей Ленинградской/Петербургской историко-археологической школы [11; 12; 13; 14; 46]. Из разработок самого последнего времени лучше всего соотносятся с этим направлением книги и статьи Е. А. Шинакова [72; 70; 71; 73].

Третьим из интересующих нас противопоставлений (отчасти связанным с первым) является противопоставление *эволюционных и революционных взглядов* на характер протекания исторических и связанных с ними экономических и политических процессов. Одни авторы постулируют и аргументируют постепенный и поступательный характер развития славянской и будущей древнерусской государственности от VI до XIII в. (часто такая хронология напрямую отражена в заголовках печатных работ), обходя стороной острые вопросы структуры этой эпохи. Другие авторы признают насыщенный сдвигами и революционными событиями драматичный и сильно расчленённый характер эпохи «долгого средневековья», предполагающий необходимость проводить в ней

внутренние границы и особым образом их маркировать. Так, только для отрезка от середины VIII в. (отмеченного такими событиями как расселение ранних славян после эпохи «дунайских походов», образование «большой» Хазарии и основание Ладожского поселения) до монгольского завоевания может быть выделено не менее четырёх периодов, наполненных разным историко-культурным и политическим содержанием:

- (1) середина VIII — IX вв.,
- (2) конец IX — начало XI в. (с особым вниманием к 1015 г.),
- (3) конец X / начало XI — последняя треть XI в.,
- (4) конец XI / начало XII — 1240-е г.

На современном этапе интегральные взгляды первого типа по-прежнему влиятельны, но лучшие достижения и прогресс в области понимания ранней древнерусской истории вполне ожидаемо и понятно связаны со взглядами второго типа. Дело в том, что по сравнению со схемами исторического процесса VIII–XI вв., развивавшимися в российской науке XIX — первой трети XX в., и в особенности в советской исторической науке с её жёсткими идеологическими и методологическими установками, современная плюралистическая научная картина, отражённая в частных и аналитических, обобщающих и синтетических публикациях последних десятилетий, значительно усложнилась, обогатилась, претерпела и продолжает претерпевать весьма заметную перестройку. Эта перестройка происходит благодаря более широкому, систематическому и внимательному учёту разных (в том числе совершенно новых) групп источников, объяснению и взаимному соотнесению их свидетельств, появлению новых памятников, установлению новых фактов, преодолению устаревших и ошибочных и введению новых и многообещающих моделей, подходов, концепций и гипотез. При этом не подлежит сомнению, что в области изучения исторических ситуаций, форм и процессов сложения и развития русской государственности на этапах, предшествующих возникновению устойчивой летописной традиции (т. е. ранее конца XI в.), сохраняется большое количество спорных тем и вопросов. Они относятся к широкому кругу областей и направлений: это выявление, критика и реконструкция фрагментов и свидетельств древнерусской устной традиции X–XI вв., критическое и сопоставительное изучение данных иноязычных письменных традиций, содержащих сведения о Восточной Европе VIII–XI веков, выявление и реконструкция фактов и процессов этнической и этносоциальной истории и этнокультурного взаимодействия восточноевропейских обществ VIII–XI вв. (скандинавских, славянских,

балтийских, прибалтийско-финских, волжско-финских, пермских, угорских, тюркских, аланских и кавказских групп), моделирование и верификация отдельных эпизодов и целых блоков восточноевропейской истории VIII–XI вв. данными археологии, этнографии, культурной антропологии и типологии политических ситуаций. Этот далеко не полный перечень может быть продолжен и детализирован. Ясно, однако, какую роль играют здесь вопросы «экономического» и «политического» блоков, буквально «растворённые» в показаниях всех без исключения источников.

Не обращаясь к разветвлённой и очень запутанной «сети» этих концепций, попробуем наметить признаки, по которым они противопоставляются друг другу и могут сравниваться между собой; нас будут интересовать ответы на вопрос о путях и моделях возникновения и развития государственности в обществах Восточной Европы. На этот вопрос исследователи придерживаются точек зрения, которые могут быть условно названы *эндогенной*, *экзогенной* и *билатеральной*, подразумевающими возникновение государственности соответственно как продукт внутреннего и закономерного развития обществ, как феномен, принесённый извне «в готовом виде» или как результат двустороннего взаимодействия, включающего в себя развитие обоих типов.

Далее, противопоставляются *этноцентрические концепции* и *концепции диалога культур*. Говоря о восточнославянском политогенезе, имеют ввиду славянские общества преддунайского (корчакско-пражский хронологический горизонт) и постдунайского этапов (горизонт Сахновки, Луки-Райковецкой и роменской/боршевской культуры). В противоположность славянскому этноцентризму, характерному для советской историографии Киевской Руси по моделям Б. Д. Грекова и его оппонентов (школа И. Я. Фроянова), развиваются тюркский этноцентризм (такова современная татарская историография Волжской Булгарии) или, например, маргинальный еврейский этноцентризм, рассматривающий раннюю Русь как еврейскую общину (такое понимание имеет некоторые основания в арабских и еврейских источниках). Наряду с подобными узко ориентированными взглядами всё больше сторонников обретает плюралистический взгляд на исторический процесс, признающий тот очевидный факт, что общества Восточной Европы развивались в контакте друг с другом и во взаимовлиянии, в разном темпе, в разных цивилизационных условиях, с разными результатами, но в едином направлении. История и политогенез славян, русов, прибалтийских финнов, балтов, оседлых и кочевых народов Поволжья, Степи и Северного

Кавказа, угров урало-сибирской зоны, еврейских и греческих общин Причерноморья могут рассматриваться как частные эпизоды единой картины.

Следует обратить внимание и на результаты «антропологического поворота» в этнической и политической истории раннего средневековья. В российской историографии один из эпизодов этого поворота связан, в частности, с уже упоминавшейся выше книгой А. В. Головнёва «Антропология движения» [2], в которой разработана концепция локальных и магистральных обществ и моделирована роль магистрального общества русов в политогенезе будущей Руси. Диалог народов Восточной Европы оказывается диалогом обществ, развитие которых происходит между локальной и магистральной стратегиями, примерами которых выступают славяне и русы. Отсюда понятны элементы автохтонизма и миграционизма, к которым склонны авторы, рассматривающие эти общества отдельно друг от друга.

В настоящее время предельно чётко обозначилось противопоставление *историографических* и *источниковедческих* стратегий в изучении проблем политогенеза. Об этом прямо и недвусмысленно заявляет А. Ю. Дворниченко, говоря, что работа историка «может быть только историографической». Однако это резко противоречит точке зрения, согласно которой работа историка не должна быть вторичной: мы не получим нового знания только на основе перечитывания и критики предшественников. (Не случайно, очевидно, среди авторов направления Грекова — Мавродина — Фроянова — Дворниченко нет ни одного признанного источниковеда, а среди тех, кто всё же глубоко интересуется письменными источниками, в качестве таковых рассматриваются только древнерусские летописи, ценность которых для древнейшего периода русской истории проблематична.)

Детализируем последнее наблюдение: оно касается противопоставления *летописецентризма* и *плюрализма* источниковой базы. В настоящее время почти все группы иноязычных источников хорошо переведены, изучены и объединены в комментированные своды (в частности, [10]). Однако объединение (или хотя бы конструктивное пересечение) противоборствующих взглядов на новом уровне понимания полного и всеобъемлющего комплекса источников — пока всё ещё дело будущего.

Последнее, о чём нужно сказать самым определённым образом, это о философских разногласиях, связанных с противопоставлением

эссенциалистских и номиналистских взглядов на феномены государства, культуры и общества. Согласно эссенциалистским доктринам, существуют универсалии ('государство'), к которым нужно всего лишь отыскать набор формальных признаков, необходимый и достаточный для квалификации той или иной политической структуры как государства или не-государства. Выдвигались очень разные взгляды — от апологии развитого феодального государства уже на ранних этапах древнерусской истории (Б. Д. Греков) до отрицания существования в Древней Руси государственности вообще (А. Ю. Дворниченко). Бесконечные дискуссии эссенциалистского типа ведутся о признаках, критериях, формах государства и их отражении в источниках. В то же время, номиналистский взгляд исходит из того, что концепт государства неуниверсален, а установление границ между наличием и отсутствием государственности должно исходить не из «сути», а из функции, тогда как формальные признаки могут иметь градуальный («скользящий») и динамический характер. Как правило, в средневековых арабских, латинских и византийских источниках о Восточной Европе господствует именно такой взгляд: под наличием государственности («ранней государственности») понимается только наличие правителя и (но не обязательно) связанной с ним элиты. Этот признак можно было бы считать необходимым и достаточным для квалификации того или иного общества как *мамлаки* (арабский взгляд), *регнума* (латинский взгляд) или *архонтии* (византийский взгляд): все эти слова можно перевести либо как «небольшое государство», либо как «княжество», то есть образование базового уровня со своими *маликом*, *рексом* или *архонтом* во главе.

Итак, опираясь на описанные выше противопоставления, можно сжатым образом охарактеризовать общий контекст восточноевропейского политогенеза VIII–XI вв. Его составляет обширная и мозаичная система сосуществующих ранних государств — лимитрофов больших цивилизаций (исламской, византийско-христианской, европейско-христианской и кочевой), находившихся в напряжённом диалоге и взаимодействии друг с другом и входивших в широкую надсистему культурных, экономических и политических связей широкого спектра, охвативших всю Западную Евразию и обусловивших многоуровневый политический, экономический и культурный диалог. История каждого из «малых обществ» (локальных и магистральных) этой динамичной эпохи должна реконструироваться как история контактов, заимствований, влияний и отражений.

Литература

1. Булкин, В. А. Гнездово и Бирка. (К проблеме становления города) / В. А. Булкин, Г. С. Лебедев // Культура средневековой Руси : [Сб. ст.,] посв. 70-летию М. К. Каргера / Ин-т археологии АН СССР ; отв. ред. А. Н. Кирпичников, П. А. Раппопорт. – Л. : Наука, Ленинградское отд., 1974. – С. 11–17.
2. Головнёв, А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии) / А. В. Головнёв ; Уральское отд-е РАН. – Екатеринбург : НПМП «Волот» 2009. – 495 с.
3. Головнёв, А. В. Феномен колонизации / А. В. Головнёв ; Уральское отд-е РАН, Этнографическое бюро. – Екатеринбург : [б. и.], 2015. – 591 с., ил.
4. Греков, Б. Д. Киевская Русь / Б. Д. Греков ; отв. ред. Л. В. Черепнин. — М. : Гос. изд-во политической лит-ры, 1953. – 568 с.
5. Греков, Б. Д. Киевская Русь : [Новое изд.] / Б. Д. Греков. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1949. – (Библиотека учителя.) – 510 с.
6. Греков, Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века / Б. Д. Греков ; Ин-т истории АН СССР. Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Изд-во АН СССР, 1952. – Кн. 1-я. — 534 с.
7. Греков, Б. Д. Феодалные отношения в Киевском государстве / Б. Д. Греков ; Ин-т истории АН СССР. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. – 191 с.
8. Дворниченко, А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении Древнерусского государства / А. Ю. Дворниченко. – СПб. : Евразия, КЛИО, 2014. – 558 с.
9. Джаксон, Т. Н. «Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна» как источник по истории и географии Северной Руси и сопредельных областей в IX–XI вв. / Т. Н. Джаксон, Д. А. Мачинский // Вопросы истории Европейского Севера : (Историография и источниковедение) : Межвуз. сб. / Петрозаводский гос. ун-т им. О. В. Куусинена ; ред. кол.: М. И. Шумилов (отв. ред.) и др. – Петрозаводск : [РИО Петрозаводского гос. ун-та им. О. В. Куусинена], 1989. – С. 128–145. – С. 128–145.
10. Древнерусское государство и его международное значение / А. П. Новосельцев и др. ; Ин-т истории АН СССР ; под ред. В. Т. Пашуто и Л. В. Черепнина. – М. : Наука, 1965. – [Гл. 1] : Черты политического строя древней Руси / В. Т. Пашуто. – С. 11–76 ; [Гл. 2] : Особенности структуры Древнерусского государства / В. Т. Пашуто. – С. 77–127.

11. Кирпичников, А. Н. Великий волжский путь и ладожско-волховский север Руси в эпоху раннего средневековья / А. Н. Кирпичников // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья / Ин-т истории материальной культуры РАН ; ред кол.: А. Н. Кирпичников (отв. ред.) и др. — СПб. : Нестор-История, 2006. — Вып. 1. — С. 5–12.

12. Кирпичников, А. Н. Ладога VIII–X вв. и её международные связи / А. Н. Кирпичников // Древняя Русь: новые исследования / Санкт-Петербургский гос. ун-т ; под ред. И. В. Дубова, И. Я. Фроянова. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1995. — (Славяно-русские древности. Вып. 2.) — С. 28–53.

13. Кирпичников, А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // Историко-археологическое изучение Древней Руси: итоги и основные проблемы / Ленинградский гос. ун-т им. А. А. Жданова ; ред. кол.: И. В. Дубов (отв. ред.) и др. — Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. — Славяно-русские древности. Вып. 1. — С. 38–79.

14. Кирпичников, А. Н. Старая Ладога в первые века русской истории. Некоторые итоги историко-археологического изучения / А. Н. Кирпичников // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси : Сб. ст. Памяти Ольги Ивановны Давидан / Гос. Эрмитаж ; Ин-т истории материальной культуры РАН ; отв. ред. Е. Н. Носов, Г. И. Смирнова. — СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. — С. 9–15.

15. Клейн, Л. С. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения / Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. : Сб. ст. / Ин-т истории СССР АН СССР, Ленинградское отд. ; ред. кол.: Н. Е. Носов, И. П. Шаскольский. — Л. : Наука, Ленинградское отд., 1970. — (Труды. Вып. 11.) — С. 226–252.

16. Котляр, Н. Ф. Древнерусская государственность / Н. Ф. Котляр. — СПб. : Алетейя, 2016. — 303 с.

17. Лебедев, Г. С. Археологическое изучение Новгородской земли : [История исследования. Памятники и проблемы] / Г. С. Лебедев // Новгородский исторический сборник / Ин-т истории СССР АН СССР, Ленинградское отд. ; ред. кол.: В. Л. Янин (отв. ред.) и др. — Л. : Наука, Ленинградское отд., 1982. — [Вып.] 1 (11). — С. 15–42.

18. Лебедев, Г. С. Русь и чудь, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н. э. / Г. С. Лебедев // Историко-археологическое изучение Древней Руси: итоги и основные проблемы / Ленинградский гос. ун-т им. А. А.

Жданова ; ред. кол.: И. В. Дубов (отв. ред.) и др. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. – Славяно-русские древности. Вып. 1. – С. 79–99.

19. Лебедев, Г. С. Скандобалтика и Русь в историко-культурном процессе раннего средневековья Европы (VIII–XI вв.) / Г. С. Лебедев // Европа—Азия: проблемы этнокультурных контактов : [Сб. ст.] к 300-летию Санкт-Петербурга / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН ; центр «Петроскандика» НИИ КСИ СПбГУ ; отв. ред. Г. С. Лебедев. – СПб. : [б. и.], 2002. – С. 7–23.

20. Лебедев, Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе : Историко-археологические очерки / Г. С. Лебедев ; Ленинградский гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. — 286 с.

21. Лебедев, Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси / Г. С. Лебедев. – СПб. : Евразия, 2005. — 639 с., ил.

22. Мавродин, В. В. Образование древнерусского государства / В. В. Мавродин. – Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1945. — 432 с.

23. Мавродин, В. В. Образование древнерусского государства / В. В. Мавродин ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – 2-е изд. / [предисл. А. Ю. Дворниченко]. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. – 590 с.

24. Мавродин, В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности : Учеб. пособие / В. В. Мавродин. – М. : Высшая школа, 1971. – 192 с.

25. Мавродин, В. Древняя Русь : (Происхождение русского народа и образование Киевского государства) / В. В. Мавродин. Л. : Огиз ; Госполитиздат, 1946. – 311 с., ил., 2 карты.

26. Мачинский, Д. А. Ладога — древнейшая столица Руси и её «ворота в Европу» / Д. А. Мачинский // Старая Ладога. Древняя столица Руси : Каталог выставки / Гос. Эрмитаж ; науч. ред. Б. С. Короткевич. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – С. 11–35.

27. Мачинский, Д. А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII — середине XI в. / Д. А. Мачинский // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света : Мат-лы Межд. конф., состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Гос. Эрмитаже / Гос. Эрмитаж ; ред. кол.: Б. С. Короткевич и др. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – (Труды Гос. Эрмитажа. [Т.] XLIX.) – С. 460–538.

28. Мачинский, Д. А. О роли финноязычного населения бассейнов Волхова и Великой в сложении этносоциума «русь» (VIII–XI вв.) / Д. А.

Мачинский // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы : Сб. науч. трудов / Гос. музей этнографии народов СССР ; ред. кол.: О. М. Фишман (отв. ред.) и др. — Л. : [б. и.], 1990. — С. 110–120.

29. Мачинский, Д. А. О скандинавском компоненте в составе Волховской Руси / Д. А. Мачинский // Новгород и Новгородская земля: История и археология : (Тез. науч.-пр. конф.) / Новгородский гос. объединённый музей-заповедник ; отв. ред. В. Л. Янин. Новгород : [РИО Упрполиграфиздата], 1988. — [Вып. 1.] — С. 46–49.

30. Мачинский, Д. А. Ростово-Суздальская Русь в X в. и «три группы руси» восточных авторов / Д. А. Мачинский // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока : Межвуз. сб. науч. ст. / Сыктывкарский гос. ун-т им. 50-летия СССР ; ред. кол.: А. Д. Столяр (отв. ред.) и др. — Сыктывкар : Пермский университет (sic) ; [Ротапринт Коми республиканской типографии], 1985. — С. 3–23.

31. Мачинский, Д. А. Северная Русь и саги о древних временах / Д. А. Мачинский, М. В. Панкратова // Европа—Азия: проблемы этнокультурных контактов : [Сб. ст.] к 300-летию Санкт-Петербурга / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН ; центр «Петроскандика» НИИ КСИ СПбГУ ; отв. ред. Г. С. Лебедев. — СПб. : [б. и.], 2002. — С. 23–46.

32. Мачинский, Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) / Д. А. Мачинский // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики : [Сб. ст.] / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР ; отв. ред. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов. — Л. : Наука, Ленинградское отд., 1986. — С. 3–29.

33. Мельникова, Е. А. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы / Е. А. Мельникова // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков : Мат-лы Межд. симпозиума (Казань, 8–10 сентября 1998 г.) / Ин-т истории АН Татарстана [и др.] ; ред. кол.: Ф. Ш. Хузин (отв. ред.) и др. — Казань : Мастер Лайн, 1999. — С. 80–87.

34. Мельникова, Е. А. Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе (сравнительно-типологический аспект) / Е. А. Мельникова // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света : Мат-лы Межд. конф., состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Гос. Эрмитаже / Гос. Эрмитаж ; ред. кол.: Б. С. Короткевич и др. — СПб. :

Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – (Труды Гос. Эрмитажа. [Т.] XLIX.) – С. 89–100.

35. Мельникова, Е. А. Древняя Русь и Скандинавия : Избр. труды / Е. А. Мельникова ; Ин-т всеобщей истории РАН ; Ун-т Дмитрия Пожарского ; под ред. Г. В. Глазыриной, Т. Н. Джаксон. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. – 475 с.

36. Мельникова, Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе : (Постановка проблемы) / Е. А. Мельникова // Древнейшие государства Восточной Европы : Мат-лы и исследования / Ин-т российской истории РАН ; ред. кол.: А. П. Новосельцев (отв. ред.) и др. – М. : Наука, 1995. – [Вып. за] 1992–1993 годы. – С. 16–33.

37. Мельникова, Е. А. Пути в структуре ментальной карты составителя «Повести временных лет» / Е. А. Мельникова // Древнейшие государства Восточной Европы / Ин-т всеобщей истории РАН ; ред. кол.: Е. А. Мельникова (отв. ред.) и др. – М. : Индрик, 2010. – С. 318–344.

38. Мельникова, Е. А. Сведения о Древней Руси в двух скандинавских рунических надписях / Е. А. Мельникова // История СССР / Ин-т истории СССР АН СССР ; ред. кол.: И. Д. Ковальченко (гл. ред.) и др. – М. : Наука, 1974. – [№] 6 (ноябрь–декабрь 1974). – С. 170–178.

39. Мельникова, Е. А. Свидетельства скандинавских рунических надписей XI–XII вв. о народах Восточной Европы / Е. А. Мельникова // Скандинавский сборник / Тартуский гос. ун-т ; ред. кол.: Х. Мосберг (пред.) и др. – Таллин : Изд-во «Ээсти раамат», 1975. – [Вып.] XX. – С. 158–166.

40. Мельникова, Е. А. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) / Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин // История СССР / Ин-т истории СССР АН СССР ; ред. кол.: И. Д. Ковальченко (гл. ред.) и др. – М. : Наука, 1986. – [№] 5 (сентябрь–октябрь). – С. 64–78.

41. Назаренко, А. В. Древняя Русь на международных путях : Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. / А. В. Назаренко. – М. : Языки русской культуры, 2001. – (Studia historica.) – 780 с.

42. Назаренко, А. В. Русь IX века: обзор письменных источников / А. В. Назаренко // Русь в IX–X веках : Археологическая панорама / Ин-т археологии РАН ; отв. ред. акад. Н. А. Макаров. – М. ; Вологда : ООО НИЦ «Древности Севера», 2012. – С. 12–35.

43. Назаренко, А. В. Русь и Германия в IX–X вв. / А. В. Назаренко // Древнейшие государства Восточной Европы : Мат-лы и исследования / Ин-т российской истории РАН ; ред. кол.: А. П. Новосельцев (отв. ред.) и др. – М. : Наука, 1994. – [Вып. за] 1991 год. – С. 5–138.

44. Назаренко, А. В. Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «Внешняя Русь» Константина Багрянородного / А. В. Назаренко // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света : Мат-лы Межд. конф., состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Гос. Эрмитаже / Гос. Эрмитаж ; ред. кол.: Б. С. Короткевич и др. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. — (Труды Гос. Эрмитажа. [Т.] XLIX.) – С. 411–425.

45. Новосельцев, А. П. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) / А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто // История СССР / Ин-т истории АН СССР ; ред. кол.: Ю. А. Поляков (гл. ред.) и др. – М. : Наука, 1967. – [№] 3 (май–июнь 1967). – С. 81–108.

46. Носов, Е. Н. К вопросу о типологии городов Поволховья / Е. Н. Носов // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары : Докл. Межд. научного симпозиума по вопросам археологии и истории (11–14 мая 1999 г., Пушкинские Горы) / Ин-т истории материальной культуры РАН и др. ; ред. кол.: А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов, А. И. Сакса. – СПб. : ИПК «Вести», 2000. – С. 162–171.

47. Пашуто, В. Т. Внешняя политика Древней Руси / В. Т. Пашуто ; Ин-т истории АН СССР. – М. : Наука, 1968. – 472 с., карта.

48. Перхавко, В. Б. Средневековое русское купечество / В. Б. Перхавко ; Ин-т российской истории РАН. – М. : Кучково поле, 2012. – 623 с.

49. Перхавко, В. Б. Торговый мир средневековой Руси / В. Б. Перхавко ; Ин-т российской истории РАН ; Культурно-просветительский фонд «Воспитание историей». – М. : Academia, 2006. – (Монографические исследования: история России.) – 607 с.

50. Петрухин, В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия / В. Я. Петрухин // Из истории русской культуры : [Сб. работ] / [Сост. А. Д. Кошелев]. – М. : Языки русской культуры, 2000. – Т. I : (Древняя Русь). — (Язык. Семиотика. Культура.) – С. 11–410.

51. Петрухин, В. Я. К предыстории древнерусского города / В. Я. Петрухин, Т. А. Пушкина // История СССР / Ин-т истории СССР АН СССР

; ред. кол.: И. Д. Ковальченко (гл. ред.) и др. – М. : Наука, 1979. – [№] 4 (июль–август 1979). – С. 100–112.

52. Петрухин, В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков / В. Я. Петрухин ; Ин-т славяноведения и балканистики РАН. – Смоленск : Русич ; М. : Гнозис, 1995. – (Русичи.) – 317 с.

53. Петрухин, В. Я. Русь в IX–X веках : От призвания варягов до выбора веры / В. Я. Петрухин ; Ин-т славяноведения РАН. – М. : Изд-во «ФОРУМ» ; Изд. дом «Неолит», 2013. — (Человек в культуре.) – 463 с., ил.

54. Петрухин, В. Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры / В. Я. Петрухин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Форум : Неолит, 2014. – 464 с.

55. Петрухин, В. Я. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства / В. Я. Петрухин // Древнейшие государства Восточной Европы : Мат-лы и исследования / Ин-т российской истории РАН ; ред. кол.: А. П. Новосельцев (отв. ред.) и др. – М. : Наука, 1995. – [Вып. за] 1992–1993 годы. — С. 117–125.

56. Пузанов, В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты / В. В. Пузанов. – Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2007. – 623 с.

57. Пузанов, В. В. О спорных вопросах изучения генезиса восточнославянской государственности в новейшей отечественной историографии / В. В. Пузанов // Средневековая и новая Россия : Сб. науч. ст. к 60-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова / Гос. комитет РФ по высшему образованию ; ред. кол.: В. М. Воробьев (отв. ред.), А. Ю. Дворниченко (отв. ред.) и др. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. – (Межвуз. науч. программа «Исторический опыт русского народа и современность».) – С. 148–167.

58. Пузанов, В. В. Образование Древнерусского государства в восточноевропейской историографии : Учебное пособие / В. В. Пузанов ; Удмуртский гос. ун-т ; отв. ред. И. Я. Фроянов. – Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 151 с.

59. Свердлов, М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. / М. Б. Свердлов. – СПб. : Академический проект, 2003. – 736 с.

60. Свердлов, М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков / М. Б. Свердлов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. – 330 с.

61. Становление и развитие раннеклассовых обществ: город и государство / Ленинградский гос. ун-т ; под ред. Г. Л. Курбатова, Э. Д. Фролова, И. Я. Фроянова. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – Ч. 3 : Города-государства в Древней Руси / И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко. – С. 198–311.

62. Темушев, С. Н. Образование Древнерусского государства / С. Н. Темушев. Изд. 2-е, перераб. – М. : Квадрига, 2016. – 351 с., карты.

63. Толочко, А. П. Очерки начальной Руси / А. П. Толочко. – Киев ; СПб. : Лаурус, 2015. – 326 с.

64. Фроянов, И. Я. Города-государства Древней Руси / И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко ; Ленинградский гос. ун-т. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. – 269 с.

65. Фроянов, И. Я. Древняя Русь : Опыт исследования истории социальной и политической борьбы / И. Я. Фроянов ; Санкт-Петербургский гос. ун-т и др. ; под ред. А. Я. Дегтярёва. — М. ; СПб. : Златоуст, 1995. – 704 с.

66. Фроянов, И. Я. Киевская Русь : Главные черты социально-экономического строя / И. Я. Фроянов ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. – 370 с.

67. Фроянов, И. Я. Киевская Русь : Очерки социально-политической истории / И. Я. Фроянов ; Ленинградский гос. ун-т ; отв. ред. В. В. Мавродин. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1980. – 256 с.

68. Фроянов, И. Я. Киевская Русь : Очерки социально-экономической истории / И. Я. Фроянов ; Ленинградский гос. ун-т им. А. А. Жданова ; отв. ред. В. В. Мавродин. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. – 159 с.

69. Фроянов, И. Я. Мятёжный Новгород : Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия / И. Я. Фроянов ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1992. – 280 с.

70. Шинаков, Е. А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект / Е. А. Шинаков ; Брянский гос. ун-т им. акад. И. Г. Петровского. – Брянск : Изд-во Брянского гос. ун-та, 2002. – 487 с.

71. Шинаков, Е. А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект / Е. А. Шинаков ; Брянский гос. ун-т им. акад. И. Г. Петровского. Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Изд. фирма «Восточная лит-ра» РАН, 2009. – 477 с.

72. Шинаков, Е. А. От пращи до скрамасакса: на пути к державе Рюриковичей / Е. А. Шинаков ; Брянский гос. пед. ун-т им. акад. И. Г. Петровского ; Санкт-Петербургский ф-л Рос. науч.-исс. ин-та культурного и природного наследия. – Брянск : Изд-во Брянского гос. пед. ун-та ; СПб., 1995. – 274 с.

73. Шинаков, Е. А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства / Е. А. Шинаков // Древнейшие государства Восточной Европы / Ин-т всеобщей истории РАН ; Ун-т Дмитрия Пожарского ; ред. кол.: Е. А. Мельникова (отв. ред.) и др. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. – 2010 год : Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. – С. 34–93.

74. Шумилов, М. М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVII вв.) / М. М. Шумилов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 471 с.